ХРЕСТОМАТІЯ
ПО
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Новая Исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ.

Часть I.

ЭПОХА ГУМАНИЗМА И РЕФОРМАЦІИ.

Составилъ
проф. П. Н. АРДАШЕВЪ
въ сотрудничествѣ съ
прив.-доц. Н. И. Никифоровымъ и преподавателями В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ и Н. П. Руткевичемъ.

КІЕВЪ.
Типографія 2-й Артели, Владимирская 43.
1914.

ХРЕСТОМАТІЯ
ПО
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

Новая Исторія въ отрывкахъ изъ источниковъ.

Часть I.
ЭПОХА ГУМАНИЗМА И РЕФОРМАЦІИ.

Составилъ
проф. П. Н. АРДАШЕВЪ
въ сотрудничествѣ съ
прив.-доц. Н. И. Никифоровымъ и преподавателями В. Н. Евстафьевымъ, Б. А. Зарудскимъ и Н. П. Руткевичемъ.

КІЕВЪ.
Типографія 2-й Артели, Владимирская 43.
1914.

НОВАЯ ИСТОРІЯ
въ отрывкахъ изъ источниковъ.

Часть I.

ЭПОХА ГУМАНИЗМА И РЕФОРМАЦІИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Гуманизмъ.

1. Гуманизмъ въ Италіи (3—27).

2. Гуманизмъ во Франціи (28—44).

3. Гуманизмъ въ Англіи (45—49).

4. Гуманизмъ въ Германіи (50—82).

II. Великія изобрѣтенія и открытія.

1. Изобрѣтеніе книгопечатанія по свидѣтельствамъ и отзывамъ современниковъ (85—87).

2. Вопросъ о морскомъ пути въ Индію (88—91).

3. Открытіе Новаго Свѣта (92—97).

III. Реформація.

1. Великіе церковные соборы XV вѣка (101—105).

2. Реформація въ Германіи (106—133).

3. Политическія и соціальныя отношенія въ Германіи въ эпоху реформаціи (134—164).

4. Контръ-реформація (165—172).

5. Франція въ эпоху реформаціи (173—211).

6. Англія и Нидерланды въ эпоху реформаціи (212—228).

I.

ГУМАНИЗМЪ.

I. Гуманизмъ въ Италіи.

Франческо Петрарка.

1304—1374.

Петрарка является родоначальникомъ итальянскаго гуманизма, а слѣдовательно и гуманизма вообще. Приводимый ниже отрывокъ изъ его латинскаго трактата *De vita solitaria—Объ уединеніи*—обличаетъ въ авторѣ уже чисто гуманистическое, чуждое средневѣковью, настроеніе. Восхваляя уединеніе, онъ далекъ отъ мысли о монашескомъ отшельничествѣ въ духѣ средневѣковаго аскетизма; нѣтъ, уединеніе мило его душѣ потому, что оно освобождаетъ человѣка отъ будничныхъ заботъ и хлопотъ и даетъ возможность наслаждаться эстетически—природой и умственно—наукой и литературой. Другими словами, уединеніе имѣетъ въ глазахъ Петрарки цѣну, какъ синонимъ свободы, *свободы духа*, и какъ благопріятная обстановка для развитія собственной личности—умственнаго и эстетическаго. И съ этой точки зрѣнія приводимый отрывокъ характеренъ для Петрарки, какъ гуманиста, такъ какъ *индивидуализмъ, культъ личнаго начала* является основнымъ признакомъ гуманизма вообще.

1.

Объ уединеніи.

Я вѣрю, что благородный духъ человѣка ни на чемъ не успокоится, кромѣ какъ на Богѣ, цѣли нашего существованія,—кромѣ какъ на себѣ самомъ и на своихъ внутреннихъ стремленіяхъ,—кромѣ какъ на другой душѣ, близкой ему въ силу большаго сходства, ибо хотя чувственныя наслажденія липки, какъ клей, и цѣпки, какъ силки, однако они не могутъ слишкомъ долго привязывать къ землѣ его мощныя крылья.

При томъ, если мы стремимся познать Бога или себя самихъ, или обрѣсти пристойныя занятія, или же найти душу, родственную намъ, мы должны возможно дальше уйти отъ людской толпы и сутолоки городовъ.

Что это именно такъ, какъ я вѣрю, не станетъ сильно оспаривать даже тотъ, кого забавляетъ людская сутолока, и кто не настолько оглушенъ шумомъ и не настолько подавленъ ложными мнѣніями, чтобы время отъ времени не вспоминать о себѣ...

Чѣмъ заняты многіе?

Перейдемъ къ самой сути дѣла...

Держи передъ своимъ умственнымъ взоромъ двухъ людей противоположнаго образа жизни, которыхъ я тебѣ опишу, и что ты подмѣтишь въ нихъ, сопоставь все это въ своемъ умѣ.

Занятой (occupatus). Поднимается несчастный обитатель городовъ, прерывая сонъ среди ночи, подъ вліяніемъ либо своихъ собственныхъ заботъ, либо просьбъ кліентовъ. Зачастую онъ страдаетъ отъ кошмаровъ. Вставши, даже боится дневного свѣта, ночью онъ поспѣшно усаживается за свою несчастную стойку; обдумываетъ какъ бы обмануть друга или сироту, что-либо урвать на общественномъ и частномъ дѣлѣ; то очертя голову и закусивши удила, то вяло и апатично, онъ начинаетъ еще до разсвѣта ткать свою паутину дневного труда, которой оплетаетъ себя и другихъ.

Живущій въ уединеніи (Solitarius). Встаетъ живущій въ уединеніи, чуждый заботъ, освѣженный непродолжительнымъ отдыхомъ и короткимъ, но непрерываемымъ и спокойнымъ сномъ, иногда лишь пробуждаемый пѣніемъ соловья. Не спѣша одѣвшись, и прогнавъ дремоту, онъ начинаетъ напѣвать, призывать къ себѣ на помощь владыку свого сердца*), не полагаясь на свои силы, не склонный ни къ какимъ обманамъ, часто полный спасительнаго страха и трепетной надежды, помня о прошедшемъ, преду-

*) Бога.

гадывая будущее, онъ преисполняется тихой скорби и проливаетъ счастливыя слезы; съ этимъ состояніемъ не можетъ сравниться никакое удовольствіе занятого, никакое городское развлеченіе, никакое тщеславіе сильныхъ міра сего.

Затѣмъ, созерцая небо и звѣзды и призывая всѣмъ помышленіемъ своимъ обитающаго тамъ владыку Бога, помня объ отечествѣ, онъ тотчасъ принимается за какое-нибудь честное дѣло и пріятное чтеніе и ждетъ со спокойною душою наступленія дня.

Для него начало дня свободно, и свобода означаетъ возможность оставаться или идти туда, куда влечетъ его духъ.

Occupatus. Печальный, навьюченный жалобами, занятый дѣлами, бредетъ онъ на площадь.

Solitarius. Бродитъ онъ веселый въ сосѣднемъ лѣсу, полный душевнаго покоя, молча и радостно встрѣчаетъ онъ счастливое начало яснаго дня.

Occupatus. Идетъ онъ къ гордымъ дворцамъ владыкъ или къ зловѣщему судилищу, мѣшаетъ ложь съ правдой, принижаетъ справедливость невиннаго, потѣшается наглостью преступленія, однимъ словомъ—замышляетъ что-либо къ своему собственному стыду или къ чужой погибели, чувствуя угрызеніе совѣсти, часто изъ страха нарушая даже данное слово, принимая истину за ложь, предпочитая одни слова другимъ, а въ душѣ—стыдъ и беспокойство.

Кто изъ нихъ—спрашиваю я—доселѣ проводитъ свои часы болѣе честно?

Настаетъ время обѣда...

Occupatus. Тотъ располагается на огромномъ дворѣ... Домъ оглашается разными криками, кругомъ—собаки, прислужники... Расположившись вокругъ, наперебой готовые прислуживать прихлѣбатели; толпа грызущихся между собою родственниковъ дополняетъ обстановку... Наконецъ палочкой данъ сигналъ къ битвѣ... Поднимается страшный шумъ, сносятся добытыя на сушѣ и на морѣ изысканныя кушанья...

Solitarius. А у этого все діаметрально противоположно. Собраніе ангеловъ несравненно пріятнѣе, чѣмъ общество людей..., тихая трапеза, отмѣченная печатью умѣренности, чуждая роскоши и шума.

Поднимается тотъ [1]) или пьянымъ или недовольнымъ, этотъ [2]) спокойнымъ и трезвымъ; тотъ либо сердится, либо дурачится, этотъ, избѣгая того и другого, воздаетъ благодарность Богу.

Наконецъ, тотъ проводитъ весь день среди роскоши, сна, въ тревожныхъ заботахъ и утомительныхъ занятіяхъ, а у этого, среди хвалебныхъ пѣснопѣній Богу, среди свободныхъ занятій и изысканій чего-либо новаго, воспоминаній о быломъ, среди необходимаго отдыха, ничего или почти ничего не пропадаетъ...

Правда, многимъ уединенная жизнь кажется тяжелѣе смерти и, по ихъ мнѣнію, даже служитъ причиной смерти, въ особенности это случается съ людьми, чуждыми наукѣ... Конечно, уединеніе безъ наукъ—изгнаніе, тюрьма, пытка; но стоитъ присоединить науки—родина, свобода, наслажденіе.

Переводъ Н. П. Руткевича.

Изъ сонетовъ Петрарки.

2.

Папскому двору въ Авиньонѣ. [3])

Рѣзко обличительный тонъ по отношенію къ папскому двору тѣмъ болѣе характеренъ въ обѣихъ приводимыхъ здѣсь канцонахъ, что онѣ вылились изъ-подъ пера поэта, носившаго духовный санъ. Обличительное отношеніе къ папству является, за рѣдкими исключеніями, чертой общей гуманистамъ всѣхъ странъ. Эта черта ихъ роднитъ, кромѣ того, съ церковными реформаторами. Это—одна изъ точекъ соприкосновенія между двумя

[1]) Occupatus.

[2]) Solitarius.

[3]) Послѣ борьбы папы Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ, папскій дворъ былъ перенесенъ во французскій городъ Авиньонъ, гдѣ и оставался въ теченіе семидесяти лѣтъ (1309—1378).

великими культурными движеніями первыхъ вѣковъ новой исторіи—гуманизмомъ и реформаціей.

Да поразитъ тебя небесный громъ,
Негодный дворъ! Ты, бѣдныхъ разоряя
И крохи ихъ въ свою казну сбирая, [1])
Богаче и сильнѣе съ каждымъ днемъ.
Гнѣздо измѣнъ, гдѣ все то зло творится,
Что губитъ нынѣ Божій свѣтъ...

. . . .

Въ былые дни не спалъ ты на перинѣ,
А нагъ и босъ средь терній жилъ въ кручинѣ, [2])
Но твой позоръ ужъ видятъ Божьи очи.

Переводъ А. Т.

3.

Папскому двору въ Римѣ. [3])

Потокъ скорбей, обитель злобы дикой,
Храмъ ереси и школа заблужденій,
Источникъ слезъ, когда-то Римъ великій,
Теперь лишь Вавилонъ всѣхъ прегрѣшеній,
Горнило всѣхъ обмановъ, мрачная тюрьма,
Гдѣ гибнетъ благо, зло произрастаетъ,
Живымъ—до смерти адъ и тьма,—
Ужель тебя Господь не покараетъ?

. . . .

---

[1]) Въ числѣ многочисленныхъ источниковъ папскихъ доходовъ были, между прочимъ, всячески поощрявшіяся папами массовыя паломничества въ Римъ со всѣхъ концовъ католическаго міра, по случаю папскихъ „юбилеевъ“ и другихъ празднествъ. Увлекаясь этими паломничествами, въ надеждѣ на обѣщанное папами отпущеніе грѣховъ, множество не только богатыхъ и состоятельныхъ людей, но и бѣдноты стекалось въ Римъ, принося съ собою свои послѣдніе гроши, которые здѣсь и оставляли. Прямо или косвенно значительная часть паломническихъ денегъ попадала, конечно, въ папскую казну. На это здѣсь и намекаетъ Петрарка.

[2]) Намекъ на первоначальную бѣдность и скромность жизни первыхъ римскихъ епископовъ.

[3]) Въ 1378 г. папскій дворъ снова былъ перенесенъ въ Римъ. См. стр. 6, примѣчаніе 3.

Ну, чтожъ, ты правъ, непогрѣшимъ ты у людей,
И Константинъ [1]) не встанетъ изъ могилы.

Переводъ А. Т.

Изъ канцонъ Петрарки.

4.

Итальянскимъ властелинамъ.

Хотя принципіально гуманизмъ ненаціоналенъ, космополитиченъ, но практически большинство гуманистовъ являются частью безсознательными, частью сознательными націоналистами и патріотами. Къ числу безсознательныхъ націоналистовъ слѣдуетъ отнести, напримѣръ, Боккачіо, который, при всемъ своемъ равнодушіи къ національному вопросу, былъ однимъ изъ творцовъ національнаго литературнаго итальянскаго языка и тѣмъ содѣйствовалъ какъ выработкѣ самой націи (итальянской), такъ и росту ея самосознанія. Что касается Петрарки, то въ его лицѣ мы имѣемъ дѣло уже съ націоналистомъ и патріотомъ вполнѣ сознательнымъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ высказываетъ свою признательность Провидѣнію за то, что оно дало ему родиться итальянцемъ, подобно тому, какъ древній греческій философъ Платонъ благодарилъ боговъ за то, что они судили ему родиться грекомъ. Національно-патріотическое настроеніе роднитъ Петрарку какъ съ его соотечественникомъ Макіавелли, такъ и съ большинствомъ нѣмецкихъ гуманистовъ конца XV и начала XVI в. Яркое выраженіе указанное настроеніе нашло себѣ въ приводимой здѣсь канцонѣ.

Италія моя! хотя не исцѣлитъ
Мой стихъ тѣхъ ранъ кровавыхъ,
Что губятъ тѣло чудное твое;
Но сердце такъ болитъ мое,
Что съ береговъ По величавыхъ
Мой вопль до Тибра прозвучитъ.
Небесный Царь! во имя той любви,
Что привела Тебя въ юдоль земную,
Отчизнѣ милость Ты яви!
Гляди: мою страну родную,

[1]) Императоръ Константинъ Великій (306-337).

Мой край, Тобой любимый,
Война, раздоръ неугасимый
Изъ-за пустыхъ причинъ,
Какъ жестоко терзаетъ.
Смягчи, Отецъ и Господинъ,
Сердца, что распря такъ ожесточаетъ,
И ихъ открой, чтобъ истина Твоя
Влилася въ нихъ черезъ меня.
О, вы, кому судьба дала
Бразды правленья надъ страною, [1])
Къ которой жалости въ васъ нѣтъ,
Зачѣмъ, вы дайте мнѣ отвѣтъ,
На вашъ призывъ съ войною
Германцевъ армія пришла?
Не льститесь вы мечтой пустою,
Что варвары поля чужія
Своею кровью обагрятъ.
Вожди слѣпые!
Да развѣ вы въ сердцахъ продажныхъ
Найдете вѣру и любовь?

. . . .

Природа мудро поступила,
Когда межъ нами и свирѣпою ордой [2])
Преградой Альпы положила;
Но вы своею дикою враждой
Того достигли, что проказа
Здоровое покрыла тѣло,
И мудрое свершили дѣло,
Сведя вь одну овчарню сразу
Съ волками мирныя стада,
Гдѣ лучшій стонетъ лишь всегда.

. . . .

О, край латинянъ славныхъ,
Стряхни съ себя тяжелый гнетъ.

---

[1]) Владѣтельные князья итальянскихъ государствъ.
[2]) Нѣмцами.

Не дѣлай идоловъ державныхъ
Изъ словъ, хоть звучныхъ, но пустыхъ!
И если варварскій народъ [1])
Культурною страною [2]) овладѣлъ,
Такъ это не въ порядкѣ вѣдь вещей
Земныхъ, а плодъ позорныхъ нашихъ дѣлъ.
Не это ли страна родная?
Не это ль гнѣздышко, гдѣ я
Въ любви возросъ, заботъ не зная?
Не это ли отчизна та моя,
Которая, какъ мать, любовно
Своей землей прикрыла ровно
Родителей моихъ?
О, сжальтесь же, синьеры!
Смотрите, плачетъ весь народъ
И помощи отъ васъ однихъ
Онъ, послѣ Бога, ждетъ.
О, если вы, оставивъ споры,
Лишь кликнете,—на зовъ
Возстанетъ добродѣтель скоро
И злобу побѣдитъ враговъ.
Въ сердцахъ гражданъ Италіи моей
Жива вѣдь доблесть прежнихъ дней.
. . . .

Переводъ А. Т.

Джіованни Боккачіо.

1313—1375.

5.

Изъ „Декамерона“.

Джіованни Боккачіо, младшій современникъ и другъ Петрарки, былъ сыномъ флорентійскаго купца и француженки и родился въ Парижѣ (въ 1313 г.), гдѣ и провелъ свое дѣтство. Въ

[1]) Нѣмцы.
[2]) Италіей.

качествѣ гуманиста, Боккачіо составилъ себѣ имя, во-первыхъ, какъ ученый знатокъ античной литературы и въ частности — греческой и авторъ нѣсколькихъ ученыхъ трактатовъ (*Genealogiae deorum gentilium* и др., всѣ на латинскомъ яз.). Но еще болѣе широкую извѣстность доставили ему беллетристическія произведенія на итальянскомъ языкѣ, въ особенности же написанный имъ между 1450 и 1453 г. знаменитый сборникъ новеллъ (разсказовъ) *Декамеронъ* (греч. слово, означающее „десятидневіе“). Всѣ новеллы Боккачіо проникнуты тѣмъ жизнерадостнымъ настроеніемъ, которое является столь характернымъ для гуманизма, въ противоположность суровому отношенію къ радостямъ земной жизни со стороны представителей средневѣковыхъ идеаловъ, отмѣченныхъ печатью аскетизма. Одна изъ новеллъ *Декамерона* приводится здѣсь цѣликомъ въ переводѣ.

Нашла коса на камень.

Во Флоренціи жилъ одинъ страшный обжора, котораго прозвали Чакко. Этотъ человѣкъ имѣлъ очень хорошія манеры, умѣлъ говорить плавно и занимательно, поэтому его всегда и всюду охотно приглашали. Такъ какъ ограниченность средствъ мѣшала Чакко удовлетворять свою страсть къ хорошимъ кушаньямъ, то онъ бывалъ только у людей богатыхъ, любившихъ вкусно поѣсть. Иногда Чакко и безъ приглашенія являлся на обѣдъ или ужинъ.

Жилъ также во Флоренціи другой человѣкъ, Біонделло. Онъ былъ очень маленькаго роста, но обладалъ пропорціональнымъ сложеніемъ и красивой фигурой. Одѣвался онъ хорошо, изящно, чисто, какъ мушка. Его бѣлокурые густые волосы всегда были безукоризненно причесаны, а шапочка щегольски сидѣла на его головѣ. Маленькій человѣчекъ этотъ дѣйствовалъ совершенно такъ же, какъ и Чакко. Разъ, во время поста, Біонделло отправился на рыбный рынокъ и купилъ пару большихъ толстыхъ миногъ для Вьери-де-Черки. Увидѣвши это, Чакко подошелъ къ Біонделло и спросилъ:

— На что тебѣ миноги?

— Вчера, отвѣтилъ Біонделло, господину Корсо Донати прислали трехъ миногъ, которыя были еще жирнѣе этихъ,

да еще осетра. Господинъ Корсо Донати, желая угостить своихъ пріятелей, рѣшилъ, что ему мало этой рыбы и послалъ меня прикупить еще пару миногъ. Ты не будешь у него?

— Ну, конечно, приду!

Чакко отправился къ Корсо, и такъ какъ уже было время идти къ столу, пригласилъ всѣхъ въ столовую. Хозяинъ и гости сѣли на свои мѣста. На обѣдъ подали сѣрый горохъ и соленаго тунца, потомъ жареную рыбу изъ Арно и больше ничего. Чакко понялъ, что Біонделло обманулъ его. Онъ сильно разсердился и рѣшилъ отомстить за насмѣшку. Прошло нѣсколько дней. Біонделло всюду разсказывалъ о своей продѣлкѣ съ Чакко. Наконецъ, встрѣтивъ, насмѣшливо раскланялся съ нимъ и спросилъ, вкусны ли были миноги Корсо Донати.

— Не пройдетъ и недѣли, какъ ты самъ лучше меня узнаешь это—отвѣтилъ Чакко.

Не теряя времени, онъ отправился къ одному бѣдному, но хитрому человѣку, сторговался съ нимъ, далъ ему пустую бутылку и отвелъ его къ рынку Навиччіули. Тамъ Чакко показалъ нанятому бѣдняку рыцаря Филиппо Ардженти, человѣка огромнаго роста, сильнаго, заносчиваго, надменнаго и вспыльчиваго. Обращаясь къ своему наемнику, Чакко сказалъ:

— Подойди къ нему съ бутылкой въ рукѣ и скажи: „Меня послалъ къ вамъ Біонделло, который проситъ васъ придать этой бутылкѣ цвѣтъ рубина, наливъ въ нее вашего превосходнаго краснаго вина; онъ желалъ бы угостить имъ своихъ пріятелей“. Только берегись—прибавилъ Чакко,—держись отъ него подальше, не-то тебѣ жестоко достанется отъ рыцаря, и весь мой планъ будетъ испорченъ.

— Это все? спросилъ бѣднякъ.

— Да. Когда исполнишь мое порученіе, вернись ко мнѣ, и я тебѣ заплачу.

Филиппо, легко приходившій въ раздраженіе, выслушавъ бѣдняка, вспыхнулъ. Онъ зналъ Біонделло, и ему представилось, что тотъ смѣется надъ нимъ.

— О какомъ рубиновомъ цвѣтѣ говоритъ онъ, о какихъ пріятеляхъ? Будьте прокляты вы оба!

Съ этими словами рыцарь вскочилъ и собирался схватить посланнаго Чакко, но бѣднякъ ловко увернулся и убѣжалъ отъ Филиппо къ Чакко. Послѣдній, выслушавъ отвѣтъ рыцаря, остался очень доволенъ и заплатилъ ловкому человѣку условленную сумму. Онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не встрѣтилъ Біонделло и не спросилъ его:

— Ты былъ на рынкѣ Навиччіули?

Нѣтъ. А почему ты спрашиваешь меня объ этомъ?

— Потому, что рыцарь Филиппо, не знаю, зачѣмъ, разыскиваетъ тебя тамъ -сказалъ Чакко.

— Хорошо, замѣтилъ Біонделло, я схожу и поговорю съ нимъ.

Чакко пошелъ вслѣдъ за Біонделло, чтобы посмотрѣть, чѣмъ кончится дѣло. Филиппо, которому не удалось схватить плутоватаго посланника Чакко, продолжалъ сильно сердиться. Онъ не могъ доискаться до смысла словъ, которыя будто бы велѣлъ ему передать Біонделло, и все болѣе и болѣе убѣждался въ томъ, что они сказаны съ желаніемъ посмѣяться надъ нимъ. Этою мыслью онъ былъ занятъ, когда къ нему подошелъ Біонделло. Рыцарь сразу бросился на него и сильно ударилъ кулакомъ по носу.

— Что это значитъ? вскрикнулъ Біонделло.

Филиппо же схватилъ его за волосы, сорвалъ съ него шапочку и, повалилъ на землю, сталъ ему наносить удары.

— Ты увидишь, негодяй, что это значитъ! —приговаривалъ рыцарь. Только ты самъ объясни мнѣ, о какомъ рубиновомъ цвѣтѣ, о какихъ пріятеляхъ говорилъ ты? Не думаешь ли, что можно надо мной смѣяться?

Филиппо билъ своими желѣзными кулаками Біонделло по лицу, клочьями рвалъ ему волосы, волочилъ по землѣ, въ лохмотья изорвалъ на немъ платье. Онъ такъ увлекся этимъ своимъ дѣломъ, что Біонделло не имѣлъ возможности промолвить слова или спросить рыцаря, чѣмъ онъ вызвалъ въ немъ столь неудержимый гнѣвъ. Правда, несчастный

разслышалъ слова: „цвѣтъ рубина“, „пріятели“, но не понималъ, къ чему они относятся. Наконецъ, собралась толпа народа. Зрители съ громаднымъ трудомъ отняли совершенно избитаго Біонделло изъ рукъ Филиппо. Видѣвшіе все съ самаго начала разсказали несчастному, что именно раздражило рыцаря. Они стали упрекать Біонделло за то, что онъ прислалъ къ Филиппо какого-то плута съ такимъ страннымъ порученіемъ, и прибавили, что ему слѣдовало бы знать Ардженти и помнить, что съ этимъ человѣкомъ шутки плохи. Біонделло плакалъ, оправдывался и говорилъ, что никогда не просилъ вина у рыцаря. Успокоившись немного, избитый и разстроенный вернулся Біонделло домой. Скоро онъ догадался, что это была продѣлка Чакко. Біонделло не выходилъ изъ дома до тѣхъ поръ пока не сошли синяки съ лица. Наконецъ, онъ началъ показываться на улицѣ и вскорѣ встрѣтилъ Чакко, который спросилъ его съ усмѣшкой:

— Ну, какъ понравилось тебѣ вино Филиппо?

— Такъ же, какъ тебѣ миноги Корсо—отвѣтилъ Біонделло.

— Знай же—продолжалъ Чакко,—когда ты захочешь снова угостить, какъ прошлый разъ, я предложу тебѣ выпить такого же вина.

Біонделло, убѣдившись, что враждовать съ Чакко невыгодно, помолился Богу, прося его о примиреніи съ этимъ человѣкомъ. Онъ никогда болѣе не смѣялся надъ нимъ.

Переводъ С. С. Трубачева.

Поджіо Браччіолини.

1380—1459.

6.

О благородствѣ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей итальянскаго гуманизма, Поджіо большую часть своей жизни провелъ въ Римѣ, гдѣ долгое время занималъ должность папскаго секретаря: позднѣе онъ переселился во Флоренцію, куда былъ приглашенъ на должность секретаря флорентійской республики. Усердный пе-

реводчикъ греческихъ писателей (на латинскій языкъ) и неутомимый собиратель рукописей античныхъ авторовъ и надписей. онъ оставилъ также *Исторію Флоренціи* и нѣсколько трактатовъ морально-философскаго содержанія, въ томъ числѣ трактатъ *О благородствѣ* (*De Nobilitate*), въ которомъ онъ проводитъ излюбленную гуманистами мысль о суетности и ничтожности тщеславныхъ притязаній, основанныхъ на древности и знатности рода, о значеніи личныхъ заслугъ и достоинствъ, какъ основы истиннаго благородства. Здѣсь приводится отрывокъ изъ названнаго трактата. Всѣ свои сочиненія Поджіо писалъ по-латыни.

Благородство есть какъ бы сіяніе, исходящее изъ добродѣтели; оно придаетъ блескъ своимъ обладателямъ, какого бы происхожденія они ни были. Доблесть предковъ, слава боевыхъ и другихъ подвиговъ суть ихъ достояніе и украшеніе тѣхъ, кто ихъ добылъ собственнымъ трудомъ и умомъ. Слава и благородство измѣряются собственными заслугами, а не чужими, и такими дѣяніями, которыя являются результатомъ нашей собственной воли. Какое отношеніе имѣетъ къ намъ то, что совершено за много вѣковъ до насъ, безъ всякаго нашего участія? Эти дѣянія доставили своимъ авторамъ честь и славу и указали намъ путь для подражанія имъ. Но въ томъ случаѣ, если мы слѣдуемъ по этому пути, мы должны считать себя менѣе достойными, чѣмъ тѣ, которые, не имѣя никакой опоры въ примѣрѣ предковъ, самостоятельно прокладываютъ себѣ путь доблести и славы. Насколько больше заслуга—построить домъ, чѣмъ обитать его, или украсить уже построенный, настолько же болѣе заслуги и превосходства —обладать самостоятельно созданнымъ благородствомъ, чѣмъ сохранять благородство, полученное отъ другихъ: первый несетъ съ собою свой собственный свѣточъ, а второй—чужой свѣтильникъ. Благородство—аттрибутъ доблести. Наполненныя портретами предковъ залы, украшенныя картинами и гербами галлереи, роскошныя виллы и различныя архитектурныя украшенія гораздо болѣе вызываютъ удивленіе зрителей, чѣмъ прибавляютъ благородства своему обладателю. Антисѳенъ писалъ, что благородными ему кажутся доблест-

ные люди; другими словами, благородство онъ полагалъ исключительно въ доблести. Стоики, вслѣдъ за Платономъ, надѣляютъ благородствомъ исключительно мудрецовъ.

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

Лоренцо Валла.

1407—1457.

7.

Изслѣдованіе о фальшивой и подложной грамотѣ „даренія Константина“.

1440.

Лоренцо Валла (род. въ Римѣ въ 1407 г., ум. въ 1457 г.) одинъ изъ наиболѣе выдающихся итальянскихъ гуманистовъ первой половины XV в.

Критицизмъ, то-есть критическое отношеніе къ существующимъ мнѣніямъ и взглядамъ, является одной изъ наиболѣе характерныхъ чертъ гуманизма. Лоренцо Валла принадлежитъ къ числу тѣхъ гуманистовъ, у которыхъ эта черта особенно ярко выражена. Независимо отъ общаго критическаго духа, которымъ проникнуто большинство его сочиненій, критицизмъ Валлы нашелъ себѣ особенно рельефное выраженіе въ его нашумѣвшемъ въ свое время *Изслѣдованіи о фальшивой и подложной грамотѣ „даренія Константина“ (De falso credita et ementita Constantini donatione declamatio)*, вышедшемъ въ 1440 г. Начиная съ XI в., папы въ своихъ притязаніяхъ на свѣтскую власть, стали, между прочимъ, ссылаться на грамоту императора Константина (306—337) на имя римскаго папы Сильвестра I (314—335). Въ этой грамотѣ императоръ, въ благодарность за исцѣленіе свое отъ проказы по молитвамъ папы, отдавалъ ему въ даръ Римъ съ Италіей, вмѣстѣ со всѣми западными провинціями римской имперіи. Однако уже въ слѣдующемъ столѣтіи стали высказываться сомнѣнія въ подлинности этой грамоты. Наконецъ, въ XV в. Валла окончательно доказалъ ея подложность. Ниже приводится въ дословномъ переводѣ отрывокъ изъ его изслѣдованія объ этой грамотѣ.

Много книгъ издано мною почти по всѣмъ наукамъ. Въ своихъ книгахъ я расхожусь съ нѣкоторыми изъ вели-

кихъ писателей съ вѣковымъ авторитетомъ. Со стороны нѣкоторыхъ это вызываетъ негодованіе, меня обвиняютъ въ дерзости и чуть что не въ кощунствѣ. Воображаю, какую бурю вызоветъ настоящая моя книга! Не потребуютъ ли моего ареста и казни? Вѣдь я здѣсь выступаю не только противъ умершихъ, но и противъ живыхъ,—выступаю не противъ отдѣльнаго лица, а противъ многихъ, и не противъ частныхъ людей только, а и противъ лицъ, занимающихъ оффиціальное положеніе. И противъ кого же? Ни болѣе, ни менѣе, какъ противъ верховнаго первосвященника, вооруженнаго не только свѣтской властью, вродѣ короля или князя, но еще и церковной; отъ его отлученій, анаѳемъ и проклятій не скроешься подъ щитомъ какого-нибудь свѣтскаго горударя. Умно сказалъ кто-то: „не хочу писать противъ тѣхъ, кто можетъ меня покарать“ [1]). Тѣмъ болѣе слѣдовало бы поступить такъ же по отношенію къ тому, кто даже для обыкновенной кары не оставитъ мѣста, но можетъ преслѣдовать меня незримыми стрѣлами своей власти. Не вправѣ ли я сказать: „Куда пойду отъ духа твоего и отъ лица твоего куда убѣгу?“ Можно было бы утѣшать себя мыслью, что терпѣливѣе снесетъ подобныя вещи верховный первосвященникъ, чѣмъ всякій другой. Къ сожалѣнію, факты говорятъ другое. Напримѣръ, первосвященникъ Ананія приказалъ подвергнуть ап. Павла палочнымъ ударамъ за то, что тотъ сказалъ, что обратился (въ христіанство) по своему внутреннему убѣжденію. Облеченный подобнымъ же саномъ Іеремія заключилъ въ темницу Фассура за свободныя рѣчи. Однако перваго смогъ и пожелалъ защитить отъ произвола первосвященника трибунъ, а второго — царь. Меня же какой трибунъ, какой царь, даже если пожелаетъ, исторгнетъ изъ рукъ верховнаго первосвященника? Какъ бы то ни было, нѣтъ основанія для того, чтобы эта двойная опасность смутила меня и удержала отъ выполненія моего намѣренія. Вѣдь и верховному первосвященнику нельзя

[1]) Nolo scribere in eos qui possunt proscribere—непередаваемая по-русски игра словъ.

вязать или разрѣшать кого бы то ни было вопреки праву и справедливости; а жертвовать собой для защиты правды и справедливости есть высшая доблесть, высшая слава, высшая заслуга. Многіе цѣною жизни своей защищали земное отечество; мнѣ ли страшиться смерти ради защиты небеснаго отечества, предназначеннаго для тѣхъ, кто угоденъ Богу, а не для тѣхъ, кто угоденъ людямъ? Итакъ— долой всякій трепетъ, долой всякій страхъ и робость! Съ мужествомъ, вѣрой и надеждой надо отстаивать дѣло правды, дѣло справедливости, дѣло Божіе. Тотъ не есть истинный ораторъ, который умѣетъ красно говорить, но не имѣетъ смѣлости говорить. Будемъ же имѣть смѣлость выступать съ обвиненіемъ противъ всякаго, кто достоинъ обвиненія. Кто противъ всѣхъ грѣшитъ, пусть будетъ изобличенъ голосомъ одного. Могутъ сказать: не слѣдуетъ обличать брата публично, но съ глазу на глазъ. Однако, кто грѣшитъ публично и не принимаетъ частнаго совѣта, тотъ подлежитъ и публичной же критикѣ; это должно служить острасткой для другихъ. Развѣ ап. Павелъ, слова котораго я только что приводилъ, не обличилъ Петра въ лицо передъ всей церьковью за то, что онъ въ немъ нашелъ предосудительнаго, и развѣ онъ не оставилъ это въ своихъ писаніяхъ въ поученіе намъ?... Я вовсе не хочу на кого-нибудь нападать и, такъ сказать, писать филиппики. Далекій отъ подобныхъ намѣреній, я занятъ лишь тѣмъ, чтобы устранить заблужденіе изъ человѣческой мысли и отклонить людей, путемъ ли убѣжденія, путемъ ли обличенія, отъ пороковъ.

Знаю: людскія уши ожидаютъ услышать, какое преступленіе приписываю я римскимъ первосвященникамъ. Преступленіе это огромно! Тутъ—либо грубое невѣжество, либо безграничная жадность, которая есть идолопоклонство; либо, наконецъ, властолюбіе и тщеславіе, которыхъ постояннымъ спутникомъ является жестокость. Вѣдь одно изъ двухъ: либо папы не знали, что даръ Константина есть чистѣйшая выдумка, либо они сами эту выдумку сочинили,

преемники же ихъ, слѣдуя по стопамъ своихъ предшественниковъ въ дѣлѣ обмана, отстаивали, какъ истину, то, про что они знали, что это ложь, компрометируя тѣмъ самымъ величіе первосвященства, компрометируя память древнихъ первосвященниковъ, компрометируя христіанство, не говоря уже о примѣшавшихся сюда убійствахъ и преступленіяхъ. Утверждаютъ, что папскому престолу принадлежитъ и городъ Римъ, и Сицилійское королевство, и королевство Неаполитанское, и вся Италія, и Галлія, и Испанія, и Германія, и Британія, словомъ—весь Западъ,—и все это на основаніи все той же страницы *Даренія* Итакъ, рѣшено и подписано, что все тебѣ принадлежитъ, великій первосвященникъ,—что ты думаешь все соединить въ своихъ рукахъ, у всѣхъ королей и князей Запада отобрать ихъ города или превратить ихъ въ своихъ данниковъ!.. Что до меня, то я діаметрально противоположнаго мнѣнія: я считаю болѣе справедливымъ, чтобы свѣтскіе государи отобрали у тебя ту власть, которою ты завладѣлъ. Я докажу, что пресловутое *Дареніе*, на которомъ верховные первосвященники основываютъ своихъ права, не было извѣстно ни Сильвестру, ни Константину. Но прежде чѣмъ приступить къ опроверженію страницы *Даренія*, этого подлога, обращаюсь къ вамъ, короли и князья, выскажите вашу мысль, откройте вашу совѣсть, будьте мнѣ свидѣтелями! Скажите же по совѣсти, если бы кто изъ васъ былъ на мѣстѣ Константина, то неужели онъ нашелъ бы нужнымъ—городъ Римъ, свое отечество, столицу міра, могущественнѣйшаго царя городовъ, знатнѣйшій и богатѣйшій изъ городовъ земли, тріумфатора надъ народами, городъ священный даже по внѣшности,—неужели, говорю я, кто изъ васъ нашелъ бы нужнымъ такой городъ подарить другому изъ простой щедрости?! Подарить, кромѣ того, вмѣстѣ съ Римомъ—Италію, не провинцію, а побѣдительницу провинцій,—подарить три Галліи, двѣ Испаніи, Германію, Британію,—подарить весь Западъ и лишить себя одного изъ двухъ очей имперіи?.. Я не въ состояніи повѣрить, чтобы человѣкъ въ здравомъ умѣ могъ это сдѣлать.

Въ дальнѣйшемъ Валла доказываетъ, что яко бы „подаренныя“ императоромъ Константиномъ земли въ дѣйствительности и послѣ него продолжали постоянно оставаться подъ юрисдикціей и верховной властью императоровъ. Далѣе, Валла устанавливаетъ тотъ фактъ, что извѣстное, „дареніе“ дѣйствительно было сдѣлано Константиномъ, но не Сильвестру, а его предшественнику на папскомъ престолѣ, при чемъ „дареніе“ это было очень скромное и имѣло ввиду обезпечить лишь матеріальное существованіе папъ. Затѣмъ, Валла доказываетъ ложность бывшаго ходячимъ въ его время мнѣнія, будто текстъ *Даренія Константина* находится въ *Исторіи* Сильвестра: въ дѣйствительности ни въ этой, какъ и ни въ какой другой исторіи, этого текста нѣтъ. Наконецъ, Валла указываетъ цѣлый рядъ противорѣчій и несообразностей въ *Дареніи* и такихъ неправильностей въ его языкѣ и стилѣ, которые свидѣтельствуютъ о болѣе позднемъ происхожденіи документа чѣмъ эпоха Константина.

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

Пико делла-Мирандола.

1462—1495.

8.

О человѣческомъ достоинствѣ.

Пико делла-Мирандола—одинъ изъ наиболѣе яркихъ представителей итальянскаго гуманизма второй половины XV в. Въ своемъ латинскомъ трактатѣ *De dignitate hominis—О человѣческомъ достоинствѣ* онъ высказываетъ противоположный средневѣковому мрачному взгляду на человѣческую природу, чисто гуманистическій, оптимистическій и жизнерадостный взглядъ на послѣднюю. Какъ истый гуманистъ, Мирандола очень высокаго мнѣнія о человѣческой природѣ, о ея достоинствѣ, о ея способности къ безпредѣльному развитію, усовершенствованію. Приводимыя ниже строки составляютъ дословный переводъ отрывка изъ названнаго сочиненія этого гуманиста.

Въ концѣ дней творенія создалъ Богъ человѣка, чтобы онъ позналъ законы вселенной, научился любить ея красоту, дивиться ея величію. Я—говорилъ Творецъ Адаму—не прикрѣпилъ тебя къ опредѣленному мѣсту, не обязалъ

опредѣленнымъ дѣломъ, не сковалъ тебя какой-либо необходимостью, чтобы ты самъ, по собственному желанію, избралъ мѣсто, дѣло и цѣль, какія ты свободно пожелаешь, и владѣлъ ими. Ограниченная у остальныхъ существъ природа внутренно стѣснена законами, мною установленными; ты лишь одинъ, не сдерживаемый никакой узостью границъ, по своему произволу, очертишь границы той природы, въ чьи руки я отдалъ тебя. Посреди міра поставилъ я тебя, чтобы тебѣ легче было проникнуть взоромъ въ окружающій тебя міръ. Я создалъ тебя существомъ не небеснымъ, но и не только земнымъ, не смертнымъ, но и не безсмертнымъ, чтобы ты, чуждый стѣсненій, самъ себѣ сдѣлался творцомъ и вылѣпилъ образъ, какой ты пожелаешь. Тебѣ дана возможность пасть на степень животнаго, но также и возможность подняться до степени существа богоподобнаго—исключительно благодаря твоей внутренней волѣ.

О, высокая благость Божественнаго отца! О, дивное и возвышенное назначеніе человѣка, которому дано достигнуть того, къ чему онъ стремится, и быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ! Животныя, говоритъ Луцилій, изъ утробы матери выходятъ такими, какими имъ суждено остаться навсегда; небесныя существа либо изначала, либо немного послѣ дѣлаются тѣмъ, чѣмъ они будутъ вѣчно. Только человѣку далъ Отецъ сѣмена и зародыши многообразной жизни: какъ ихъ вскормитъ, такъ и произрастутъ и такіе же принесутъ плоды. Посѣетъ онъ сѣмена растеній, выростетъ существо чисто растительной жизни; будетъ давать волю инстинктамъ чувственности, одичаетъ; послѣдуетъ онъ за разумомъ, выростетъ изъ него небесное существо; начнетъ развивать свои духовныя силы, станетъ ангеломъ и сыномъ Божіимъ!..

Никколо Макіавелли.

1469—1567.

9.

О Государѣ.

1513.

Никколо Макіавелли родился въ 1469 г. во Флоренціи, бывшей въ ту пору главнымъ центромъ гуманистической образованности. Гуманистъ по своему образованію, по своему настроенію и умственнымъ стремленіямъ, Макіавелли стоитъ, однако, нѣсколько особнякомъ среди итальянскихъ гуманистовъ. Какъ классическая древность, такъ и современная дѣйствительность его интересуетъ не столько съ филологической и эстетической точки зрѣнія, сколько съ точки зрѣнія политической. Онъ не столько писатель-литераторъ, сколько публицистъ,—не столько ученый, сколько политическій мыслитель. Главныя его сочиненія, это—два политическихъ трактата (оба на итальянскомъ языкѣ): *О государѣ (Il Principe)* и *Замѣчанія на первую декаду Тита Ливія* (*Discorci sopra la prima decada di Tito Livio)*. Центръ тяжести всей политической философіи Макіавелли лежитъ въ апоѳеозѣ государства и государственной власти. Государственный интересъ для него—выше всякихъ другихъ соображеній. Въ угоду государственному интересу позволительно все: обманъ, клятвопреступленіе, измѣна, убійство, словомъ—всякое преступленіе, потому что то, что представляется преступленіемъ съ точки зрѣнія частныхъ отношеній между людьми, есть въ извѣстныхъ случаяхъ лишь государственная мудрость съ точки зрѣнія государственнаго интереса.

Трактатъ *о Государѣ*, изъ котораго здѣсь приводится нѣсколько отрывковъ, вышелъ въ свѣтъ въ 1513 г.

ГЛАВА XVI.

О щедрости и скупости.

Государь не долженъ быть щедрымъ въ такой степени, чтобы эта щедрость приносила ему ущербъ, и, если онъ мудръ, то не долженъ бояться прослыть за скупого, такъ какъ съ теченіемъ времени онъ будетъ выказывать себя все болѣе и болѣе щедрымъ, имѣя возможность, при помощи своихъ доходовъ и своей казны, вести войны, какъ оборони-

тельныя, такъ и наступательныя, не отягощая народъ налогами. Тогда огромное большинство, видя, что онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, будетъ считать его щедрымъ, а скупымъ будутъ его называть лишь тѣ немногіе, которымъ не придется воспользоваться его благодѣяніями. Въ наше время всѣ государи, прославившіеся своими дѣяніями, принадлежали къ числу тѣхъ, которыхъ народъ считалъ скупыми. Папа Юлій II [1]), для достиженія папскаго престола, умѣлъ выказать себя щедрымъ, но, достигнувъ власти, онъ обратилъ всѣ свои помыслы на войну съ Франціей и уже не заботился о томъ, чтобы слыть щедрымъ. Онъ сумѣлъ вести свои войны не прибѣгая къ чрезвычайнымъ налогамъ, такъ какъ постоянная экономія давала ему средства на всѣ чрезвычайныя военныя издержки. Нынѣшній испанскій король [2]) никогда не былъ бы въ состояніи такъ прославиться своими побѣдами и завоеваніями, если бы дорожилъ репутаціей щедраго повелителя.

ГЛАВА XVII.

О жестокости и милосердіи, или о томъ, что лучше: пользоваться любовью или возбуждать страхъ.

Всякій государь, ради своего блага, долженъ стараться прослыть милостивымъ, а не жестокимъ. Необходимо, однако, остерегаться, чтобы и милосердіе не приносило вреда. Цезарь Борджіа [3]) извѣстенъ своею жестокостью, но благодаря этой жестокости Романья [4]) получила единство и внутренній порядокъ; не иное что, какъ именно жестокость водворила въ этой области повиновеніе и спокойствіе.

Итакъ, когда дѣло идетъ о вѣрности ихъ подданныхъ и единствѣ государства, государи не должны бояться про-

---

[1]) Годы понтификата: 1503—1512.

[2]) Фердинандъ Католикъ (1479—1516).

[3]) Незаконный сынъ папы Александра VI (1475—1507) изъ фамиліи Борджіа, одинъ изъ знаменитыхъ тирановъ Италіи въ началѣ XV в. Характеристику его можно найти въ книгѣ проф. Н. И. Ардашева *Абсолютная монархія на Западѣ* (Спб., 1902, стр. 40—45).

[4]) Область, входившая въ составъ папскихъ владѣній въ Италіи, съ главнымъ городомъ Равенной.

слыть жестокими. Прибѣгая въ отдѣльныхъ случаяхъ къ жестокости, государи поступаютъ милосерднѣе, чѣмъ тогда, когда, изъ чрезмѣрной мягкости, допускаютъ развитіе безпорядковъ, ведущихъ къ грабежу и насилію, ибо безпорядки составляютъ бѣдствіе цѣлаго общества, казни же поражаютъ лишь отдѣльныхъ лицъ.

Что лучше для государя: внушать ли страхъ или любовь? Что для него полезнѣе: чтобы его любили, или чтобы боялись? Я считаю, что было бы желательно, чтобы государи достигали одновременно того и другого. Но такъ какъ осуществить это трудно, и государямъ обыкновенно приходится выбирать, то, въ видахъ личной выгоды ихъ, я замѣчу, что полезнѣе для нихъ держать подданныхъ въ страхѣ. Люди, вообще говоря, неблагодарны, непостоянны, лживы, трусливы и алчны. Если государи осыпаютъ ихъ благодѣяніями, они выказываютъ себя преданными до самопожертвованія, и если опасность далека, предлагаютъ имъ свою кровь, средства и жизнь свою и дѣтей своихъ; но едва наступаетъ опасность, тѣ же люди готовы измѣнить. Государь, слишкомъ довѣряющій подобнымъ обѣщаніямъ и не принимающій никакихъ мѣръ для своей личной безопасности, обыкновенно погибаетъ, потому что, хотя привязанность подданныхъ, купленная подачками, а не величіемъ и благородствомъ души, и легко пріобрѣтается, но обладаніе ею не прочно, и въ критическую минуту на нее нельзя полагаться. Кромѣ того, люди скорѣе бываютъ готовы оскорблять тѣхъ, кого любятъ, чѣмъ тѣхъ, кого боятся. Любовь обыкновенно держится на очень тонкой основѣ—благодарности, и люди, которые, вообще говоря, злы,—пользуются первымъ предлогомъ, чтобы, въ видахъ личнаго интереса, измѣнить ей; боязнь же основывается на страхѣ наказанія, который никогда не покидаетъ человѣка.

ГЛАВА XVIII.

Какимъ образомъ государь долженъ исполнять свое слово.

Всякій легко пойметъ, какъ похвально, если государь всегда вѣренъ своему слову и дѣйствуетъ всегда прямо и

безъ криводушія. Однако же въ наше время, на основаніи опыта, легко убѣдиться въ томъ, что бывали государи, прославившіеся своими дѣяніями, но не придававшіе никакого значенія вѣрности даннымъ ими самими обѣщаніямъ и умѣли ловко маскировать истинный смыслъ своихъ поступковъ. Случалось даже, что подобные государи выигрывали болѣе, нежели тѣ, которые основывали свои дѣйствія на правѣ и справедливости.

Существуютъ два способа дѣйствій для достиженія той или другой цѣли: путь закона и путь насилія. Первый изъ этихъ способовъ—человѣческій, второй—звѣрный. Но такъ какъ первый способъ не всегда ведетъ къ цѣли, то люди прибѣгаютъ иногда и ко второму. Государи должны умѣть пользоваться обоими способами. Эта мысль выражена аллегорически у многихъ древнихъ писателей. Ахиллъ и многіе другіе правители и герои древности воспитывались, по словамъ этихъ писателей, у кентавра Хирона, наблюдавшаго за ихъ дѣйствіями. Мысль этого миѳа ясна: учитель, получеловѣкъ и полузвѣрь, показываетъ, что государи должны развивать въ себѣ какъ человѣческую, такъ и звѣрную сторону, безъ чего власть ихъ не можетъ быть прочна.

Государь, дѣйствуя грубой силой, подобно звѣрямъ, долженъ соединять въ себѣ качества льва и лисицы. Обладая только качествами льва, онъ не будетъ умѣть остерегаться и избѣгать западни, которую ему будутъ ставить; будучи же только лисицею, онъ не будетъ умѣть защищаться противъ враговъ. Вотъ почему, для избѣжанія сѣтей и для одержанія побѣды надъ врагами, государи должны быть одновременно и львами и лисицами. Тѣ, которые захотятъ щеголять исключительно въ роли львовъ, выкажутъ только этимъ свою полную несостоятельность.

Слѣдовательно предусмотрительный государь не долженъ исполнять своихъ обѣщаній и обязательствъ, если такое исполненіе будетъ для него вредно, и если мотивы, вызвавшіе его обѣщаніе, болѣе не существуютъ. Конечно, если бы всѣ люди были честны, подобный совѣтъ можно бы-

ло бы счесть за безнравственный; но такъ какъ люди обыкновенно не отличаются честностью, и подданные не особенно заботятся объ исполненіи своихъ обѣщаній государямъ, то и послѣднимъ нечего быть особенно щепетельными по отношенію къ первымъ. Что же касается государей, то имъ не трудно каждое свое клятвопреступленіе прикрывать благовидными предлогоми. Въ доказательство этого можно привести безчисленные примѣры изъ новѣйшей исторіи; можно указать на множество мирныхъ договоровъ и соглашеній всякаго рода, нарушенныхъ государями или оставшихся мертвою буквою, за ихъ неисполненіемъ. При этомъ станетъ очевидно, что въ выигрышѣ оставались тѣ государи, которые лучше умѣли подражать въ своихъ дѣйствіяхъ лисицамъ. Необходимо, однако же, послѣдній способъ дѣйствій хорошо скрывать подъ личиной честности. Государи должны обладать великимъ искусствомъ лицемѣрія и лжи, потому что люди обыкновенно до того слѣпы и близоруки, что человѣкъ, умѣющій хорошо лгать, всегда найдетъ достаточно легковѣрныхъ людей, охотно поддающихся обману.

Государямъ, слѣдовательно, нѣтъ надобности обладать въ дѣйствительности хорошими качествами, но каждому изъ нихъ необходимо показывать видъ, что онъ всѣми ими обладаетъ.

Личина для государей необходима, такъ какъ большинство судитъ о нихъ по тому, чѣмъ они кажутся, и только весьма немногіе бываютъ въ состояніи отличить кажущееся отъ дѣйствительнаго. Но если даже эти немногіе и поймутъ настоящее качество государей, то они не дерзнуть высказать свое мнѣніе въ противность мнѣнію большинства, да и побоятся посягнуть тѣмъ на достоинство представляемой государемъ верховной власти. Кромѣ того, такъ какъ дѣйствія государей не подсудны трибуналамъ, то подлежатъ обсужденію одни только результаты дѣйствій, а не самыя дѣйствія. Лишь бы государь сумѣлъ сохранить свою жизнь и свою власть,—всѣ средства, какія бы онъ ни употребилъ для этого, будутъ считаться честными и похвальными. Толпа

обыкновенно увлекается внѣшностью и успѣхомъ, а весь міръ представляетъ толпу и немногихъ, къ мнѣнію которыхъ государи обращаются только тогда, когда сами не умѣютъ выйти изъ какихъ-либо затруднительныхъ обстоятельствъ. Въ наше время есть одинъ государь, назвать котораго я не считаю позволительнымъ: на словахъ онъ—само благочестіе и первый другъ мира, на дѣлѣ же онъ давно бы уже потерялъ свое государство, если бы проводилъ въ жизнь свои убѣжденія [1]).

Переводъ Н. Курочкина.

---

[1]) Имѣется въ виду Фердинандъ Католикъ, король Аррагонскій, 1479—1516).

2. Гуманизмъ во Франціи.

10.

Маргарита Наваррская

въ характеристикѣ современника

1492—1549.

Маргарита, сестра короля Франциска I, была дочерью Карла, герцога Орлеанскаго, двоюроднаго брата короля Людовика XII. Родилась въ 1492 г., въ 1527 вышла вторымъ бракомъ замужъ за Генриха д'Альбрэ, короля Наваррскаго. Увлеклась итальянскимъ гуманизмомъ и сама написала цѣлый рядъ литературныхъ сочиненій, изъ которыхъ наибольшей извѣстностью пользовался написанный въ подражаніе знаменитому *Декамерону* итальянскаго гуманиста Боккачіо, сборникъ новеллъ подъ названіемъ *Heptaméron*. Умерла въ 1549 г.

Приводимая ниже характеристика Маргариты принадлежитъ одному изъ видныхъ писателей второй половины XVI в., Брантому (род. въ 1540 г., ум. 1614 г.). Хотя Брантомъ былъ современникомъ Маргариты лишь въ пору своего дѣтства (она умерла, когда ему было 9 лѣтъ), тѣмъ не менѣе, въ качествѣ придворнаго, онъ имѣлъ возможность черпать свои свѣдѣнія о ней изъ свѣжихъ воспоминаній своихъ старшихъ современниковъ.

Нужно сказать нѣсколько словъ о Маргаритѣ, королевѣ Наварры. Конечно, она не родилась дочерью короля Франціи и, потому, не носила титула *дочери Франціи* и называлась только Валуа или д'Орлеанъ [1]); какъ го-

[1]) Титулъ *сына Франціи* (*fils de France*) или *дочери Франціи* (*fille de France*) давался, начиная со второй половины XVI в., дѣтямъ французскихъ королей, рожденнымъ послѣ вступленія на престолъ.

ворить Дю-Тилле въ своихъ мемуарахъ [1]), это прозваніе принадлежитъ только дочерямъ Франціи и, если онѣ родились до того какъ отцы сдѣлались королями, онѣ получаютъ это прозваніе только послѣ ихъ вступленія на престолъ. Однако Маргарита, какъ говорили высокія особы того времени, почиталась какъ дочь Франціи, такъ какъ не наносила ущерба дочерямъ Франціи, ставя себя въ ихъ рангъ, благодаря своимъ великимъ добродѣтелямъ. Вотъ почему мы помѣщаемъ ее среди нихъ.

Это была принцесса очень большого ума и большихъ способностей, какъ по природѣ, такъ и благодаря пріобрѣтеннымъ качествамъ, такъ какъ она въ юномъ возрастѣ много занималась литературой и продолжала заниматься ею въ теченіе всей своей жизни, любя обыкновенно бесѣдовать во времена своего величія при дворѣ съ наиболѣе учеными людьми королевства своего брата. Его также всѣ почитали настолько, что называли Меценатомъ, и большая часть книгъ, которыя тогда составлялись, была посвящена королю, ея брату, или ей.

Она сама много писала и составила прекрасную книгу, которую озаглавила *Marguerite des Marguerites* [2]); она была напечатана, и ее еще можно найти. Она часто сочиняла комедіи и *moralités*, какъ ихъ называли въ то время, а также пасторали, которыя разыгрывались и представлялись дѣвушками ея двора.

Она очень любила сочинять духовныя пѣсни, ибо сердце ея было сильно обращено къ Богу; въ качествѣ своего девиза она носила цвѣты ноготковъ, такъ какъ этотъ цвѣтокъ, болѣе чѣмъ какой-либо другой, имѣетъ сходство съ солнцемъ, какъ по сходству своихъ лепестковъ съ лучами солнца, такъ и потому, что онъ обыкновенно слѣду-

---

[1]) *Jean du Tillet*, ученый и публицистъ, умеръ въ 1570 г. Написалъ, между прочимъ, *Mémoires et Recherches pour l'intelligence de l'Etat et des affaires de France*, на которые здѣсь и дѣлаетъ ссылку Брантомъ.

[2]) Болѣе точно: *Marguerites de la marguerite des princesses.*

етъ за солнцемъ, поворачиваясь всѣми сторонами за нимъ съ востока на западъ и раскрываясь и закрываясь сообразно его высотѣ. Къ этому девизу она также примѣнила слѣдующія слова: *Non inferiora secutus* [1])—въ знакъ того, что она направляла и устремляла всѣ свои дѣйствія, мысли, желанія и чувства къ Богу, этому великому вышнему солнцу; поэтому ее подозрѣвали въ склонности къ религіи Лютера. Но изъ уваженія и любви къ королю, своему брату, который болѣе всѣхъ любилъ ее и всегда называлъ ее своей милой, она никогда открыто не исповѣдовала ея и не подавала вида, а если и вѣровала въ эту религію, то держала ее въ своей весьма скрытой душѣ.

Во время плѣна короля, своего брата, она очень помогала регентшѣ, своей матери, управлять королевствомъ, ублаготворять принцевъ и вельможъ и привлекать дворянство, ибо она была очень доступна и умѣла хорошо завоевывать сердца людей, благодаря своимъ прекраснымъ качествамъ.

Коротко сказать, это была принцесса достойная великой имперіи. Кромѣ того, она была очень добра, кротка, милостива, благотворительна, нищелюбива и не презирала никого. Когда она умерла, ее всѣ оплакивали и скорбѣли о ней.

Въ веселыя минуты она составила книгу, которая называется *Новеллы королевы Наваррской*, въ которыхъ виденъ стиль столь пріятный, плавный и полный столь прекрасныхъ словъ и сентенцій, что, какъ я слышалъ, королева-мать и герцогиня Савойская въ молодости пожелали написать свои новеллы въ подражаніе королевѣ Наваррской, хорошо зная, что она ихъ писала; но когда онѣ увидѣли свои, онѣ были столь недовольны ими, такъ какъ онѣ нисколько не походили на тѣ, что бросили ихъ въ огонь и не пожелали выпустить въ свѣтъ; очень жаль, однако, такъ какъ обѣ были очень остроумны, и отъ такихъ важныхъ

---

[1]) „Не послѣдовалъ за низшимъ“.

дамъ, знавшихъ хорошіе разсказы, нельзя было ожидать ничего иного, кромѣ очень хорошаго и забавнаго.

Она сочинила всѣ свои новеллы большею частью въ своихъ носилкахъ во время путешествій, ибо въ другое время она имѣла болѣе важныя занятія.

Переводъ Н. И. Никифорова.

Франсуа Рабле.

1490—1553.

Жизнь великаго Гаргантуа.

1535.

Франсуа Рабле (François Rabelais), самый крупный изъ представителей гуманизма во Франціи, родился въ городкѣ области Турени, Шинонѣ, около 1490 г. (въ точности годъ его рожденія неизвѣстенъ), умеръ въ Парижѣ около 1553 г. Медикъ по своей профессіи и гуманистъ по своему образованію и по своимъ умственнымъ стремленіямъ, Рабле написалъ цѣлый рядъ ученыхъ трактатовъ по самымъ разнообразнымъ спеціальностямъ: по медицинѣ, юриспруденціи, классической филологіи. Но своимъ значеніемъ и мѣстомъ въ исторіи французской литературы и въ исторіи гуманизма Рабле обязанъ своему знаменитому роману *Жизнь великаго Гаргантуа, отца Пантагрюэля.* Первая часть этого большого произведенія, надъ которымъ Рабле работалъ въ теченіе многихъ лѣтъ, вышла въ окончательной своей редакціи въ 1535 г. Первый изъ приводимыхъ ниже (въ нѣсколько сокращенномъ переводѣ) отрывковъ касается *воспитанія Гаргантуа.* Въ нѣсколько грубыхъ, но яркихъ краскахъ отрывокъ этотъ даетъ вполнѣ отчетливое понятіе объ основныхъ идеяхъ гуманистической педагогіи, выдвигающей интересъ, какъ основной рычагъ въ дѣлѣ умственнаго воспитанія, и удѣляющей много вниманія воспитанію тѣлесному, въ противоположность традиціонной, средневѣковой педагогіи, совершенно пренебрегавшей послѣднимъ и основывавшей умственное воспитаніе на принужденіи и муштрѣ. Другой отрывокъ касается той картины, которой заканчивается первая книга *Гаргантуа:* картины *Телемскаго аббатства,* представляющей собою чрезвычайно яркое выраженіе того глубокаго контраста, который раздѣлялъ, съ одной

стороны—гуманистическое настроеніе, всецѣло раздѣляемое авторомъ, съ его оптимистической вѣрой въ природную доброту человѣка и въ благодѣтельность безусловной свободы, съ его культомъ личности, съ его жизнерадостнымъ эпикуреизмомъ, а съ другой—средневѣковый монашескій аскетизмъ, съ его недовѣріемъ къ человѣческой природѣ, съ его отрицательнымъ отношеніемъ къ свободѣ, съ его презрѣніемъ къ радостямъ здѣшней жизни.

Эта граціозная фантазія, представляющая собою французскую параллель знаменитой *Утопіи* англійскаго гуманиста Томаса Мора [1]) и, быть можетъ, навѣянная послѣдней (*Утопія* вышла въ 1516 г.), приводится здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями, въ переводѣ, насколько возможно, близкомъ къ подлиннику, не поддающемуся, какъ извѣстно, вполнѣ точному переводу.

11.

Какъ Гаргантуа воспитывался Панократомъ такимъ образомъ, что не терялъ ни часу времени.

Гаргантуа просыпался около четырехъ часовъ утра. Пока его растирали, ему прочитывалась какая-либо страница изъ Божественнаго Писанія громко, ясно и съ соотвѣтствующимъ тексту выраженіемъ. Сообразно содержанію и аргументамъ этого урока, онъ часто принимался съ любовью поклоняться и молиться Богу, величіе и Божественное правосудіе котораго обнаруживалось изъ прочитаннаго мѣста.

Потомъ его одѣвали, причесывали, чистили и опрыскивали духами. Тѣмъ временемъ повторяли ему уроки предыдущаго дня, а онъ отвѣчалъ ихъ наизусть, при чемъ приводилъ ихъ въ связь съ нѣкоторыми практическими случаями, касающимися человѣческаго состоянія; это иногда затягивалось на два-три часа, но обыкновенно прекращалось послѣ того, какъ онъ былъ вполнѣ одѣтъ.

Затѣмъ добрыхъ три часа ему читали лекціи.

Послѣ этого они, продолжая бесѣдовать по поводу прочитаннаго, выходили изъ дому въ Бракъ [1]) или на луга,

---

[1]) См. ниже, № 13.

[1]) Такъ называлось въ Парижѣ одно зданіе, предназначенное для игры въ мячъ.

и играли въ мячъ, дѣятельно упражняя тѣло, какъ передъ тѣмъ упражняли духъ. (Послѣ этого) они шли домой посмотрѣть, не готовъ ли обѣдъ. Въ ожиданіи обѣда они громко и краснорѣчиво цитировали нѣкоторыя удержанныя изъ урока сентенціи. Тѣмъ временемъ приходилъ господинъ аппетитъ, и они во благовременіи садились за столъ.

Въ началѣ обѣда прочитывалась какая-либо интересная исторія о древнихъ подвигахъ, что продолжалось до того, какъ они выпивали свое вино. Затѣмъ (если было желаніе) чтеніе продолжалось, или же вмѣстѣ начинали весело бесѣдовать; первые мѣсяцы разговаривали о свойствахъ, достоинствахъ, пользѣ и природѣ всего, что подавалось къ столу—хлѣба, вина, воды, соли, мяса, рыбы, фруктовъ, травъ, овощей—и о ихъ приготовленіи. Такимъ образомъ, Гаргантуа въ недолгое время узналъ всѣ относящіяся къ этому мѣста изъ Плинія, Діоскорида, Поллукса, Галена, Порфирія, Полибія, Аристотеля и др. Во время этихъ разговоровъ, для большей увѣренности, часто приказывали приносить названныя книги къ столу.

Затѣмъ бесѣдовали по поводу утреннихъ уроковъ и, закончивъ обѣдъ какимъ-нибудь вареньемъ, чистили зубы фисташковымъ черенкомъ, мыли руки и глаза хорошей свѣжей водой и возносили благодарность Богу въ прекрасныхъ гимнахъ, сочиненныхъ въ прославленіе величія Бога и Его благодѣяній. Послѣ этого приносили карты, но не для игры, а для того, чтобы узнать этимъ путемъ массу мелкихъ тонкостей и новыхъ изобрѣтеній, которыя всѣ происходятъ отъ ариѳметики.

Такимъ образомъ, онъ началъ любить эту науку о числахъ и ежедневно послѣ обѣда и ужина проводилъ время съ такимъ интересомъ, что увлекался за картами. Онъ любилъ также другія математическія науки—геометрію, астрономію и музыку, ибо, ожидая, пока переварится обѣдъ, они приготовляли массу интересныхъ приборовъ и геометрическихъ фигуръ, а также пользовались астрономическими трубами; затѣмъ они развлекались пѣніемъ въ четыре и

пять голосовъ, или же на музыкальную тему и пѣли во все горло.

Что касается музыкальныхъ инструментовъ, то онъ научился играть на лютнѣ, эпинеттѣ [1]), арфѣ, флейтѣ нѣмецкой и съ девятью отверстіями, скрипкѣ и тромбонѣ.

Послѣ того какъ этотъ часъ былъ такимъ образомъ занятъ, онъ возвращался къ своимъ главнымъ занятіямъ на три часа и болѣе—повторять утренній урокъ, продолжать чтеніе начатой книги, а также заниматься старинной и римской литературой.

Послѣ этого они выходили изъ дому съ однимъ молодымъ дворяниномъ изъ Турени, по имени оруженосцемъ Гимнастомъ, который показывалъ ему искусство верховой ѣзды.

Перемѣнивъ одежду, онъ садился верхомъ на скакуна, испанскаго или берберійскаго жеребца, мчался на немъ въ карьеръ, заставлялъ его дѣлать вольты, перескакивать черезъ ровъ, перепрыгивать черезъ частоколъ, быстро поворачиваться кругомъ направо и налѣво.

Все это онъ продѣлывалъ вооруженный съ головы до ногъ. Онъ такъ ловко гарцовалъ на конѣ, припѣвалъ и присвистывалъ, что никто не могъ съ нимъ въ этомъ состязаться. Вольтижеръ изъ Ферарры по сравненію съ нимъ былъ обезьяной. Въ особенности онъ научился быстро перескакивать съ одной лошади на другую, не касаясь земли, —а также съ любой стороны вскакивать на лошадь съ копьемъ въ рукѣ, не касаясь стременъ, и безъ узды управлять конемъ по своему желанію.

Все это весьма пригодно для военной дисциплины.

Охотился онъ на оленя, козу, медвѣдя, лань, кабана, зайца, куропатку, фазана, дрофу. Игралъ большимъ мячемъ, подбрасывая его ногой и кулакомъ.

Боролся, бѣгалъ, прыгалъ, но не на три шага, не на одной ногѣ и не по-нѣмецки, ибо (какъ говорилъ Гим-

---

[1]) Прототипъ современнаго піанино.

насть) такіе прыжки безполезны и не приносятъ пользы на войнѣ, но однимъ прыжкомъ перескакивалъ черезъ ровъ, перелеталъ черезъ заборъ, становился въ шести шагахъ противъ стѣны и прыгалъ въ окно, находившееся на высотѣ копья.

Плавалъ въ глубокой водѣ прямо, навзничь, всѣмъ тѣломъ, только ногами, высунувъ наружу одну руку, въ которой онъ держалъ книгу, переплывая такимъ образомъ Сену, не замочивъ книги и держа въ зубахъ плащъ, какъ это дѣлалъ Юлій Цезарь; потомъ, съ силой ухватившись одной рукой, онъ взбирался на лодку и правилъ ей, велъ ее то быстро, то медленно, по теченію и противъ теченія и т. д.

Выйдя изъ воды, онъ быстро подымался на гору и такъ же свободно спускался, карабкался на деревья, какъ котъ, перепрыгивалъ съ одного дерева на другое, какъ бѣлка; ломалъ толстыя сучья, какъ второй Милонъ; при помощи двухъ отточенныхъ кинжаловъ и двухъ испробованныхъ шильевъ онъ взбирался по стѣнѣ на крышу дома, какъ крыса, и затѣмъ спускался внизъ въ такомъ положеніи, что паденіе никоимъ образомъ не могло ему повредить.

Для упражненія грудной клѣтки и легкихъ онъ кричалъ какъ всѣ дьяволы вмѣстѣ. Я слышалъ однажды, какъ онъ звалъ Эвдемона отъ воротъ Св. Виктора до Монмартра. Стенторъ никогда не имѣлъ такого голоса во время Троянской войны.

Для укрѣпленія мышцъ ему сдѣлали двѣ большихъ гири изъ свинца́, каждая вѣсомъ въ 8700 квинталовъ. Онъ бралъ ихъ съ земли въ обѣ руки, подымалъ выше головы и такъ держалъ ихъ, не шевелясь, три-четыре часа и болѣе.

Послѣ этихъ занятій онъ, вытершись, почистившись и перемѣнивъ одежду, спокойно возвращался домой. Проходя черезъ луга или другія заросшія мѣста, они разсматривали деревья и растенія, сравнивая ихъ съ книгами древнихъ, которые обо этомъ писали, какъ напр. Теофрастъ, Діоско-

ридъ, Плиній и др., и приносили ихъ домой цѣлыми охапками.

По возвращеніи, въ ожиданіи ужина, они повторяли нѣкоторыя мѣста изъ прочитаннаго и садились за столъ.

Замѣтьте, что обѣдъ былъ скроменъ и простъ, ибо онъ ѣлъ тогда только для того, чтобы прекратить урчаніе въ животѣ; за-то ужинъ былъ изобиленъ, ибо тогда онъ ѣлъ столько, сколько было необходимо для поддержанія и питанія организма. Это настоящая діэта, предписываемая искусствомъ доброй и вѣрной медицины, хотя кучка глупцовъ врачей, вышедшихъ изъ фабрики софистовъ, совѣтуетъ обратное.

За ужиномъ, пока была охота, продолжался обѣденный урокъ; остальное время уходило на бесѣду о литературѣ и другихъ полезныхъ вещахъ.

По прочтеніи благодарственной молитвы начинали пѣть по нотамъ и играть на музыкальныхъ инструментахъ, или коротали досугъ за картами и кубками, и иной разъ оставались за столомъ до того часа, когда надо ложиться спать; иногда же отправлялись въ общество людей ученыхъ или же видѣвшихъ чужія страны.

Ночью, передъ тѣмъ какъ идти спать, они выходили на самое открытое мѣсто—посмотрѣть на небо, и отмѣчали на немъ кометы, если таковыя были, фигуры, положенія, видъ, противостоянія и соединенія звѣздъ.

Затѣмъ онъ и его наставникъ, по примѣру пиѳагорейцевъ, вкратцѣ повторяли все, что они читали, видѣли, узнали, сдѣлали и услышали въ теченіе дня.

Затѣмъ они молились Богу-Создателю, поклоняясь ему, утверждая свою вѣру въ Него и прославляли Его за Его безграничную благость и, воздавъ Ему благодарность за проведенное время, поручали себя Его Божественному милосердію на будущее время. Сдѣлавъ это, они отправлялись почивать.

Переводъ Н. И. Никифорова.

12.

Какимъ образомъ Гаргантуа построилъ для монаха Телемское аббатство.

Оставалось только наградить монаха [1]). Его Гаргантуа хотѣлъ сдѣлать аббатомъ Сёйе, но тотъ отказался. Онъ хотѣлъ ему дать аббатство Бургей, либо Сенъ-Флоранъ—на выборъ, а то и оба вмѣстѣ, если онъ захочетъ. Но монахъ рѣшительно отвѣтилъ ему, что не желаетъ брать на себя никакой административной должности.

— Какимъ образомъ—говорилъ онъ—смогу я управлять другимъ, когда и собой-то управлять не умѣю? Если вамъ кажется, что я вамъ сдѣлалъ или могу въ будущемъ сдѣлать какую-либо пріятную услугу, разрѣшите мнѣ устроить аббатство по моему плану.

Эта просьба понравилась Гаргантуа, и онъ предложилъ всю принадлежавшую ему область Телемъ [2]), на рѣкѣ Луарѣ, въ двухъ миляхъ отъ большого лѣса Поръ-Юо. Онъ испросилъ у Гаргантуа разрѣшеніе устроить свой монастырь на началахъ діаметрально противоположныхъ всѣмъ прочимъ монастырямъ.

— Значитъ, сказалъ Гаргантуа, во-первыхъ, не надо будетъ строить стѣнъ или ограды, ибо всѣ прочія аббатства обнесены высокими стѣнами.

— Конечно, сказалъ монахъ, и не безъ причины: тамъ, гдѣ стѣна спереди, стѣна сзади, тамъ много ропота [3]), зависти и заговоровъ другъ противъ друга.

Кромѣ того, такъ какъ въ нѣкоторыхъ монастыряхъ этого міра [4]) существуетъ обыкновеніе, что если туда проникла какая-нибудь женщина (я разумѣю честную и стыдли-

---

[1]) Монаха Жана, сподвижника Гаргантуа.

[2]) Названіе вымышленное. Телемъ—отъ греческаго θέλημα. Страна Телемъ—„желанная страна“, „вожделѣнная страна“.

[3]) „Ou mur y a et davant et derriere, y a force murmur“—непереводимая игра словъ.

[4]) „Этого міра“, то-есть реальнаго міра, въ противоположность тому воображаемому, идеальному, „желанному“ міру, который изображаетъ здѣсь Рабле.

вую), то моютъ то мѣсто, по которому она прошла. Въ Телемскомъ аббатствѣ было, наоборотъ, установлено, чтобы, въ случаѣ если туда зайдетъ какой монахъ или монахиня, то тщательно вымывались мѣста, по которымъ они пройдутъ. И такъ какъ въ монастыряхъ этого міра все распредѣлено и размѣрено по часамъ, то было постановлено, что въ Телемскомъ аббатствѣ не будетъ ни башенныхъ, ни стѣнныхъ часовъ, но всѣ занятія будутъ распредѣлены соотвѣтственно случаю и удобству.

— Вѣдь, говорилъ Гаргантуа, самая безспорная потеря времени, какую я знаю, это—считать часы. Какая отъ этого польза? И величайшее безуміе въ мірѣ, это—управлять по звону колокола, а не по предписанію здраваго смысла и пониманія.

Далѣе, въ то время отдавали въ монастырь изъ женщинъ лишь кривыхъ, хромыхъ, горбатыхъ, дурнушекъ, уродливыхъ, придурковатыхъ, сумасшедшихъ, калѣкъ, изможденныхъ, старухъ, а изъ мужчинъ—не иначе, какъ катарриковъ, уродовъ, дураковъ, никудышниковъ.

— Кстати, замѣтилъ монахъ, на что годна женщина, у которой нѣтъ ни красоты, ни доброты?

— На то, чтобы идти въ монастырь — сказалъ Гаргантуа.

— Конечно, сказалъ монахъ, а также на то, чтобы шить сорочки [1]).

Въ Телемскомъ аббатствѣ было, напротивъ, установлено, чтобы принимались только красивыя, хорошо сложенныя, счастливо одаренныя отъ природы женщины, и такіе же красивые, хорошо сложенные и даровитые мужчины.

Далѣе, въ виду того, что въ женскіе монастыри мужчины входили лишь украдкой и тайкомъ, было постановлено,

[1]) Здѣсь въ подлинникѣ непередаваемая игра словъ. Монахъ спрашиваетъ: Une femme qui n'est ny belle ny bonne, a quoy vault toille? Игра словъ заключается въ старинной формѣ—vault toille (-vaut-elle), гдѣ toille можетъ означать также и существительное („полотно"). Отсюда каламбурное „и шить сорочки".

что въ Телемскомъ аббатствѣ будутъ непремѣнно и мущины, если будутъ женщины, и будутъ непремѣнно женщины, если будутъ мущины.

Далѣе, въ виду того, что, какъ мущины, такъ и женщины, разъ принятые въ монастырь, послѣ года искуса, были обязаны и принуждены оставаться тамъ навсегда, на всю свою жизнь, было установлено, что какъ мущины, такъ и женщины, которые будутъ приняты въ Телемское аббатство, могутъ уйти оттуда, когда имъ это заблагоразсудится, безъ всякаго препятствія.

Далѣе, въ виду того, что монашествующіе обыкновенно давали три обѣта цѣломудрія, нестяжанія и послушанія,— было установлено, что въ Телемскомъ аббатствѣ можно честно вступать въ бракъ, можно быть богатымъ и жить въ полной свободѣ.

Какъ было построено и одарено аббатство Телемитовъ.

Для постройки и обстановки аббатства, Гаргантуа распорядился выдать наличными 2,700,831 длинношерстныхъ барановъ [1]), и ассигновалъ ежегодно, впредь до окончанія и оборудованія доходовъ съ рѣки Дивы [2]), 1,669,000 солнечныхъ экю [3]) и столько же экю съ цыплячьей звѣздой [4]). Для обезпеченія и поддержки аббатства онъ далъ на вѣчное время 2,369,514 „дворянокъ съ розой“ [5]) въ формѣ земельной

---

[1]) Mouton à grande laine—такъ называлась въ эпоху Рабле золотая монета, равнявшаяся по вѣсу нынѣшнимъ 16 франкамъ въ золотой валютѣ.

[2]) На судоходныхъ рѣкахъ взимались частью мѣстными сеньерами, частью королемъ различные сборы (péages) съ проходившихъ по нимъ судовъ.

[3]) Ecu au soleil—серебряная монета (около двухъ франковъ на современныя деньги). На одной сторонѣ ея былъ изображанъ государственный гербъ Франціи съ короной наверху, а надъ ней миніатюрное изображеніе солнца. Отсюда название „солнечное экю“.

[4]) Такой монеты не было: это одна изъ обычныхъ у Рабле выдумокъ шутки ради.

[5]) Noble à la rose—названіе золотой монеты (около 25 франковъ современныхъ), выпущенной Эдуардомъ II съ изображеніемъ розы на одной сторонѣ.

ренты, обезпеченной отъ вычетовъ, амортизованной и выплачиваемой каждый годъ у воротъ аббатства, и все это закрѣпилъ прекрасной грамотой.

Зданіе имѣло шестиугольную форму, при чемъ на каждомъ изъ угловъ была построена тяжелая круглая башня, по 60 шаговъ въ діаметрѣ. Всѣ онѣ были одинаковы по размѣрамъ и фигурѣ. Съ сѣверной стороны текла рѣка Луара. На самомъ берегу находилась башня, названная Арктикой; отъ нея, по направленію къ востоку, была другая башня, названная Калаэръ, слѣдующая называлась Анатоль, дальнѣйшая — Мезамбрина, за ней — Эсперія, и наконецъ — Кріэра [1]).

Разстояніе между башнями равнялось 312 шагамъ. Все сооруженіе состояло изъ шести этажей, включая сюда подвальный, подъ землей. Второй этажъ былъ съ куполомъ на подобіе перевесла корзинки. Все остальное было покрыто лѣпкой изъ фландрскаго гипса въ формѣ подставокъ для лампы; крыша была сдѣлана изъ гладкихъ аспидныхъ досокъ, съ ребрами изъ свинца въ формѣ миніатюрныхъ фигурокъ людей и животныхъ, хорошо расположенныхъ и вызолоченныхъ, съ желобами для воды, выходившими за стѣны между оконъ, расписанныхъ діагонально золотомъ и глазурью, до самой земли, гдѣ они оканчивались большими каналами, ведшими всѣ къ рѣкѣ подъ зданіемъ.

Зданіе было во сто разъ великолѣпнѣе замковъ Бониве, Шамбора, Шантильи. Въ немъ было 9332 жилыхъ помѣщеній, каждое съ задней комнатой, кабинетомъ, гардеробомъ, молельной и съ выходомъ въ большой залъ. Внутри каждой башни, посерединѣ жилыхъ помѣщеній, была винтовая лѣстница, ступени которой были частью изъ порфира, частью изъ нумидійскаго мрамора, частью изъ офита, длиной

[1]) *Арктика* —отъ греч. Ἀρκτική—„сѣверная“; *Калаэръ*—отъ греч. Καλός—прекрасный и ἀήρ—воздухъ: „прекрасновоздушная“; *Анатолія* —отъ греч. Ἀνατολή—востокъ: „восточная“; *Мезамбрина*—отъ греч. Μεσημβρινή— —„полуденная“; *Эсперія*—отъ греч. Ἑσπέρια—„западная“; *Кріэра*—отъ Κρυερά—„мерзлая“ (расположенная съ сѣверо-западной стороны, она подвергалась дѣйствію самыхъ холодныхъ зимнихъ вѣтровъ).

каждая 22 фута, а толщиной въ три пальца. Отъ одной площадки до другой было двѣнадцать ступеней. На каждой площадкѣ было по двѣ античныхъ арки, чрезъ которыя проникалъ наружный свѣтъ; чрезъ нихъ же былъ входъ въ открытые кабинеты, каждый шириной въ упомянутую лѣстницу. Кабинеты эти доходили до крыши и оканчивались павильономъ. По этой лѣстницѣ входили съ каждой стороны въ большой залъ, а изъ зала въ комнаты.

Отъ башни Арктики до Кріэры были красивыя и большія библіотеки съ книгами на греческомъ, латинскомъ, еврейскомъ, французскомъ, тосканскомъ и испанскомъ языкахъ [1]; всѣ книги были распредѣлены въ шести этажахъ, соотвѣтственно числу языковъ. Посрединѣ была дивная витая лѣстница, отъ которой былъ выходъ наружу черезъ арку шириной въ шесть туазовъ. Лѣстница эта была сдѣлана такой ширины, что шесть вооруженныхъ, съ копьемъ при бедрѣ, могли вмѣстѣ врядъ подняться по ней по всему зданію до самаго верха.

Отъ башни Анатолія до Мезамбрины были красивыя и большія галлереи, сплошь расписанныя античными подвигами, исторіями и землеописаніями. Посрединѣ была такая же лѣстница, какъ въ библіотекѣ, и такая же дверь, какъ со стороны рѣки.

Какова была резиденція Телемитовъ.

Посрединѣ внутренняго двора находился великолѣпный фонтанъ изъ бѣлаго алебастра. Наверху стояли три граціи съ рогами изобилія въ рукахъ. Выходившая во внутренній дворъ часть зданія покоилась на массивныхъ колоннахъ съ античными арками. За колоннадой находились прекрасныя галлереи, длинныя и просторныя, украшенныя жи-

---

[1] Интересно отмѣтить, что идеальная библіотека Рабле исчерпывается книгами на шести языкахъ, въ томъ числѣ лишь на трехъ новыхъ: французскомъ, итальянскомъ („тосканскомъ“) и испанскомъ. Ни нѣмецкій, ни англійскій, ни тѣмъ болѣе славянскіе языки для него не существуютъ. Правда, что они еще были въ ту пору бѣдны и невыработаны въ литературномъ отношеніи.

вописью и скульптурными изображеніями олеппхъ роговъ, единороговъ, носороговъ, гиппопотамовъ, слоновъ и другихъ интересныхъ для зрѣнія предметовъ.

Дамскіе покои занимали часть зданія отъ башни Арктики до Мезамбринскихъ воротъ. Остальныя части занимали мущины. Передъ дамскими покоями, между обѣими башнями, находилась площадка для игръ, ипподромъ, театръ, бассейны для купанья, съ великолѣпными ваннами, снабженными всѣми необходимыми принадлежностями и струями душистой воды съ запахомъ мирры.

Вблизи рѣки былъ прекрасный садъ, съ красивымъ лабиринтомъ посрединѣ. Между двумя другими башнями находилось помѣщеніе для игры въ мячъ. Со стороны башни Кріэры былъ фруктовый садъ, полный всевозможныхъ фруктовыхъ деревьевъ, расположенныхъ въ шахматномъ порядкѣ. Въ концѣ находился большой паркъ, кишѣвшій всякой дичью. Между третьей парой башенъ находились стрѣльбища для стрѣльбы изъ аркебуза, лука и арбалета [1]). За башней Эсперіи помѣщались служебные покои, въ одинъ этажъ; за ними—конюшни, а передъ послѣдними—помѣщеніе для охотничьихъ птицъ, подъ управленіемъ опытныхъ сокольничьихъ; всякаго рода образцовыя охотничьи птицы доставлялись ежегодно Канадцами, Венеціанцами, Сарматами; орлы, соколы, коршуны, ястреба и проч., были всѣ настолько хорошо выдрессированы и приручены, что, выпущенные изъ замка въ поле, они брали все, что встрѣчали. Охотничьи своры находились нѣсколько подальше, по направленію къ парку.

Всѣ залы, комнаты и кабинеты были задрапированы различнымъ образомъ, соотвѣтственно сезону. Полы были сплошь покрыты зеленымъ сукномъ. Постели были вышитыя. Въ каждой изъ заднихъ комнатъ было по хрустальному зеркалу въ рамкѣ изъ чистаго золота, украшенной жемчугомъ; зеркала были такого размѣра, что могли отра-

---

[1]) Аркебузъ тяжелое кремневое ружье. Арбалетъ—лукъ съ прикладомъ на подобіе ружейнаго.

жать всего человѣка. При выходѣ изъ дамскихъ покоевъ находились парфюмеры и парикмахеры, черезъ руки которыхъ проходили мущины, когда они приходили съ визитомъ къ дамамъ Они приносили каждое утро въ комнаты дамъ розовую воду, померанцевую, миртовую; каждой дамѣ они приносили, кромѣ того, дорогую вазочку, испарявшую различныя ароматическія вещества.

Правила, регулировавшіе образъ жизни Телемитовъ.

Вся жизнь ихъ протекала не по законамъ, уставамъ и правиламъ, а по доброй волѣ и личному усмотрѣнію каждаго. Вставали съ постели, когда заблагоразсудится; пили, ѣли, работали, спали, когда являлось желаніе. Никто ихъ не будилъ, никто не понуждалъ ни пить, ни ѣсть, ни дѣлать что бы то ни было. Такой порядокъ установилъ Гаргантуа. Весь ихъ уставъ сводился къ слѣдующему правилу:

ДѢЛАЙ, ЧТО ХОЧЕШЬ.

Въ самомъ дѣлѣ, люди свободные, благородные, благовоспитанные, вращающіеся въ хорошемъ обществѣ, имѣютъ отъ природы инстинктъ и внутреннее влеченіе, которое ихъ направляетъ къ добродѣтели и отклоняетъ отъ порока. Этотъ инстинктъ телемиты называли честью. При такой свободѣ, они привыкли состязаться другъ передъ другомъ въ томъ, чтобы дѣлать то, что доставляло удовольствіе другому. Если кто говорилъ: „Будемте пить“, всѣ начинали пить. Если кто говорилъ: „Будемте играть“, всѣ принимались играть. Если кто говорилъ: „Пойдемте погулять въ поле“, всѣ шли туда. Если дѣло шло объ охотѣ съ птицами или собаками, дамы, верхомъ на красивыхъ кобылицахъ, брали въ руки каждая по соколу или кориуну; мущины брали другихъ птицъ.

Всѣ были настолько образованы, что не было среди нихъ ни одного и ни одной, которые бы не умѣли читать, писать, пѣть, играть на музыкальныхъ инструментахъ, говорить на пяти-шести языкахъ и сочинять на нихъ въ

стихахъ и прозѣ. Никогда не было видно кавалеровъ столь храбрыхъ, столь галантныхъ, легкихъ на ходу и верхомъ, болѣе ловкихъ, болѣе искусныхъ въ обращеніи со всякимъ оружіемъ; никогда не было видано дамъ столь опрятныхъ, изящныхъ, менѣе скучныхъ, болѣе свѣдующихъ во всякомъ рукодѣльи, въ шитьѣ и во всякомъ женскомъ дѣлѣ честномъ и свободномъ.

Когда приходило время, что кто-нибудь, по просьбѣ ли родныхъ или по какой иной причинѣ, хотѣлъ выйти изъ аббатства, то онъ уводилъ съ собой одну изъ дамъ и женился на ней. И какъ жили они въ Телемѣ во взаимной дружбѣ и преданности, такъ еще лучше продолжали они жить послѣ брака и любили другъ друга до послѣдняго дня своей жизни такъ же, какъ въ первый день послѣ свадьбы.

Переводъ проф. П. Ардашева.

---

3. Гуманизмъ въ Англіи.

Томасъ Моръ.

1478—1535.

13.

„Островъ Утопія“.

1516.

Томасъ Моръ (Thomas Moore), знаменитый англійскій гуманистъ и политическій дѣятель, родился въ 1478 г., умеръ въ 1535 г. Широкую литературную извѣстность онъ составилъ себѣ, главнымъ образомъ, своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ *Островъ Утопія*[1]. Слово *утопія*, искусственно составленное изъ греческихъ словъ οὐ—*не* и τόπος—*мѣсто*, значитъ въ вольномъ переводѣ „нигдѣ“ или „несуществующее, небывалое мѣсто“. Въ этомъ своемъ сочиненіи Моръ изображаетъ воображаемую страну съ новыми людьми и новымъ строемъ, нигдѣ и никогда не существовавшимъ, но представляющимся автору желательнымъ. Словомъ, *Утопія*, это своего рода соціальная мечта. Отсюда и вошедшее во всѣ современные языки слово *утопія*, *утопическій*—въ смыслѣ близкомъ къ словамъ *мечта*, *мечтательный*. Здѣсь приводятся выдержки изъ второй части *Утопіи* Томаса Мора.

На островѣ Утопія насчитывается 54 обширныхъ и прекрасныхъ города. Языкъ, обычаи, учрежденія и законы

---

[1]) Полное заглавіе этого сочиненія, написаннаго по-латыни, было слѣдующее: *De optimo rei publicae statu deque nova insula Utopia libri duo—Двѣ книги о наилучшемъ устройствѣ государства и о новомъ островѣ Утопіи.* Есть русскій переводъ А. Г. Генкеля и Н. А. Макшеевой (изд. 2-е, Спб. 1905), откуда и заимствованы приводимые здѣсь отрывки.

ихъ одни и тѣ же. Всѣ 54 города выстроены по одному и тому же плану; въ нихъ одни и тѣ же общественныя зданія. Каждый городъ выбираетъ трехъ опытныхъ и способныхъ старцевъ своими представителями. Послѣдніе собираются въ Амауротѣ [1]), гдѣ и обсуждаютъ дѣла страны. Поля каждому городу отведены такъ, чтобы окружали городъ не менѣе, чѣмъ на 12 миль, иногда и больше. Жители не считаютъ себя собственниками земли, а скорѣе ея арендаторами. Каждая земледѣльческая семья состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ сорока человѣкъ—мущинъ и женщинъ, и изъ двухъ рабовъ, и управляется однимъ отцомъ и одной матерью семейства, людьми серьезными и разсудительными. Каждая группа въ 30 семействъ управляется своимъ филархомъ. Ежегодно въ городъ возвращается 20 земледѣльцевъ, завершившихъ двухлѣтній срокъ своей земледѣльческой службы. Ихъ замѣщаютъ 20 новыхъ, срокъ службы которыхъ и начинается съ этого времени. Новые пришельцы учатся у тѣхъ, кто уже проработалъ годъ, а на слѣдующій годъ наступаетъ и ихъ очередь руководить другими. Эта ежегодная смѣна преслѣдуетъ еще и другую цѣль: благодаря ей, граждане не подвергаются слишкомъ долго тяжелой физической работѣ. Однако случается часто, что нѣкоторымъ земледѣльческая работа приходится особенно по сердцу, и такимъ, само собою разумѣется, охотно разрѣшаютъ проводить внѣ города по нѣскольку лѣтъ.

О правительствѣ.

Тридцать семействъ города ежегодно выбираютъ одного правителя. На старинномъ діалектѣ онъ называется „сифогрантомъ“, а на новомъ „филархомъ“. Десять филарховъ и триста семействъ повинуются одному протофиларху. Наконецъ, сифогранты, которыхъ 200, производятъ послѣдніе выборы. Они даютъ клятву подавать свои голоса лишь за лучшаго и способнѣйшаго гражданина и затѣмъ приступаютъ къ выбору князя изъ среды тѣхъ четырехъ граждан,

---

[1]) Главный городъ Утопіи.

которые предложены народомъ. Такъ какъ городъ распадается на четыре округа, то каждый изъ нихъ представляетъ сенату своего избранника. Званіе правителя остается на всю жизнь, при томъ, однако, условіи, чтобы на него не падало подозрѣнія въ стремленіи къ единодержавію. Траниборы избираются ежегодно, однако безъ особенныхъ поводовъ ихъ не мѣняютъ. Остальныя власти мѣняются ежегодно. Каждые три дня, а въ случаѣ надобности и чаще, траниборы, вмѣстѣ съ княземъ, собираются на совѣщаніе, въ которомъ обсуждаютъ текущія дѣла и улаживаютъ между частными лицами тяжбы, которыхъ обыкновенно бываетъ крайне мало.

Объ искусствахъ и ремеслахъ.

Есть одно занятіе, которымъ всѣ утопійцы, мужчины и женщины, занимаются сообща, и отъ котораго никто не смѣетъ отказываться: это—земледѣліе. Но, кромѣ земледѣлія, каждому утопійцу назначается еще какое-нибудь специальное ремесло. Утопійцы дѣлятъ день и ночь на 24 равныхъ часа. Изъ нихъ шесть часовъ приходится на долю физическаго труда. Распредѣленіе времени слѣдующее: три часа работы до полудня, затѣмъ обѣдъ, два часа отдыха, три часа вечерней работы и, наконецъ, ужинъ. Каждое утро передъ восходомъ солнца открываются общественныя залы. Только тѣ обязаны туда ходить, кто исключительно посвятилъ себя наукамъ; однако каждый имѣетъ право посѣщать ихъ. Вечеромъ, послѣ ужина, утопійцы проводятъ часъ времени въ развлеченіяхъ: лѣтомъ—въ садахъ, зимою—въ общественныхъ столовыхъ. Они или занимаются тамъ музыкой, или бесѣдуютъ, такъ какъ не знаютъ ни картъ, ни другихъ безсмысленныхъ и опасныхъ игръ.

Во всемъ городѣ и его окрестностяхъ, изо всѣхъ мужчинъ и женщинъ, обладающихъ достаточными силами для работы, едва ли найдется 500 человѣкъ, освобожденныхъ по закону отъ работы. Къ числу такихъ принадлежатъ сифогранты, и тѣмъ не менѣе эти начальствующія лица работаютъ наравнѣ съ прочими гражданами, чтобы дѣйство-

вать на нихъ своимъ примѣромъ. Это преимущество относится также къ тѣмъ юношамъ, которые, по выбору народа и священниковъ, послѣ тайнаго голосованія сифогрантовъ, предназначаются на служеніе наукамъ и искусствамъ. Коль скоро одинъ избранникъ не оправдываетъ возложенныхъ на него надеждъ, его возвращаютъ въ классъ рабочихъ. Когда же, наоборотъ (это наблюдается гораздо чаще) работнику удается, путемъ занятій въ часы досуга, пріобрѣсти себѣ основательное образованіе, онъ освобождается отъ физическаго труда и переводится въ классъ ученыхъ. Изъ числа ученыхъ выбираютъ пословъ, священниковъ, транибoровъ и наконецъ—князя.

О взаимныхъ отношеніяхъ между согражданами.

Каждый городъ долженъ насчитывать 6000 семействъ, а въ семьѣ должно быть только отъ десяти до двѣнадцати мужчинъ зрѣлаго возраста.

Старѣйшій является главою семейства. Женщины повинуются мужьямъ, дѣти родителямъ, а въ своей средѣ—младшій старшему. Весь городъ раздѣляется на четыре равныхъ квартала. Въ центрѣ каждаго изъ нихъ помѣщается рынокъ для необходимыхъ продуктовъ. Сюда сносятся издѣлія всѣхъ семействъ, которыя помѣщаются сначала въ складахъ, а затѣмъ сортируются и сохраняются въ соотвѣтствующихъ магазинахъ. Каждый отецъ семейства выискиваетъ на площади то, что нужно ему или его кліентамъ. Онъ получаетъ все необходимое безъ всякаго денежнаго или другого какого-либо вознагражденія. Отцу семейства никогда ни въ чемъ не отказываютъ. Самую грязную и трудную кухонную работу возлагаютъ на рабовъ. Женщины варятъ кушанья, приправляютъ ихъ, накрываютъ на столъ и убираютъ посуду.

О рабахъ.

Рабами становятся не всѣ военноплѣнные безъ исключенія, а только тѣ, которыхъ взяли въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ. Сынъ раба становится свободнымъ; чужой рабъ

точно также дѣлается свободнымъ, разъ вступивши на почву Утопіи. Рабство становится также удѣломъ гражданъ, совершившихъ тяжкое преступленіе, и иностранцевъ, приговоренныхъ къ смерти. Утопійцы отыскиваютъ ихъ за-границей и покупаютъ за ничтожныя деньги, а часто получаютъ и совсѣмъ даромъ. Всѣ эти рабы приговариваются къ принудительнымъ работамъ и носятъ цѣпи.

Переводъ А. Г. Генкеля и Н. А. Макшеевой.

---

4. Гуманизмъ въ Германіи.

Эразмъ Роттердамскій.

1467—1536.

Дезидерій Эразмъ, прозванный по мѣсту своего рожденія Роттердамскимъ, самый крупный изъ германскихъ гуманистовъ, родился въ 1467 г., въ предѣлахъ нынѣшней Голландіи, въ ту пору входившей въ составъ германской имперіи, въ городѣ Роттердамѣ (умеръ въ Базелѣ въ 1536 г.). Юные годы свои Эразмъ, подобно Рабле, провелъ въ монастырѣ, и точно также не по личному призванію, а по волѣ лицъ, заступавшихъ мѣсто его умершихъ родителей. Впрочемъ случай помогъ ему вскорѣ вырваться изъ тяготившаго его монастырскаго заточенія, которое онъ успѣлъ использовать для изученія греческаго и латинскаго языковъ, которыми онъ овладѣлъ въ совершенствѣ, а по-латыни писалъ и говорилъ даже свободнѣе, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ. Своими учеными трудами Эрзамъ составилъ себѣ имя выдающагося филолога-классика и богослова; но широкую извѣстностью среди образованной публики всей Европы онъ пріобрѣлъ главнымъ образомъ двумя своими сатирико-публицистическими произведеніями: *Похвала глупости* (*Encomium Moriae sive Stultitiae Laus*) и *Непринужденныя бесѣды* (*Colloquia familiaria*).

Первая изъ этихъ двухъ сатиръ представляетъ собою пародію на панегирикъ, при чемъ панегирикъ глупости влагается въ уста самой глупости, олицетворенной въ видѣ женщины-ора-

---

[1]) Это, собственно, литературный псевдонимъ, а не имя. Настоящее имя Эразма было *Gerhard de Praet*. *Desiderius Erasmus*—эти два слова представляютъ собою не что иное, какъ латинскій и греческій переводы имени Gerhard („желанный“). Такая перелицовка именъ была въ модѣ у гуманистовъ, особенно нѣмецкихъ.

тора. Этотъ замыселъ даетъ возможность Эразму нарисовать блестящую сатирическую картину современнаго ему общества. Тѣмъ же сатирическимъ духомъ отличаются и его *Непринужденныя бесѣды*. Въ обѣихъ сатирахъ болѣе рѣзко бичуется монашество, что объясняется, съ одной стороны—чисто принципіальнымъ отрицательнымъ отношеніемъ Эразма, какъ гуманиста, къ монашеству, какъ учрежденію, а съ другой—тѣми впечатлѣніями, которыя онъ вынесъ изъ своего невольнаго пребыванія въ монастырѣ въ свои молодые годы.

Похвала Глупости вышла впервые въ Парижѣ въ 1509 г. и при жизни Эразма была переиздана не менѣе сорока разъ; въ настоящее время она имѣется въ переводахъ на всѣ европейскіе языки [1]). *Непринужденныя бесѣды* вышли въ 1519 г., а въ окончательной редакціи въ 1530 г.

Ниже приводятся также отрывки изъ небольшого педагогическаго трактата Эразма *О дѣтской благовоспитанности (De civilitate morum puerilium)*; на ряду съ матеріаломъ для характеристики педагогическихъ воззрѣній Эразма, онъ даетъ также и любопытныя черты культурнаго быта того времени.

14.

Изъ „Похвалы Глупости."

1509.

Учителя грмматики.

Перехожу къ тѣмъ, которые слывутъ у смертныхъ мудрецами и которые, какъ говорится, держатъ золотую вѣтвь въ рукахъ. Первое мѣсто среди этой категоріи людей занимаютъ учителя грамматики. Вотъ люди, которые были бы самыми злополучными и жалкими, истинными пасынками судьбы, если бы я не скрашивала непривлекательность ихъ жалкой профессіи нѣкоторымъ усладительнымъ сумасбродствомъ. Они обречены не пяти проклятіямъ, о которыхъ говоритъ извѣстная греческая эпиграмма, а цѣлымъ сотнямъ. Вѣчно впроголодь, неумытые, непричесанные, грязноодѣтые, сидятъ они въ своихъ школахъ, соединяю-

[1]) Русскій переводъ проф. Ардашева, изд. 3-ье. Кіевъ, 1910 г. (ц. 50 к.).

щихъ въ себѣ прелести толчеи и застѣнка. Убійственный трудъ—управляться съ буйной ватагой маленькихъ сорванцовъ; не даромъ же и старятся они прежде времени, глохнутъ отъ вѣчнаго шума и крика и чахнутъ отъ вѣчной вони и грязи, въ которой имъ приходится проводить свою жизнь... Жалкіе люди! скажете вы. Но подите-жъ, самимъ себѣ они кажутся первѣйшими среди смертныхъ—и это по моей милости. Съ какимъ самодовольствомъ нагоняютъ они страхъ на запуганную толпу ребятишекъ своимъ свирѣпымъ видомъ и грознымъ голосомъ; съ какимъ наслажденіемъ угощаютъ они своихъ питомцевъ линейками, розгами, плетками и свирѣпствуютъ на всѣ лады, точь въ точь этотъ кумапскій оселъ [1]). Они настолько довольны собой, что окружающая ихъ грязь кажется имъ изысканною чистотой, амарикійская вонь—благоуханіемъ, собственное рабство—царствомъ, и свою тиранію они не промѣняли бы на власть Фалариса или Діонисія.

Монахи.

Большинство ихъ придаютъ такое значеніе исполненію своихъ обрядовъ и уставовъ, что и царство небесное считаютъ не вполнѣ достаточной для себя наградой. Имъ и въ голову не приходитъ, что Христосъ, чего добраго, не обратитъ на все это никакого вниманія, а потребуетъ лишь отчета въ исполненіи единственной своей заповѣди—любви къ ближнему. Между тѣмъ, съ чѣмъ предстанутъ передъ Христомъ эти люди въ день послѣдняго суда? Одинъ покажетъ ему свою брюшину, растянутую рыбою всѣхъ сортовъ и видовъ; другой вывалитъ сотню пудовокъ псалмовъ; третій начнетъ перечислять миріады постовъ и сошлется при этомъ на свой желудокъ, столько разъ рисковавшій лопнуть отъ розговѣнья послѣ каждаго поста; четвертый вытащитъ такую кучу обрядовъ, что ими можно было бы нагрузить семь купеческихъ судовъ; пятый будетъ бахвалиться, что въ теченіе 60 лѣтъ ни разу не прикоснулся къ деньгамъ иначе,

[1]) Намекъ на извѣстную басню объ ослѣ въ львиной шкурѣ.

какъ надѣвъ предварительно на руку двойную перчатку; шестой принесетъ свой плащъ, дотого пропитанный грязью и потомъ, что послѣдній бурлакъ не захотѣлъ бы надѣть его; седьмой сошлется на то, что онъ 60 лѣтъ прожилъ, какъ губка, не двинувшись съ мѣста; восьмой принесетъ съ собой хрипоту, пріобрѣтенную усерднымъ пѣснопѣніемъ; девятый—нажитую въ одиночествѣ спячку; десятый — оцѣпенѣвшій отъ продолжительнаго молчанія языкъ. А какъ прерветъ Христосъ этотъ безконечный потокъ бахвальства, да какъ скажетъ: „Откуда этотъ новый родъ іудеевъ? Единственный законъ признаю я истинно моимъ, но о немъ-то я до сихъ поръ ни слова не слышу! А, вѣдь, открыто, безъ всякой аллегоріи или притчи, обѣщалъ я въ свое время наслѣдіе Отца моего—не капюшонамъ, не молитвословіямъ, не постамъ, но дѣламъ любви! Не хочу я знать людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ свои подвиги! Эти люди, желающіе казаться святѣе меня, могутъ, если угодно, занять небо Абраксазіевъ, [1]) либо пусть прикажутъ выстроить себѣ новое небо тѣмъ, которые свои уставы ставили выше моихъ заповѣдей“. Какими глазами, думаете вы, посмотрятъ они другъ на друга, когда выслушаютъ эти грозныя слова, и увидятъ, что отдано предпочтеніе передъ ними бурлакамъ и извощикамъ?...

Германскіе князья и ихъ придворные.

Теперь вообразите себѣ — такими, вѣдь, иногда, они и оказываются въ дѣйствительности—человѣка совершенно невѣжественнаго въ законахъ, къ общественнымъ интересамъ не только равнодушнаго, но чуть что не враждебнаго,—поглощеннаго исключительно своими личными выгодами, цѣликомъ отдавшагося удовольствіямъ, ненавистника всякой науки, свободы и правды,—всего менѣе думающаго о благѣ государства и все измѣряющаго своимъ произволомъ и личною выгодою. Надѣньте теперь на этого человѣка [2]) зо-

[1]) Абраксазіями назывались послѣдователи одной греческой секты, которая, между прочимъ, учила о существованіи 365 небесъ.

[2]) Далѣе идетъ описаніе параднаго костюма германскихъ князей того времени.

лотую цѣпь — символъ гармоническаго сочетанія всѣхъ добродѣтелей, потомъ возложите на него усыпанную драгоцѣнными каменьями корону—видимое напоминаніе о томъ, что ея носитель долженъ быть впереди всѣхъ своимъ геройствомъ и всякими доблестями. Дайте ему также скипетръ—символъ справедливости и душевной прямоты. Одѣньте его, наконецъ, въ порфиру — символъ особой любви къ государству. Если бы теперь князь вздумалъ сопоставить эти символическіе знаки своего достоинства со своею жизнью, то, право же, думаю, ему бы стало стыдно своего собственнаго одѣянія; онъ не на шутку почувствовалъ бы въ душѣ тревогу, какъ бы какой насмѣшникъ не поднялъ на смѣхъ весь этотъ торжественный уборъ.

Нужно ли говорить о придворныхъ? Я не знаю ничего продажнѣе, подлѣе, безсовѣстнѣе и гнуснѣе этихъ тварей, которые, однако, хотятъ, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на первѣйшихъ среди людей. Въ одномъ лишь отношеніи они безусловно скромны: они довольствуются тѣмъ, что украшаютъ свою особу золотомъ, драгоцѣнными каменьями, пурпуромъ и прочими внѣшними знаками добродѣтелей и мудрости, осуществлять же всѣ эти прекрасныя вещи великодушно предоставляютъ другимъ. Они съ избыткомъ счастливы тѣмъ, что могутъ запросто разговаривать съ государемъ, — что могутъ сказать удачный комплиментъ и кстати ввернуть въ свою рѣчь почтительные титулы *свѣтлости, высочества, превосходительства.* Къ тому же они такъ умѣютъ раздушиться и съ такимъ тактомъ говорить самую изысканную лесть. Вотъ тѣ качества, которыми слѣдуетъ обладать истинному аристократу и придворному. Но присмотритесь поближе къ этимъ господамъ: что это за феаки, что за женихи Пенелопы—окончаніе цитируемаго мною гомеровскаго стиха вамъ лучше подскажетъ эхо. Спитъ нашъ вельможа до полудня. Наемный попъ ожидаетъ его пробужденія, чтобы тутъ же, пока тотъ еще потягивается въ постели, пробормотать утреннюю молитву. Съ постели—къ столу: завтракать. Едва кончилъ завтракать — обѣдать. Потомъ — игра въ кости, въ

шашки, битье объ закладъ, скоморохи, шлюхи, потѣхи, шутовство. Одна или двѣ закуски въ промежуткѣ. А затѣмъ—опять столъ: ужинъ, за которымъ слѣдуютъ обильныя возліянія. Въ такой беззаботной и безпечной жизни проходятъ часы за часами, дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, годы за годами, вѣка за вѣками. Для меня настоящее наслажденіе—любоваться торжествующимъ самодовольствомъ этихъ людей. Вотъ — щеголиха, воображающая себя чуть не богиней только потому, что волочитъ за собой болѣе длинный хвостъ, чѣмъ другія; недуренъ и вотъ тотъ фатъ, работающій обоими локтями, чтобы протискаться впередъ другихъ, поближе къ Юпитеру. Каждый изъ нихъ тѣмъ самодовольнѣе, чѣмъ тяжелѣе у него цѣпь на шеѣ: каждому хочется порисоваться не только своимъ богатствомъ, но и своей тѣлесной силой.

Папы и духовенство.

Папы, кардиналы, епископы изо всѣхъ силъ стараются не отстать отъ князей и вельможъ, но по возможности и заткнуть ихъ за поясъ.

Что означаетъ это одѣяніе [1]) изъ бѣлоснѣжнаго полотна? Совершенную невинность и чистоту жизни. Какой скрытый смыслъ заключается въ этой двурогой митрѣ, съ перевязанною узломъ двойною верхушкой? Это есть символическое выраженіе совершеннаго знанія ветхаго и новаго завѣта. Что означаютъ перчатки на рукахъ? Чистоту въ совершеніи таинствъ и неприкосновенность ко всему земному. Что такое этотъ епископскій посохъ? Онъ — символъ бдительнаго попеченія о ввѣренномъ стадѣ. А этотъ крестъ на груди? Это—символъ побѣды надъ всѣми плотскими вожделѣніями. Если бы теперь кто-либо изъ этихъ людей позадумался серьезно надъ всѣмъ этимъ, не впалъ ли бы онъ въ тоску и скорбь, и не отравили ли бы душевныя тревоги его существованія?.. Къ своему счастію, они, благодаря мнѣ, вовсе не задумываются надъ подобными вещами и живутъ

---

[1]) Далѣе слѣдуютъ подробности епископскаго одѣянія.

себѣ въ свое удовольствіе. Пасутъ сами себя, заботу же объ овцахъ поручаютъ Христу, либо слагаютъ съ себя на такъ называемыхъ „братьевъ“ и викаріевъ. Имъ не приходитъ даже и въ голову, чтобы ихъ должность, какъ указываетъ самое названіе *епископъ*, возлагала на нихъ какіе-либо труды, заботы или безпокойства. За однимъ только наблюдаютъ они, объ одномъ пекутся и безпокоятся—это объ уловленіи пенязей: тутъ они „смотрятъ въ оба“.

Если бы, въ свою очередь, кардиналы поразмыслили о томъ, что они заступаютъ мѣсто апостоловъ, и что, слѣдовательно, и жизнью своей должны уподобляться апостоламъ; если бы, далѣе, подумали они о томъ, что они не собственники духовныхъ даровъ, а лишь ихъ временные управляющіе, отъ которыхъ будетъ рано или поздно потребованъ строгій отчетъ! Наконецъ, просто-на-просто вдумались бы хоть немножко во внутренній смыслъ внѣшнихъ знаковъ своего достоинства! Не означаетъ ли эта бѣлизна рубашки—высшую степень непорочности? Не есть ли пурпурная мантія — символъ пламенной любви къ Богу? Или что означаетъ эта необычайная широта мантіи, до того вмѣстительной, что ея хватило бы одѣть верблюда? Не означаетъ ли она безпредѣльную, всеобъемлющую христіанскую любовь, т. е. живое стремленіе помогать ближнему — поученіемъ, увѣщаніемъ, обличеніемъ, напоминаніемъ, умиротвореніемъ, сопротивленіемъ неправеднымъ князьямъ, даже - пролитіемъ собственной крови за стадо Христово, не говоря уже о матеріальныхъ жертвахъ?.. Да и къ чему матеріальныя богатства тѣмъ, кто заступаетъ мѣсто неимущихъ Апостоловъ? Если бы, говорю я, серьезно поразмыслили они обо всемъ этомъ сами съ собою, то одно изъ двухъ: либо вовсе не стали бы добиваться такого сана, а обладая имъ, поспѣшили бы отказаться отъ него, либо—въ противномъ случаѣ стали бы, дѣйствительно, вести жизнь полную трудовъ, заботъ и тревогъ, т. е. такую, какую вели въ свое время Апостолы.

А верховные первосвященники, занимающіе мѣсто са-

мого Христа? Если бы они, въ свою очередь, также попытались подражать Его жизни, т. е. Его бѣдности, Его трудамъ, Его ученію, Его страданію, Его презрѣнію къ жизни,— да если бы къ тому же поразмыслили о значеніи своего титула *папы*, т. е. *отца*, и *святѣйшаго*,—то скажите, что было бы плачевнѣе положенія папы? И кто сталъ бы цѣною всего своего достоянія добиваться этого мѣста? Кто, купивъ его, сталъ бы отстаивать его мечемъ, ядомъ, всякаго рода насиліемъ? Сколькихъ выгодъ лишился бы папскій престолъ, если бы сюда получила доступъ мудрость? Мудрость, сказала я... Что говорю я — *мудрость*? да хоть бы крупица той *соли*, о которой говоритъ Христосъ! Что сталось бы тогда со всѣми этими богатствами, со всѣми этими почестями, со всѣмъ этимъ земнымъ владычествомъ, со всѣми этими побѣдами, со всѣми этими чинами, со всѣми этими диспенсаціями, поборами, индульгенціями, лошадьми, мулами, тѣлохранителями, — что сталось бы, говорю я, со всѣми этими прелестями? Вмѣсто всего этого явились бы на сцену— бдѣнія, посты, слезы, молитвенныя собранія, церковныя поученія, размышленія, воздыханія и тысячи другихъ подобныхъ непріятностей. А что сталось бы тогда со всею этою массою папскихъ секретарей, писцовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, дѣлопроизводителей, секретарей, мулятниковъ, конюховъ, мѣнялъ?. Вѣдь всей этой многоголовой тысячеголовой толпѣ, которая разоряетъ—то бишь—украшаетъ римскій престолъ, пришлось бы помирать съ голоду. Не говоря уже о томъ, что это было бы крайне негуманно и недостойно,— возможно ли, безъ сердечнаго содроганія, допустить, чтобы верховные князья церкви и свѣточи міра были доведены до сумы и посоха? Теперь, наоборотъ, всѣ труды предоставляются Петру и Павлу: у нихъ вѣдь достаточно досуга!... На свою долю папы оставляютъ за-то весь блескъ и всѣ удовольствія. При моей благосклонной помощи, никому такъ вольготно и спокойно не живется на свѣтѣ, какъ именно папамъ. Они увѣрены, что титулуясь *блаженнѣйшими* и *святѣйшими*,—раз-

давая одной рукой благословенія, другой — проклятія, и разыгрывая въ пышныхъ церемоніяхъ, въ своемъ мистическомъ и почти театральномъ уборѣ, роль епископовъ, они воздаютъ все должное Христу. Творить чудеса? — Какъ это устарѣло, какъ старомодно! Да и не по нынѣшнимъ это временамъ! Поучать народъ? — Черезчуръ тяжелый трудъ! Толковать Священное Писаніе?—Что за схоластика! Молиться?—Непроизводительная трата времени! Проливать слезы?—Что за бабья сантиментальность! Жить въ бѣдности? — Некомфортабельно! Примириться съ пораженіемъ?—Позорно и недостойно того, кто едва королей допускаетъ лобызать свои блаженныя ноги. Наконецъ, умирать—вещь непріятная, быть распятымъ на крестѣ — вещь позорная. Послѣ всего этого у насъ остается то кроткое оружіе и „благія словеса“, о которыхъ говоритъ Ап. Павелъ—на этотъ счетъ куда какъ щедры папы,—т. е. интердикты, временныя и вѣчныя отлученія, анаѳемы, карательныя грамоты, наконецъ, эти страшные перуны, посредствомъ которыхъ однимъ своимъ мановеніемъ папы низвергаютъ души смертныхъ глубже самого тартара. Ни на кого, однако, не обрушаютъ болѣе грозныхъ громовъ святѣйшіе во Христѣ отцы и Христовы намѣстники, какъ на тѣхъ, которые, по дьявольскому наущенію, пытаются уменьшить или расхитить вотчину св. Петра. Хотя, по Евангелію, Петръ сказалъ: „Мы все оставили и послѣдовали за Тобой“, тѣмъ не менѣе папы называютъ вотчиною Его—поля, города, подати, пошлины, феодальныя повинности. Пылая ревностію по Христѣ, они отстаиваютъ все это огнемъ и мечемъ, не безъ изряднаго пролитія христіанской крови; нанося пораженіе непріятелю, папы убѣждены, что этимъ они апостольски защищаютъ Церковь, невѣсту Христову. Какъ будто могутъ быть у Церкви болѣе опасные враги, чѣмъ нечестивые первосвященники, которые своимъ систематическимъ молчаніемъ о Христѣ позволяютъ почти забыть о Немъ; они связываютъ Его по рукамъ и по ногамъ своими лихоимными законами, искажаютъ Его ученіе натянутыми толкованіями, наконецъ вторично распинаютъ Его

своею гнусною жизнью. На томъ основаніи, что христіанская Церковь основана кровью, кровью же укрѣплена и кровью увеличена, они и нынѣ орудуютъ мечемъ, — точно погибъ Христосъ, который бы могъ по-своему защитить вѣрныхъ своихъ!..

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

15.

Непринужденныя бесѣды.

1519—1530.

Аббатъ и ученая женщина.

Антроній.—Что это за шкапы?

Магдалія.—Развѣ не изящны?

Антроній.—О, они какъ нельзя болѣе элегантны, только мало подходятъ для дѣвицы или дамы.

Магдалія.—Почему же?

Антроній.—Потому что наполнены книгами.

Магдалія.—Ты уже въ лѣтахъ, вдобавокъ аббатъ и притомъ придворный,—неужели же никогда не видалъ книгъ въ покояхъ знатныхъ дамъ?

Антроній.—Видалъ, но французскія; здѣсь же вижу греческія и латинскія.

Магдалія.—Развѣ однѣ только французскія книги учатъ мудрости?

Антроній.—Не въ томъ дѣло, а надо же знатнымъ дамамъ чѣмъ-нибудь занять свой досугъ.

Магдалія.—Развѣ однимъ только знатнымъ позволено интересоваться умными вещами и жить въ свое удовольствіе?

Антроній.—Вотъ неудачное сочетаніе: мудрость и пріятная жизнь! Мудрость не женскій удѣлъ; удѣлъ знатныхъ дамъ—удовольствія.

Магдалія.—Не общій ли для всѣхъ удѣлъ—хорошо жить?

Антроній.—Не возражаю.

Магдалія.—А развѣ можетъ наслаждаться жизнью тотъ, кто дурно живетъ?

Антроній.—Напротивъ, развѣ можетъ жить въ свое удовольствіе тотъ, кто хорошо живетъ?

Магдалія.—Значитъ, ты одобряешь тѣхъ, которые живутъ дурно, но за-то въ свое удовольствіе?

Антроній.—Я считаю, что тѣ и живутъ хорошо, которые живутъ въ свое удовольствіе.

Магдалія.—Ну, а источникъ-то этого удовольствія гдѣ? Внѣ или въ душѣ?

Антроній.—Внѣ, конечно.

Магдалія.—О, тонкій аббатъ, но никуда не годный философъ! Скажи же мнѣ, что̀ ты считаешь мѣрой удовольствія?

Антроній.—Сонъ, пиры, свободу дѣлать, что хочешь; деньги, почести.

Магдалія.—Ну, а если ко всему этому Богъ дастъ еще въ придачу мудрость: что же, ты тогда не будешь жить въ свое удовольствіе?

Антроній.—Что называешь ты мудростью?

Магдалія.—Если понимать, что человѣкъ счастливъ только духовными благами,—что богатство, почести, знатность не дѣлаютъ человѣка ни болѣе счастливымъ, ни лучшимъ,—то вотъ это и есть мудрость.

Антроній.—Ну, чтожъ, да здравствуетъ и подобная мудрость.

Магдалія.—Что, если мнѣ болѣе доставляетъ удовольствія читать хорошаго писателя, чѣмъ тебѣ—охота, пиры, азартныя игры? Не покажется тебѣ, что я наслаждаюсь жизнью?

Антроній.—Я бы такъ не жилъ.

Магдалія.—Я спрашиваю не о томъ, что̀ для тебя составляетъ высшее наслажденіе, а о томъ, что̀ должно было бы быть наслажденіемъ.

Антроній.—Не желалъ бы я, чтобы мои монахи слишкомъ много читали.

Магдалія.—А вотъ мой мужъ, такъ онъ это очень одобряетъ. Почему же однако не одобряешь ты это въ своихъ монахахъ?

Антроній.—Потому что знаю по опыту, что такіе монахи

менѣе послушны. Возражаютъ ссылками на декреты, декреталіи, на Петра и Павла.

Магдалія.—Значитъ, ты дѣлаешь приказанія, противныя тому, что пишутъ Петръ и Павелъ?

Антроній.—Чему они учатъ, не знаю, но терпѣть не могу монаха-возражателя. Да и не желаю, чтобы кто-либо изъ моихъ подчиненныхъ былъ умнѣе меня.

Магдалія.—Этого можно избѣжать, если будешь стараться стать какъ можно умнѣе.

Антроній.—Некогда.

Магдалія.—Почему такъ?

Антроній.—Свободнаго времени нѣтъ.

Магдалія.—Нѣтъ свободнаго времени для того, чтобы быть умнымъ?

Антроній.—Нѣтъ.

Магдалія.—Что же мѣшаетъ?

Антроній.—Длинныя молитвословія, домашнее хозяйство, охота, лошадиный спортъ, визиты ко двору.

Магдалія.—Такъ для тебя все это важнѣе мудрости?

Антроній.—Для насъ такъ выходитъ.

Магдалія.—Скажи же мнѣ вотъ что. Если бы какой Юпитеръ далъ тебѣ власть превратить и монаховъ твоихъ и себя самого въ какихъ-нибудь животныхъ, по твоему желанію, то не превратилъ ли бы ты ихъ въ свиней, а себя въ коня?

Антроній.—Ни въ коемъ случаѣ!

Магдалія.—Однако такимъ путемъ ты бы избѣжалъ непріятности видѣть вокругъ себя болѣе умныхъ, чѣмъ ты самъ.

Антроній.—Для меня довольно безразлично, къ какому виду животныхъ принадлежатъ монахи, лишь бы мнѣ самому быть человѣкомъ.

Магдалія.—А ты считаешь человѣкомъ того, кто не только не мудръ, но и не желаетъ быть таковымъ?

Антроній.—Для себя я достаточно мудръ.

Магдалія.—Для себя и свиньи мудры.

Антроній.—Ну, это ужъ какая-то каверзная софистика!

Магдалія.—Не скажу, кѣмъ ты мнѣ кажешься. Но почему не нравится тебѣ эта мебель?

Антроній.—Потому, что прялка и веретено -вотъ женское оружіе.

Магдалія—Ну, а домомъ управлять или дѣтей воспитывать—развѣ это не дѣло женщины?

Антроній.—Я этого не говорю.

Магдалія.—А развѣ по-твоему, для того, чтобы управлять, не надо мудрости?

Антроній.—Не думаю.

Магдалія.—А этой мудрости меня вотъ и научаютъ книги.

Антроній.—У меня въ монастырѣ шестьдесять два монаха, и однако въ моей спальнѣ не найдешь ни одной книги.

Магдалія.—Большая предусмотрительность съ твоей стороны по отношенію къ этимъ монахамъ.

Антроній.—Еще куда ни шло, если бы это были какія-нибудь другія книги, а не латинскія.

Магдалія.—Это почему же?

Антроній.—Потому что не идетъ этотъ языкъ женщинамъ.

Магдалія.—Можно узнать, почему?

Антроній.—Это языкъ мало подходящій для охраненія женской стыдливости.

Магдалія.—Ужъ не французскія ли книги, полныя пошлѣйшихъ анекдотовъ, подходятъ для женской стыдливости?

Антроній.—Не въ этомъ дѣло.

Магдалія.—Скажи же, въ чемъ, не стѣсняйся!

Антроній.—Женщины въ большей безопасности отъ ксендзовъ, если не понимаютъ по-латыни!

Магдалія.—Вотъ ужъ откуда всего менѣе грозитъ опасность съ вашей стороны, такъ какъ вы всего усерднѣе стараетесь не знать по-латыни!

Антроній.—Это не мое, а общепринятое мнѣніе; и въ самомъ дѣлѣ, это—рѣдкое и необычное явленіе, чтобы женщина знала латынь.

Магдалія.—Что мнѣ общепринятое мнѣніе? Какой оно авторитетъ въ вопросахъ должнаго? И какое значеніе можетъ имѣть ссылка на „обычность“, эту печать всякой пошлости? Надо добиваться того, чтобы ввести въ привычку то, что есть наилучшаго; и тогда станетъ обычнымъ то, что было необычно; станетъ пріятнымъ то, что было непріятно; приличнымъ то, что считалось неприличнымъ.

Антроній.—Слушаю.

Магдалія.—Какъ, по-твоему, прилично или нѣтъ, чтобы женщина, родившаяся въ Германіи, училась по-французски?

Антроній.—Въ высшей степени прилично!

Магдалія.—Почему?

Антроній.—Хорошо быть въ состояніи говорить съ знающими по-французски.

Магдалія.—А для меня ты считаешь неприличнымъ, чтобы я училась по-латыни, для того чтобы ежедневно бесѣдовать со столькими писателями, краснорѣчивыми, учеными, мудрыми, надежными совѣтниками?

Антроній.—Книги отнимаютъ у женщинъ много мозга, котораго у нихъ и безъ того мало.

Магдалія.—Много ли его у васъ, не знаю. Но, во всякомъ случаѣ, сколько бы мало его у меня ни было, я предпочитаю тратить его на занятія литературой, чѣмъ на бездушное чтеніе молитвословій, на ночныя попойки и осушеніе вмѣстительныхъ кубковъ.

Антроній.—Если много читать, то можно съ ума сойти.

Магдалія.—А отъ болтовни собутыльниковъ, шутовъ и скомороховъ—нельзя сойти съ ума?..

Антроній.—Напротивъ, все это разгоняетъ скуку!

Магдалія.—Если такъ, то почему же столь безобидные собутыльники могутъ причинить сумасшествіе?

Антроній.—Такъ говорятъ.

Магдалія.—А само дѣло говоритъ совершенно другое. Насколько чаще приходится, наоборотъ, видѣть людей, впавшихъ въ безуміе вслѣдствіе чрезмѣрнаго пьянства, безпрерывныхъ пиршествъ и ночныхъ оргій?

Антроній.—Право, не желалъ бы я себѣ ученой жены!

Магдалія.—А я поздравляю себя съ тѣмъ, что имѣю мужа, совершенно на тебя не похожаго. Наука дѣлаетъ его милѣе для меня и меня для него.

Антроній.—Огромными трудами пріобрѣтается ученость, а въ концѣ концовъ—надо умереть.

Магдалія.—Скажи же мнѣ, господинъ хорошій, вотъ что: если бы завтра предстояло умереть, то какъ предпочелъ бы ты умереть—болѣе глупымъ или болѣе умнымъ?

Антроній.—Если бы мудрость давалась безъ труда!

Магдалія.—Но вѣдь ничто не дается человѣку безъ труда въ этой жизни. И что бы и съ какими бы трудами ни было пріобрѣтено, приходится здѣсь оставить. Стоитъ ли, въ такомъ случаѣ, досадовать на потраченный въ самомъ драгоцѣнномъ дѣлѣ трудъ, плоды котораго сопровождаютъ насъ въ иную жизнь?

Антроній.—Не разъ приходилось мнѣ слышать, что мудрая женщина вдвойнѣ глупа.

Магдалія.—Дѣйствительно, это говорятъ, но говорятъ глупцы. Дѣло въ томъ, что женщина, дѣйствительно мудрая, не кажется себѣ такою; напротивъ, такая, которой не хватаетъ мудрости, кажется себѣ мудрою. Вотъ эта послѣдняя, дѣйствительно, вдвойнѣ глупа.

Антроній.—Но дѣло въ томъ, что какъ нейдетъ сѣдло коровѣ, такъ и наука—женщинѣ.

Магдалія.—Ты не можешь, однако, не согласиться, что болѣе идетъ сѣдло коровѣ, чѣмъ аббатская шапочка ослу или свиньѣ!.. Да, было время, когда рѣдкой птицей былъ аббатъ-неучъ; нынѣ же это—обычное явленіе! Что же касается ученыхъ женщинъ, то не такъ ужъ онѣ рѣдки, какъ ты думаешь. Есть и въ Испаніи, и въ Италіи не мало женщинъ изъ высшаго общества, которыя могутъ поспорить съ любымъ мужчиной. Будьте осторожны, иначе дѣло можетъ кончиться тѣмъ, что мы будемъ профессорствовать въ богословскихъ факультетахъ, проповѣдовать въ церквахъ и овладѣемъ вашими митрами.

Антроній.—Боже упаси отъ этого!

Магдалія.—Отъ васъ самихъ зависитъ предотвратить это. Если же вы будете продолжать такъ, какъ начали, то скорѣе гуси будутъ говорить проповѣди, чѣмъ ваши пасомые будутъ долѣе терпѣть васъ, нѣмыхъ пастырей. Смотрите! Міровая сцена открывается: надо либо снять свои костюмы, либо играть каждому свою роль.

Антроній.—И угораздило же меня пойти къ этой женщинѣ! Если ты вздумаешь меня навѣстить, я тебя приму болѣе любезно.

Магдалія.—А именно?

Антроній.—Будемъ танцовать, выпивать, охотиться, играть, смѣяться.

Магдалія.—Ну, смѣяться-то я и сейчасъ готова!..

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

16.

О дѣтской благовоспитанности.

Трудъ развитія дѣтей преслѣдуетъ нѣсколько задачъ: первая и вмѣстѣ съ тѣмъ главная задача, чтобы нѣжная душа ребенка впитала въ себя сѣмена благочестія,—ближайшая, чтобы ребенокъ полюбилъ и основательно изучилъ благородныя науки,—третья, чтобы онъ надлежащимъ образомъ подготовился къ житейскимъ обязанностямъ, -четвертая, чтобы тотчасъ же, на основаніи первыхъ экспериментовъ, допускаемыхъ возрастомъ, пріучился къ благовоспитанности. Именно эту послѣднюю задачу я главнымъ образомъ и беру на себя.

Каждый человѣкъ обладаетъ душой, тѣломъ, жестами и одѣяніемъ, но дѣтямъ, и особенно благороднымъ, приличествуетъ прежде всего всяческая скромность. Благородными же должны быть признаны всѣ тѣ, которые облагородили свой духъ достойными человѣка знаніями.

Пусть другіе изображаютъ на своихъ гербахъ львовъ, орловъ, быковъ или леопардовъ,—болѣе имѣютъ истиннаго благородства тѣ, которые, въ качествѣ своихъ гербовъ, мо-

гутъ начертить столько изображеній, сколько они изучили благородныхъ искусствъ. Итакъ, чтобы душа ребенка, прекрасно воспитанная, излучала изъ себя свѣтъ—главнымъ образомъ она проявляется въ выраженіи лица,—глаза должны быть спокойными, стыдливыми, степенными,—не угрюмыми, ибо это признакъ суровости,—не дерзкими, ибо это говоритъ о безстыдствѣ,—не бѣгающими и перемѣнчивыми, ибо это признакъ безумія,—не косыми, ибо это свойственно людямъ подозрительнымъ и фальшивымъ,—не чрезмѣрно расширенными, ибо это свойственно глупымъ,—не изумленными, ибо это свойственно неуравновѣшеннымъ, не чрезмѣрно живыми, ибо это говоритъ о раздражительности, но должны обнаруживать душу спокойную и благорасположенную. Вѣдь не безъ основанія говорится у древнихъ мудрецовъ, что глаза—зеркало души... Брови должны быть раздвинуты, а не быть сведенными, что служитъ признакомъ суровости,—не быть приподнятыми вверхъ, что говоритъ о надменности,—не должны надавливать на глаза, что свидѣтельствуетъ объ умственной тупости. Равнымъ образомъ, лобъ долженъ свидѣтельствовать о природной веселости и объ умѣ, знающемъ себѣ цѣну, и говорить о благородномъ характерѣ,—не долженъ быть собранъ въ складки, что служитъ признакомъ угрюмости,—не быть мрачнымъ, что свойственно быкамъ.

Въ ноздряхъ не должно быть замѣтно выдѣленій изъ носа. Этотъ недостатокъ ставился въ вину философу Сократу. Сморкаться въ шапку или въ полу свойственно мужикамъ; не менѣе некрасиво продѣлывать это рукой: всякій разъ потомъ ты обтираешь сопли объ одежду... Если высморкаешься при помощи двухъ пальцевъ на землю, то тотчасъ же нужно растереть ногой. Некрасиво сопѣть носомъ,—это признакъ гнѣва. Смѣшно говорить въ носъ, это свойственно воронамъ и слонамъ. Фыркать носомъ—удѣлъ лишь шутовъ и скомороховъ. Если въ присутствіи другихъ придется чихнуть, то вѣжливость требуетъ отвернуться въ сторону. Коль скоро приступъ ослабѣлъ, надо перекрестить ротъ, затѣмъ, снявши шапку передъ тѣми, кто пожелалъ добраго здоровья, извиниться или поблагодарить.

Ротъ не слѣдуетъ ни сильно сжимать, ни держать открытымъ, что дѣлаютъ лишь дураки, но его нужно лишь держать слегка зажатымъ точно такъ, какъ при взаимномъ поцѣлуѣ. Не менѣе некрасиво также вытягивать губы впередъ. Если случится одолѣетъ зѣвота, ротъ слѣдуетъ прикрыть и тотчасъ же перекрестить.

Несдержанный смѣхъ, потрясающій все тѣло, не приличествуетъ ни одному возрасту, а не только дѣтскому. Неприлично также издавать при смѣхѣ звуки, похожіе на ржаніе. Неприличенъ смѣхъ, при которомъ широко разкрывается ротъ, сморщиваются щеки и обнажаются зубы: онъ свойственъ собакамъ и называется сардинскимъ. Слѣдуетъ заботиться о чистотѣ зубовъ. Чистить ихъ солью или квасцами—весьма вредно для десенъ. Если что-нибудь застряло въ зубахъ, то надо удалить это не ножичкомъ и не ногтями, какъ это дѣлаютъ собаки или кошки, и не ручникомъ, но либо зубочисткой изъ фисташковаго дерева, либо перомъ, либо, наконецъ, берцовою косточкою пѣтуха или курицы. Прополаскивать ротъ утромъ чистой водой и умно, и здорово. Свойственно однимъ лишь мужикамъ ходить съ нечесанной головой. Волосы не должны закрывать лобъ и развѣваться по плечамъ. Шею не слѣдуетъ поворачивать ни влѣво, ни вправо, если того не требуетъ разговоръ или что-нибудь подобное.

Плечи слѣдуетъ держать ровно, не поднимать одно и не опускать другое. Вѣдь, если оставить безъ вниманія это тѣлосложеніе у дѣтей, оно обращается въ привычку и обезображиваетъ, вопреки природѣ, осанку.

Выше было говорено о тѣлѣ; теперь нѣсколько словъ—объ одеждѣ, тѣмъ болѣе, что одежда есть въ нѣкоторомъ родѣ лицо тѣла, и по ней также позволительно заключать о свойствахъ души; правда, эта мѣрка не можетъ почитаться точной по той причинѣ, что положеніе и достоинство не у всѣхъ людей одинаковы, не у всѣхъ націй одни и тѣ же представленія о томъ, что красиво и что некрасиво, и, наконецъ, не всегда одно и то же нравится или не нравится.

Однако въ этомъ разнообразіи есть то, что само по себѣ должно быть признано пристойнымъ, или наоборотъ.

Дѣлать разрѣзы въ одеждѣ, пользоваться расписными или пестрыми тканями свойственно лишь шутамъ и обезьянамъ. Итакъ, смотря по достатку, достоинству, а также смотря по мѣстнымъ обычаямъ, въ одеждѣ должна соблюдаться опрятность, она не должна бросаться въ глаза неряшливостью, не должна обнаруживать ни роскоши, ни распущенности, ни тщеславія. Юношамъ подобаетъ быть въ одеждѣ болѣе невзыскательными, но по сю сторону неряшливости. Чѣмъ болѣе достатка, тѣмъ красивѣе скромность. Богатый, выказывая блескъ въ одеждѣ, колетъ другимъ глаза ихъ бѣдностью, а къ себѣ вызываетъ зависть.

Переводъ Н. П. Руткевича.

Письма темныхъ людей.

1515—1517.

Письма темныхъ людей (Epistolae obscurorum virorum) представляютъ собою коллективное произведеніе кружка германскихъ гуманистовъ, группировавшагося вокругъ Эрфуртскаго гуманиста, профессора мѣстнаго университета, Крота Рубіана, которому, по всей вѣроятности, принадлежала и самая идея сатиры. Сатира эта, заключавшая въ себѣ значительный элементъ пасквиля, (личныхъ, нападокъ), была вызвана той горячей полемикой, которая возникла между представителями новой образованности, гуманистами, и представителями старой, схоластической образованности, доминиканскими учеными, преимущественно изъ числа кельскихъ богослововъ, по вопросу о еврейскихъ книгахъ. Главною мишенью нападокъ со стороны кельнцевъ былъ Рейхлинъ, котораго нѣмецкіе гуманисты считали своимъ главой и учителемъ и даже называли себя „рейхлинистами". Многіе извѣстные люди письменно выражали Рейхлину свое сочувствіе и уваженіе. Въ видѣ отвѣта на нападки своихъ противниковъ, Рейхлинъ напечаталъ сборникъ полученныхъ имъ писемъ, который озаглавилъ *Письма знаменитыхъ людей—Epistolae clarorum virorum*. Этотъ сборникъ и самое его заглавіе и дали мысль сторонникамъ Рейхлина, гуманистамъ составить и издать сборникъ вымышленныхъ писемъ частью отъ вымышленныхъ же

лицъ изъ представителелей противнаго лагеря, поддѣлываясь подъ ихъ стиль и умственный складъ, и представляя и то и другое въ каррикатурномъ видѣ. *Письма темныхъ людей* появились въ концѣ 1515 г, а въ 1517 г. вышло ихъ продолженіе. Они имѣются въ русскомъ переводѣ П. А. Куна подъ подъ ред. Д. Н. Егорова (Москва, 1907).

17.

Ѳома Лангшнейдеръ [1], *произведенный въ степень баккалавра богословія, хотя и недостойный, шлетъ привѣтъ высокопревосходительному и ученѣйшему мужу, господину Ортуину Грацію Девентерскому, поэту, оратору, философу, богослову и болѣе того, если ему угодно.*

Поелику, какъ говоритъ Аристотель, не безполезно сомнѣваться относительно тѣхъ или другихъ предметовъ, и въ Экклезіастѣ читается: „И предамъ я сердце мое тому, чтобы изслѣдовать и испытывать все, что есть подъ солнцемъ",—на этомъ основаніи я рѣшилъ предложить вамъ вопросъ, относительно котораго у меня есть сомнѣніе. Но сперва призываю въ свидѣтели Бога святого, что не хочу искушать васъ, а только отъ всего сердца хочу, чтобы вы наставили меня относительно этого сомнѣнія. Ибо написано въ Евангеліи: „Не искушай Господа Бога твоего," такъ какъ, по словамъ Соломона, „всякая премудрость отъ Господа"; вы же дали мнѣ все то знаніе, которое я имѣю, а всякое доброе знаніе есть начало премудрости. Слѣдовательно вы для меня какъ бы Богъ, ибо дали мнѣ начало премудрости, выражаясь поэтически. Вопросъ же, о которомъ рѣчь, возникъ по слѣдующему случаю. Была здѣсь недавно Аристотельская трапеза [2]. Доктора, лиценціаты и магистры были очень навеселѣ. Былъ тамъ и я. Для начала выпили по

---

[1]) Ѳома Лангшнейдеръ, лицо дѣйствительное, студентъ, а затѣмъ профессоръ и ректоръ лейпцигскаго университета, пишетъ письмо къ своему бывшему учителю Ортуину Грацію.

[2]) *Prandium Aristotelis* такъ называлось угощеніе, которое, по строго соблюдавшемуся въ средневѣковыхъ университетахъ обычаю, вновь возведенные въ степень магистры устраивали въ честь „старыхъ" магистровъ.

три хорошихъ глотка мальвазіи[1]). На первое блюдо были поданы нарѣзанные кусочками свѣжія булки въ винѣ; затѣмъ подали послѣдовательно шесть блюдъ изъ мяса, куръ и каплуновъ и одно рыбное. Переходя отъ одного блюда къ другому, мы пили безпрерывно вино Коцборгенское и Рейнское, и пиво Эмбекское, Торгауское и Наумбургское. Магистры были очень довольны и говорили, что магистры-новички хорошо справились съ своимъ дѣломъ и съ большой честью. И вотъ развеселившіеся магистры начали разговоры по всѣмъ правиламъ искусства о разныхъ важныхъ вопросахъ. Одинъ поставилъ вопросъ: какъ слѣдуетъ называть лицо по рожденію своему[2]) способное стать докторомъ богословія,—называть ли его *magister nostrandus*, или же *noster magistrandus*[3]), каковъ, напримѣръ, нынѣ въ Кёльнѣ медоточивый отецъ и братъ Теодорихъ изъ Гента, изъ ордена Кармелитовъ, достопочтеннѣйшій легатъ Кёльнскаго университета[4]), проницательнѣйшій артистъ[5]), философъ, аргументаторъ и выдающійся богословъ,—такъ вотъ, какъ называть такое лицо: *magister nostrandus* или же *noster magistrandus*. Немедленно отвѣтилъ магистръ Вармземмель, мой землякъ, онъ—очень тонкій скотистъ[6]) и уже восемнадцать лѣтъ какъ магистръ. Въ свое время онъ дважды не былъ до-

---

[1]) *Мальвазія*—греческое вино, сладкое и крѣпкое.

[2]) Въ этихъ словахъ—намекъ на господствовавшій въ университетахъ непотизмъ. Надо было „по рожденію" (то-есть по родству съ профессорами) быть „способнымъ" получить ученую степень.

[3]) Оба выраженія совершенно нелѣпы и для человѣка, знающаго классическій латинскій языкъ, звучатъ въ высшей степени уродливо и комично. Это—одинъ изъ образчиковъ той „кухонной латыни", которая служила обиходнымъ языкомъ въ академическомъ быту средневѣковья.

[4]) Кёльнскій университетъ славился своимъ богословскимъ факультетомъ, который былъ одной изъ твердынь средневѣковой схоластической учености.

[5]) „Артистъ", то-есть лицо, прошедшее факультетъ „свободныхъ искусствъ".

[6]) *Скотистъ*—ученый, принадлежащій къ школѣ Дунса Скота, одного изъ виднѣйшихъ представителей схоластической философіи въ средніе вѣка. Жилъ въ первой половинѣ 14 в.

пущенъ къ магистерскому экзамену и трижды провалился, но всетаки настойчиво продолжалъ дѣло, пока не добился ученой степени, къ чести университета. Онъ хорошо знаетъ свое дѣло и имѣетъ много учениковъ—малыхъ и большихъ, старцевъ вмѣстѣ съ юношами [1]). И вотъ онъ съ большой солидностью сталъ говорить и доказывать, что слѣдуетъ говорить *nostermagistrandus* [2]), что составляетъ одно слово, поелику *magistrare* [2]) значитъ „дѣлать магистромъ", *baccalauriare* [2]) значитъ „дѣлать баккалавромъ", а *doctorare* [2])—„дѣлать докторомъ". Отсюда эти термины: *magistrandus, baccalauriandus* и *doctorandus* [2]).

Но поелику доктора святого богословія не зовутся докторами, но ради смиренія и святости, а также для отличія [3]) называются или именуются *magistri nostri* („наши магистры"), такъ какъ въ католичествѣ они заступаютъ мѣсто Господа нашего Іисуса Христа, который есть источникъ жизни. Но Христосъ былъ учителемъ (*magister*) всѣхъ насъ: вотъ почему они называются *magistri nostri* („наши учителя"), ибо они имѣютъ наставлять насъ на путь истины, а Богъ есть истина, вслѣдствіе этого они по заслугамъ именуются „нашими учителями", такъ какъ всѣ, то-есть мы, христіане, должны и обязаны слушать ихъ проповѣди, и никто не долженъ говорить противъ нихъ, поелику они учителя всѣхъ насъ. Но глаголъ *nosrto,—tras,—trare* неупотребителенъ и не значится ни въ словарѣ *Exquo*, ни въ *Catholicon*, ни въ *Breviloquus*, ни въ *Gemma gemmarum*, хотя эти руководства содержатъ въ себѣ много терминовъ. Итакъ мы должны говорить *noster magistrandus*, а не *magister nostrandus*. Тогда выступилъ магистръ Андрей Деличъ, очень тонкій ученый и отчасти поэтъ, отчасти ар-

---

[1]) Въ средневѣковыхъ университетахъ не существовало никакихъ ограниченій въ отношеніи возраста слушателей; поэтому на ряду съ молодыми людьми среди студентовъ не были рѣдкостью не только люди зрѣлаго возраста, но и сѣдовласые старцы.

[2]) Совершенно недопустимыя, нелѣпыя и комическія выраженія. См. примѣчаніе 4 на предыдущей стр.

[3]) Для отличія отъ „докторовъ права".

тистъ, медикъ и юристъ; онъ читаетъ обычно метаморфозы Овидія и излагаетъ всѣ басни аллегорически и буквально, и я былъ его слушателемъ, поелику онъ излагаетъ чрезвычайно основательно, а также читаетъ у себя на дому Квинтиліана и Ювенка. Такъ вотъ этотъ Деличъ выступилъ съ возраженіемъ противъ магистра Вармземмеля и сказалъ, что мы должны говорить *magisternostrandus*. Ибо, какъ есть разница между *magister noster* и *noster magister*, такъ же точно есть разница и между *magister nostrandus* и *noster magistrandus*, поелику *magisternoster* говорится о докторѣ богословія, и это—одно слово, но *noster magister* это—два слова, и употребляется этотъ терминъ для обозначенія отдѣльнаго магистра какой-нибудь свободной науки или же рукодѣльнаго искусства, либо головного. Этому не мѣшаетъ то обстоятельство, что *nostro,—tras,—trare* неупотребительно, такъ какъ мы можемъ выдумывать новыя слова; при этомъ Деличъ сослался на Горація.

Магистры очень дивились его остроумію, и одинъ изъ нихъ поднесъ ему кружку наумбургскаго пива. Тотъ сказалъ: „Извините, я хочу подождать“. При этомъ сдѣлалъ подъ козырекъ и поднесъ кружку магистру Вармземмелю и сказалъ: „Вотъ, господинъ магистръ, не думайте, что я вашъ врагъ“, и выпилъ залпомъ. И магистръ Вармземмель мужественно отвѣтилъ ему въ честь Силезцевъ. И всѣ магистры были веселы, и потомъ раздался звонъ къ вечернѣ. Такъ вотъ я и прошу ваше превосходительство, изложите пожалуйста ваше мнѣніе, ибо вы обладаете глубокимъ умомъ Я тогда же сказалъ: „Магистръ Ортуинъ непремѣнно напишетъ мнѣ правду, потому что онъ былъ моимъ наставникомъ въ Девентерѣ [1]), когда я былъ тамъ на третьемъ курсѣ“. Также извѣстите меня, въ какомъ положеніи ваша полемика съ докторомъ Іоанномъ Рейхлиномъ [2]).

Насколько я понялъ, этотъ хулиганъ (хотя онъ док-

---

[1]) Девентеръ, нынѣ въ Голландіи.

[2]) Полемика, возникшая изъ-за спора объ еврейскихъ книгахъ и послужившая поводомъ къ появленію *Писемъ темныхъ людей.*

торъ и юристъ) до сихъ поръ не хочетъ взять обратно своихъ словъ. Пошлите мнѣ также книгу магистра нашего Арнольда Тонгрскаго, составленную имъ изъ отдѣльныхъ главъ, такъ какъ онъ очень остроуменъ и трактуетъ о многихъ глубокихъ философскихъ матеріяхъ. Будьте здоровы и не принимайте въ дурную сторону, что я пишу вамъ по-товарищески, ибо вы мнѣ сказали когда-то, что любите меня по-братски и готовы мнѣ во всемъ содѣйствовать, даже если бы пришлось дать мнѣ въ займы большія деньги. Писано въ Лейпцигѣ.

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

18.

Іоаннъ Штаблеръ изъ Мильтенберга шлетъ привѣтъ магистру Ортуину Грацію [1].

Такъ какъ вы всегда очень желали, чтобы я сообщалъ вамъ новости, то теперь какъ разъ я и долженъ и могу написать вамъ новости, хотя и сожалѣю, что это новости не хорошія. Да будетъ вамъ извѣстно, что здѣсь у братьевъ ордена проповѣдниковъ [2]) есть индульгенціи, которыя они выхлопотали у римской куріи съ большими издержками. Они собрали, благодаря имъ, уже довольно много денегъ. Но тутъ ночью пришелъ въ церковь какой-то воръ, забралъ болѣе трехсотъ гульденовъ и укралъ ихъ. И вотъ братья, люди набожные и весьма твердые и ревностные въ вѣрѣ христіанской, очень опечалились и стали разыскивать этого вора. Горожане послали его искать во всѣ стороны, но найти не могли, такъ какъ онъ убѣжалъ, имѣя при себѣ деньги. Это—великое святотатство, вѣдь все это случилось именно съ папскими индульгенціями и въ священномъ мѣстѣ; воръ же конечно отлученъ, гдѣ бы онъ теперь ни былъ. Люди же, которые получили отпущеніе грѣховъ и положили свои деньги въ тотъ ящикъ, думаютъ теперь, что они не получили отпущенія. Но это вздоръ: ихъ отпущенія имѣютъ

[1]) Первая половина письма.

[2]) То-есть доминиканцевъ, которые завѣдовали также инквизиціей.

такую же силу, какъ если бы ихъ деньги и до сихъ поръ были у братьевъ проповѣдниковъ. Еще долженъ сказать, что сторонники партіи доктора Рейхлина шляются здѣсь и производятъ много шума, да еще говорятъ, что братья проповѣдники для того выхлопотали себѣ у римской куріи эти индульгенціи, чтобы съ помощью денегъ, вырученныхъ за нихъ, притѣснять этого доктора и докучать ему всѣмъ, что касается вѣры, и что люди, къ какому бы сословію они ни принадлежали, къ высшему или низшему, какъ духовные, такъ и міряне, не должны ничего давать проповѣдникамъ. Писано въ Мильтенбургѣ.

Переводъ Н. Куна подъ ред. Д. Егорова.

19.

Генрихъ Шафсмуліусъ шлетъ усердный привѣтъ магистру Ортуину Грацію.

Такъ какъ вы сказали мнѣ чтобы я, прежде чѣмъ отправлюсь къ римской куріи, писалъ вамъ и обращался къ вамъ съ различными богословскими вопросами, и что вы готовы разрѣшить ихъ мнѣ лучше, чѣмъ римскіе куртизаны, [1]) то вотъ я и обращаюсь теперь къ вамъ съ слѣдующимъ вопросомъ. Что, если кто въ пятницу или другой постный день съѣлъ яйцо, въ которомъ былъ зародышъ цыпленка? Дѣло въ томъ, что недавно мы сидѣли въ одномъ трактирѣ на Цвѣточной площади [2]), заказали себѣ завтракъ и ѣли яйца. Разбивши одно яйцо, я увидѣлъ въ немъ цыпленка. Показалъ своему товарищу. Тотъ сказалъ: „Съѣшьте скорѣе, пока не увидѣлъ трактирщикъ: вѣдь, если онъ увидитъ, то придется ему заплатить карлинъ или юлій за курицу [3]). Здѣсь такой обычай, что, когда трактирщикъ подалъ что-либо на столъ, то надо платить, такъ какъ поданныя кушанья обратно не принимаются. И когда онъ видитъ въ яйцѣ цыпленка, то говоритъ: „Заплатите мнѣ также за курицу", ставя въ счетъ цыпленка, какъ курицу. Тогда я тот-

[1]) Curtisani—отъ curia (папскій дворъ): папскіе придворные.

[2]) Campo de Fiori въ Римѣ.

[3]) Монеты. *Карлинъ*—двѣнадцатая часть дуката, *юлій*—десятая.

часъ же выпилъ яйцо, а съ его содержимымъ проглотилъ и цыпленка. Послѣ этого я спохватился, что была пятница, и сказалъ моему товарищу: „Изъ-за васъ я совершилъ смертный грѣхъ, поѣвши мясного въ шестой день недѣли". Тотъ сказалъ, что никакого грѣха нѣтъ не только смертнаго, но и обыкновеннаго, ибо пока цыпленокъ не вылупился изъ яйца, его можно считать за яйцо. И сказалъ мнѣ, что это все равно, какъ бываютъ же иногда черви въ сырѣ или въ вишняхъ, зеленыхъ бобахъ и горохѣ, и однако ихъ ѣдятъ и въ шестой день недѣли и даже въ канунъ памяти Апостоловъ. Трактирщики же, въ грабительскихъ цѣляхъ, говорятъ, что это—мясо, чтобы взять побольше денегъ. Послѣ этого я ушелъ и раздумывалъ объ этомъ. И Бога ради, магистръ Ортуинъ, я очень смущенъ и не знаю, какъ мнѣ теперь быть. Я бы готовъ обратиться за совѣтомъ къ кому-нибудь изъ папскихъ придворныхъ, но знаю, что они сами недостаточно свѣдущи. Мнѣ лично думается, что цыплята въ яйцахъ—мясо, такъ какъ въ нихъ уже вполнѣ сформированы члены и тѣло живого существа, и въ немъ есть уже животная душа. Что касается червей въ сырѣ и прочемъ, то это дѣло иное, поелику черви считаются рыбами, какъ я слышалъ отъ одного медика, который—очень хорошій физикъ. Сердечно прошу васъ, соизвольте отвѣтить на изложенный вопросъ. Если, по вашему мнѣнію, это—смертный грѣхъ, то я куплю здѣсь индульгенцію, прежде чѣмъ отправиться въ Германію. Знайте также, что докторъ богословія Яковъ Гохстратенъ[1]) получилъ изъ банка тысячу флориновъ, и я думаю, что онъ выиграетъ дѣло, и дьяволъ посрамитъ этого Іоанна Рейхлина и другихъ поэтовъ и юристовъ, поелику они хотятъ быть противъ Церкви Божіей, то-есть противъ богослововъ, на которыхъ основана Церковь, какъ сказалъ Христосъ: „Ты—Петръ, и на этомъ камнѣ Я утвержу Церковь Мою". Итакъ, поручаю васъ Господу Богу. Будьте здоровы. Написано въ городѣ Римѣ.

Переводъ проф. П. Ардашева.

---

[1]) Глава кельнскихъ доминиканцевъ, противниковъ Рейхлина.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ.

1488—1523.

Ульрихъ фонъ Гуттенъ, сынъ небогатаго франконскаго рыцаря, родился въ 1488 г. (умеръ въ 1523) и юные годы, подобно Эразму и Рабле, провелъ въ монастырѣ, откуда, какъ и тѣ, вынесъ самыя неблагопріятныя для тогдашняго монашества впечатлѣнія. По выходѣ изъ монастыря Гуттенъ поступилъ въ университетъ, сначала въ Кельнѣ, а затѣмъ въ Эрфуртѣ, гдѣ имѣлся кружокъ гуманистовъ, оказавшій сильное вліяніе на молодого Гуттена. По своему возрасту Гуттенъ принадлежитъ къ младшему и послѣднему поколѣнію германскихъ гуманистовъ и является наиболѣе яркимъ выразителемъ того боевого, полемическаго настроенія, которымъ отличалось это поколѣніе отъ старшаго, проникнутаго болѣе научными и академическими стремленіями. Нѣкоторыя свои сочиненія Гуттенъ писалъ уже по-нѣмецки, либо одновременно съ латинскимъ оригиналомъ издавалъ и его нѣмецкій переводъ. Своею аудиторіею онъ желалъ имѣть не одно лишь образованное общество, но и болѣе широкіе круги націи, для которыхъ латинскій языкъ былъ недоступенъ. Излюбленной литературной формой Гуттена является діалогъ, а излюбленною темой—злоупотребленія папства и эксплуатація Германіи со стороны папскаго Рима. Здѣсь приводятся отрывки изъ двухъ его діалоговъ: *Вадискъ или Римская тріада* (*Vadiscus sive Trias romana*) и *Разбойники* (*Latrones*). Первый изъ нихъ вышелъ въ 1520 г., а второй въ 1521 г.

20.

Вадискъ или римская тріада.

1520.

Три вещи могутъ исправить Римъ: строгость нѣмецкихъ князей, нетерпѣніе христіанъ и войско турокъ подъ стѣнами Города [1]). Три вещи не позволили поумнѣть Германіи: безпечность князей, незнаніе наукъ и суевѣріе народа. Тремя вещами подчиняетъ себѣ Римъ все: насиліемъ, хитростью и лицемѣріемъ. Три вещи изобрѣтены, чтобы вы-

[1]) Рима.

жимать золото изъ чужихъ странъ: торговля индульгенціями, несуществующая война съ турками и власть папскихъ легатовъ въ варварскихъ земляхъ. Тремя вещами постоянно заняты въ Римѣ, хотя никогда не доводятъ ихъ до конца: спасеніемъ душъ, реставраціей развалившихся храмовъ и турецкимъ походомъ. О трехъ вещахъ нельзя говорить правду: о папѣ, объ индульгенціяхъ и о безбожіи. Три вещи, по словамъ самихъ римлянъ, защищаютъ Римъ: неглубокіе рвы, разрушенныя стѣны и низкія башни. Три рода князей управляютъ Римомъ: сводники, куртизаны и ростовщики. Три вещи неохотно дѣлаютъ въ Римѣ: держатъ свое слово, помогаютъ другому и уступаютъ дорогу. Три вещи въ избыткѣ въ Римѣ: проститутки, священники и писцы. Трехъ вещей желаетъ всякій въ Римѣ: короткихъ обѣденъ, стараго золота и жизни полной наслажденій. Три вещи составляютъ отличительную черту Рима: папа, старыя зданія и корыстолюбіе. Три вещи отличаютъ Римъ отъ другихъ городовъ: люди изъ всѣхъ городовъ, всевозможныя деньги и разговоры на всѣхъ языкахъ. Три вещи ненавидятъ въ Римѣ: право патроната, свободные выборы на священническія и епископскія мѣста и трезвость нѣмцевъ, въ особенности послѣднее. Три вещи видны повсюду въ Римѣ (и всѣ встрѣчаютъ ихъ): ѣдущіе верхомъ, письмоносцы и благословляющіе людей. Три вещи одѣты великолѣпно въ Римѣ: священники, мулы и проститутки. Три вещи запрещено вывозить изъ Рима: мощи святыхъ (подлинность коихъ сомнительна), большіе камни (которые трудно увезти) и благочестіе (котораго тамъ нѣтъ совершенно). Въ три вещи вѣрятъ крайне немногіе въ Римѣ: въ безсмертіе души, въ общеніе святыхъ и въ адскія муки. Три вещи совершенно не цѣнятся въ Римѣ: благочестіе, вѣра и невинность, хотя ихъ и выставляютъ на показъ, какъ нигдѣ.

За-то три вещи, хотя и находятся постоянно въ Римѣ, но видны крайне рѣдко: старое золото (его прячутъ къ себѣ тамъ куртизаны, священники и ростовщики), рѣдко показывается народу папа (чтобы его видъ внушалъ большое

почтеніе людямъ) и красивыя жены (ихъ мужья изъ ревности держатъ подъ запоромъ).

Три вещи считаются самыми дорогими въ Римѣ: заслуга, справедливость и дружба, такъ какъ встрѣчаются очень рѣдко.

21.

Разбойники.

1521.

Собесѣдники: Гуттенъ, Купецъ и Францъ фонъ Зиккингенъ. Гуттенъ встрѣчается съ купцомъ, который упрекаетъ рыцарей въ разбоѣ. Между Гуттеномъ и купцомъ происходитъ перебранка. Во время ея появляется Зиккингенъ, которому Гуттенъ сообщаетъ о причинѣ ссоры. Зиккингенъ предлагаетъ изложить свое мнѣніе о разбойникахъ, которыхъ онъ насчитываетъ четыре рода: 1) самые незначительные и сносные разбойники—грабители на дорогахъ, 2) купцы, 3) писцы и юристы, и наконецъ, 4) самый худшій родъ—духовенство. Послѣдній родъ грабителей распадается на три вида: свѣтское духовенство, монашество и члены римскаго двора. Зиккингенъ проситъ Гуттена разсказать о главномъ городѣ лжеепископовъ (Римѣ). Гуттенъ отвѣчаетъ, что онъ объ этомъ уже писалъ. Зиккингенъ замѣчаетъ, что теперь дружеская бесѣда предпочтительнѣе чтенія.

Гуттенъ. Итакъ, знайте, во-первыхъ, что все въ Римѣ крайне испорчено и извращено и, какъ говорится, нѣтъ ничего здороваго. Это является тѣмъ болѣе погибельнымъ, что выдумали сдѣлать изъ этого города главу церкви. И тамъ воздвигли безстыжій идолъ въ лицѣ папы, ему предоставили все, даже право дѣлать постановленія, противорѣчащія ученію Христа (до нашего времени папы издали много подобныхъ постановленій) и удаляться, насколько захочетъ, отъ Евангелія. Онъ же можетъ сдѣлать, кого захочетъ, вѣчно блаженнымъ, какую бы дурную жизнь ни велъ тотъ, и осудить души людей, ведущихъ самую невинную жизнь. Однимъ словомъ, онъ можетъ все позволять себѣ, на что только ни отважится. Никому не позволено ему противорѣчить ни во всеуслышаніе, ни про себя,

и каковъ бы онъ ни былъ и какъ бы онъ ни жилъ, нельзя лишить его власти, хотя бы церкви это и казалось нужнымъ. Базельскій соборъ даетъ ему это право, подчиняетъ ему церковь и ставитъ его власть выше авторитета собора. [1]).

Купецъ. Тутъ я хотѣлъ бы получить отъ тебя разъясненіе. Развѣ Христосъ не далъ имъ такой власти?

Гуттенъ. Далъ, если они обладаютъ совершенной любовью, но и въ этомъ случаѣ Онъ не далъ имъ больше чѣмъ мнѣ, тебѣ и вообще всякому истинному христіанину.

Купецъ. Итакъ, власть вязать и разрѣшать у всѣхъ христіанъ на всемъ свѣтѣ?

Гуттенъ. У всѣхъ безъ исключенія, если только мы дѣйствительно истинные христіане и знаемъ, что слѣдуетъ вязать и разрѣшать.

Купецъ. Что же слѣдуетъ вязать и что разрѣшать?

Гуттенъ. Вязать, полагаю я, слѣдуетъ грѣхи, а не таинства Священнаго Писанія, ибо, какъ учитъ ап. Павелъ [2]), для слова Божія нѣтъ узъ, и законъ, по ученію Христа [3]), не нарушится, доколѣ не прейдетъ небо и земля, и пока не исполнится все.

Купецъ. Итакъ, ты не хочешь, чтобы былъ на землѣ кто-нибудь, обладающій верховной властью?

Гуттенъ. Ей должны обладать императоръ и свѣтскіе князья, которымъ слѣдуетъ повиноваться по примѣру Христа и ученію апостоловъ. Что касается епископовъ и духовныхъ лицъ, то Христосъ не хотѣлъ, чтобы кто-нибудь изъ нихъ повелѣвалъ другимъ, но дабы большій былъ слугой [4]).

Купецъ. Однако Онъ далъ Петру больше чѣмъ другимъ.

Гуттенъ. Потому что Петръ больше любилъ Его, чѣмъ другіе апостолы; итакъ Христосъ побуждалъ ихъ къ соревнованію въ любви, а не къ стремленію къ почестямъ и

---

[1]) Ошибка Гуттена: Базельскій соборъ смѣстилъ Евгенія IV и подтвердилъ постановленіе Констанцскаго собора, по которому соборъ выше папы.

[2]) 2-е посл. къ Тим. II, 9.

[3]) Ев. отъ Матѳ. V, 18.

[4]) Ев. отъ Матѳ. XXIII, 11.

не къ желанію властвовать. Папы идутъ по другому пути и, изъ-за могущества и власти на сушѣ и на морѣ, нападаютъ въ продолженіе своей жизни огнемъ и мечемъ. Скажи же мнѣ, была ли у Петра власть надъ соапостолами?

Купецъ. Если мнѣ не измѣняетъ память, папы утверждаютъ, что была и поэтому считаютъ свою власть законной.

Гуттенъ. Это противорѣчитъ Писанію, ибо Петръ былъ посылаемъ другими, повиновался апостольскому собору [1]), уступилъ Павлу, когда тотъ укорялъ его [2]), и обращался съ братьями, какъ съ равными. Скажи мнѣ, про это ли говорится: имѣть власть надъ другими?

Купецъ. Конечно нѣтъ. Но развѣ церковь можетъ быть безъ главы?

Гуттенъ. Не можетъ, но глава ея самъ Христосъ [3]).

Купецъ. Этого они не отрицаютъ; но Онъ—высшая небесная глава церкви, а Его намѣстнику подобаетъ быть второй земной главой.

Гуттенъ. Совсѣмъ не подобаетъ! Къ чему эта двуглавая церковь? Развѣ Христосъ не пребываетъ съ нами на землѣ и не будетъ пребывать вѣчно, нѣкогда пообѣщавъ никогда не покидать насъ? [4]).

Купецъ. Помню.

Гуттенъ. Насколько далекъ отъ передачи своей обязанности другому, думаешь ты, тотъ, кто хочетъ самъ исполнять ее? Даже, если бы Христосъ и сдѣлалъ это, то все-таки онъ не предоставилъ бы грѣшному человѣку права диспенсаціи, что они нагло себѣ присваиваютъ: вѣдь Онъ назначилъ Петра пастыремъ только послѣ повторнаго исповѣданія въ любви [5]). Какъ можетъ быть, чтобы человѣкъ человѣку передавалъ безъ всякаго разсужденія то, что самъ Богъ дѣлалъ съ разборомъ?

---

[1]) Дѣянія апост. XV.

[2]) Посл. къ Галат. II.

[3]) Посл. къ Колос. I, 18. Посл. къ Ефес. V, 23.

[4]) Ев. отъ Матѳ. XXVIII, 20.

[5]) Ев. отъ Іоан. XXI, 15—17.

Купецъ. Теперь я понимаю, что это невозможно.

Гуттенъ. Тогда ты долженъ признать также невозможнымъ положеніе куріи, по которому папа не заблуждается, что бы онъ ни дѣлалъ, говорилъ, постановлялъ, хотя курія и признаетъ, что онъ смертный человѣкъ, которому врождено ошибаться. А какъ согласуется поведеніе нашихъ современниковъ съ апостольскимъ? На апостоловъ, однако, они должны походить. Но тѣ должны были добровольно отказаться отъ своего имущества, а эти съ крайнимъ корыстолюбіемъ стремятся завладѣть чужимъ! Какъ согласуется, что тѣ, кому велѣно объявить войну міру и пренебрегать всѣми чувственными удовольствіями, предаются чувственнымъ наслажденіямъ и вмѣстѣ съ міромъ ведутъ войну противъ духа, такъ что оказываются въ возможно большемъ удаленіи отъ Христа! Гдѣ есть другой родъ людей, который лучше умѣлъ бы веселиться и такъ доставлять себѣ наслажденія, хотя какъ разъ имъ подобаетъ трудиться и вести строгій образъ жизни?!

Купецъ. Нигдѣ нѣтъ! Но какое до всего этого дѣло куртизанамъ?

Гуттенъ. Какъ какое!? Они ведутъ дѣла римскаго папы и даютъ ему силы царствовать; вѣдь онъ не былъ бы столь могуществен, если бы куртизаны не исполняли столь искусно свои обязанности: благодаря ихъ любострастію, корыстолюбію и честолюбію, царствуетъ антихристъ-папа; они тѣлохранители негоднаго господина и обременяютъ насъ непомѣрной тираніей. Вѣдь они сами поставили папу и изъ золота, брошеннаго въ огонь, вылили себѣ новаго бога (подобно тому, какъ нѣкогда въ пустынѣ поступилъ безбожный народъ). Этому идолу они оказываютъ болѣе чѣмъ божескія почести, въ его честь справляютъ праздники и пишутъ стихи, повсюду восхваляютъ и желаютъ, чтобы мы христіане, всѣ безъ исключенія, поклонялись ему. Благодаря имъ, позорнѣйшимъ образомъ въ неумѣренной роскоши расточаютъ заграницей негоднѣйшіе люди то, что, добытое потомъ и кровью, здѣсь наши предки, руководимые благо-

честіемъ, передали церквамъ. Они препятствуютъ заслуженному повышенію всѣхъ хорошихъ и ученыхъ нѣмцевъ на церковныя должности. Такъ произошло, что тѣ, которые ведутъ самый скверный образъ жизни, занимаютъ главнѣйшія церковныя должности, а для хорошихъ людей не остается мѣста. Вѣдь какой честный человѣкъ захочетъ купить священническое или епископское мѣсто? А благодаря имъ, никто не можетъ получить таинство священства даромъ, что явно противорѣчитъ ученію Христа и апостольскому обычаю. А вотъ новый, неслыханный грабежъ, неизмѣримо болѣе насильственнаго поступка съ самаго сотворенія міра: благодаря ихъ измѣнѣ, римскіе папы подчинили себѣ вселенскаго императора, отняли у него сперва Римъ, затѣмъ бо́льшую часть Италіи, а впослѣдствіи осмѣлились заявить притязанія на западную имперію, какъ на свою собственность. Они предписываютъ нѣмецкимъ князьямъ законы и условія императорскаго избранія, запрещаютъ стать императоромъ тому, кого не хотятъ и кто не присягаетъ имъ, отнимаютъ у императора всю власть, все право царствовать, если онъ не пользуется ими въ указанныхъ папою предѣлахъ. Папы признаютъ императора достойнымъ привѣтствовать ихъ не иначе, какъ цѣлованіемъ ногъ, и зовутъ его своимъ слугой и приказчикомъ. Дѣятельность куртизановъ—истинный грабежъ, истинное хищеніе, истинный разбой!

Купецъ. Да! Что значатъ остальные грабежи сравнительно съ этимъ?!..

Переводъ В. С. Протопопова.

II.

ВЕЛИКІЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ И ОТКРЫТІЯ.

1. Изсбрѣтеніе книгопечатанія
по свидѣтельствамъ и отзывамъ современниковъ.

Книгопечатаніе было изобрѣтено Іоанномъ Гутенбергомъ, въ Страсбургѣ въ 1440 г., согласно приводимому ниже свидѣтельству. Но въ какомъ году и какая именно книга вышла изъ печати, до сихъ поръ съ точностью не установлено. Нѣкоторые считаютъ такою „первопечатною" книгой напечатанный Гуттенбергомъ въ Майнцѣ календарь на 1448 г.; но возможно, что нѣсколько ранѣе календаря была отпечатана латинская грамматика, цѣликомъ не сохранившаяся до нашего времени (нѣсколько листовъ ея хранятся въ парижской національной библіотекѣ). Первою крупною печатною книгой является отпечатанная Гутенбергомъ въ Майнцѣ Библія (на латинскомъ яз.) въ 1555 г.

Первые два изъ приводимыхъ ниже свидѣтельствъ принадлежатъ Якову Вимфелингу (1450—1528), одному изъ видныхъ представителей нѣмецкаго гуманизма „старшаго поколѣнія".

Третье свидѣтельство принадлежитъ младшему современнику Вимфелинга, аббату Тритемію (род. въ 1462 г. умеръ въ 1576 г).

22.

Свидѣтельство Вимфелинга.

Въ 1440 г. по рождествѣ Христовѣ, въ царствованіе императора римскаго Фридриха III, Іоанномъ Гутенбергомъ изъ Страсбурга былъ изобрѣтенъ новый способъ письма, чѣмъ было оказано великое и почти божественное благодѣяніе всему міру. Дѣйствительно, онъ первый изобрѣлъ въ городѣ Страсбургѣ искусство печатанія. Отсюда онъ пере-

ѣхалъ въ Майнцъ, гдѣ счастливымъ образомъ завершилъ свое изобрѣтеніе.

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

23.

Другое свидѣтельство Вимфелинга.

Ни однимъ изобрѣтеніемъ или плодомъ ума не гордимся такъ мы, нѣмцы, какъ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, которое подняло насъ до значенія новыхъ духовныхъ носителей христіанскаго ученія, равно какъ всѣхъ божественныхъ и земныхъ наукъ, и сдѣлало такимъ, образомъ, благодѣтелями всего человѣчества. Теперь совсѣмъ другая жизнь царитъ во всѣхъ классахъ народа. И кто не захочетъ вспомнить съ благодарностью объ основателяхъ и первыхъ поощрителяхъ этого искуства, даже если бы онъ не зналъ ихъ лично и не былъ съ ними знакомъ, какъ это имѣетъ мѣсто по отношенію къ нашимъ учителямъ? Какъ нѣкогда выходили вѣстники христіанства, такъ теперь ученики этого святого искусства расходятся изъ Германіи по всѣмъ странамъ, и ихъ напечатанныя книги становятся какъ бы возвѣстителями Евангелія, проповѣдниками истины и знанія.

Переводъ В. П. Евстафьева.

24.

Свидѣтельство аббата Тритемія.

Въ это время жителемъ Майнца, Іоанномъ Гуттенбергомъ, было изобрѣтено чудесное, до сихъ поръ еще неслыханное искусство печатать книги при помощи отдѣльныхъ буквъ. Истративъ на это изобрѣтеніе почти все свое состояніе и все-таки, вслѣдствіе многихъ затрудненій, испытывая недостатокъ то въ томъ, то въ другомъ, онъ уже хотѣлъ бросить это дѣло. Но, благодаря доброму совѣту и денежной ссудѣ другого майнцскаго гражданина, Іоанна Фауста, онъ счастливо довелъ его до конца. Сначала они вырѣзали буквы на доскахъ и напечатали общеупотребительный словарь, однако ничего другого при помощи этихъ досокъ напечатать не могли, такъ какъ вырѣзанныя на нихъ

буквы были неподвижны. Тогда они придумали отлить буквы латинскаго алфавита, названныя ими „матрицами“, при помощи которыхъ они отливали буквы изъ мѣди и олова столько, сколько было нужно, тогда какъ раньше они вырѣзывали ихъ руками. Однако этотъ способъ представлялъ столько трудностей, что они истратили на напечатаніе Библіи 4000 гульденовъ, прежде чѣмъ былъ оконченъ 12-й листъ. Но Петръ Шефферъ, сначала слуга, потомъ зять Іоанна Фауста, изобрѣлъ болѣе легкій способъ отливки. Долгое время оба они держали это изобрѣтеніе въ тайнѣ, пока оно не было перенесено рабочими, безъ которыхъ они не могли обойтись, сначала въ Страсбургъ, а потомъ и ко всѣмъ народамъ. Но первые изобрѣтатели жили въ Майнцѣ, въ домѣ, называвшемся сначала *Zum jungen*, впослѣдствіи же *Druckerhaus*, и наконецъ *Druckhaus zum jungen*.[1]).

Переводъ В. Н Евстафьева.

---

[1]) Druckhaus zum jungen стоитъ и понынѣ, и на пасхѣ въ 1856 г. тамъ сдѣлали замѣчательную находку. Въ глубинѣ обветшавшаго погреба нашли поперечную балку печатнаго станка; на ней вырѣзана надпись, „I. S. 1441“; такимъ образомъ, она является живымъ свидѣтелемъ самыхъ раннихъ временъ книгопечатанія.

2. Вопросъ о морскомъ пути въ Индію.

25.

Изъ письма космографа Тосканелли къ Фернандо Мартинецу, придворному короля Альфонса V Португальскаго. 15 іюня 1774 г.

Христофоръ Колумбъ, родомъ изъ Генуи (род. въ 1436 г.), поселился въ 1470 г. въ Лиссабонѣ, куда предпріятія принца Генриха Мореплавателя привлекали иноземныхъ мореходовъ и географовъ. Здѣсь онъ продолжалъ заниматься составленіемъ географическихъ картъ и мореплаваніемъ; между прочимъ онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ потругальскихъ экспедиціяхъ вдоль африканскаго берега, который до 1470 г. былъ извѣстенъ лишь сѣвернѣе экватора (впервые экваторъ былъ перейденъ лишь въ 1471 г.). Къ этому времени относится зарожденіе въ головѣ Колумба мысли о возможности морского пути въ Индію черезъ западный (Атлантическій) океанъ. Въ числѣ друзей Колумба былъ здѣсь одинъ изъ приближенныхъ короля Альфонса V, Фернандо Мартинецъ, который, повидимому, успѣлъ заинтересовать этой мыслью и своего государя. Во всякомъ случаѣ, въ 1474 г. Альфонсъ V поручилъ Мартинецу запросить по этому вопросу мнѣнія знаменитаго въ то время флорентійскаго астронома и космографа Паоло Тосканелли (род. въ 1397 г., ум. въ 1482 г.). Отвѣтъ послѣдняго на запросъ Мартинеца и приводится здѣсь. Интересно, что вскорѣ послѣ Мартинеца съ такимъ же запросомъ обратился къ Тосканелли и самъ Колумбъ. Въ видѣ отвѣта Тосканелли прислалъ ему копію съ своего письма къ Мартинецу.

Всемилостивѣйшій король [1]) желаетъ, чтобы я изложилъ этотъ предметъ или скорѣе — наглядно уяснилъ его,

---

[1]) Альфонсъ V Португальскій.

такъ чтобы даже лица мало образованныя могли узнать и понять этотъ путь. Хотя я хорошо знаю, что существованіе такого пути можетъ быть доказано на основаніи шарообразной формы земли, тѣмъ не менѣе, чтобы сдѣлать вопросъ болѣе яснымъ и облегчить предпріятіе, я рѣшился изобразить дорогу на мореходной картѣ. Поэтому отправляю его величеству начерченную мною собственноручно карту, на которой изображены ваши берега и острова, откуда вы должны начать плаваніе непрерывно къ западу, и мѣста, куда вы приплывете, и насколько далеко вы должны держаться отъ полюса или отъ экватора, и какое пространство или сколько миль вы должны проплыть, чтобы достичь мѣстъ, гдѣ въ наибольшемъ изобиліи имѣются всякаго рода пряности и драгоцѣнные камни. Не удивляйтесь, что я называю западомъ страны, гдѣ растутъ пряности, тогда какъ ихъ обыкновенно называютъ востокомъ, потому что люди, плывущіе постоянно къ западу, достигаютъ этихъ странъ плаваніемъ по другой сторонѣ земного шара... Я помѣстилъ на картѣ различныя мѣста, куда вы можете приплыть, для свѣдѣнія мореплавателей, на тотъ случай, если, благодаря вѣтру или какой-либо иной случайности, они пристанутъ къ какому-нибудь мѣсту, куда не собирались приставать,— частью же затѣмъ, чтобы они могли доказать жителямъ тѣхъ мѣстъ, что они имѣютъ нѣкоторыя свѣдѣнія объ ихъ странѣ, что, конечно, будетъ не безполезно. Разсказываютъ, что на тѣхъ островахъ нѣтъ жителей, исключая купцовъ, потому что количество мореплавателей съ ихъ товарами столь велико, что во всемъ свѣтѣ не найдется ихъ столько, сколько въ одномъ замѣчательномъ портѣ, называемомъ Зайтономъ. Разсказываютъ, что въ этомъ портѣ ежегодно разгружаются сто большихъ кораблей, на которыхъ привозятъ другія пряности. Эта страна густо населена и очень богата; тамъ много провинцій, королевствъ и многолюдныхъ городовъ, находящихся подъ властью одного государя, именуемаго Великимъ Ханомъ, то-есть царемъ царей, живущихъ по большей части въ провинціи Катаѣ. Его предшественники

200 лѣтъ тому назадъ хотѣли вступить въ союзъ съ христіанскимъ міромъ. Они посылали къ намъ просить ученыхъ богослововъ, чтобы получить отъ нихъ просвѣщеніе [1]). Но посланные, встрѣтивъ по дорогѣ препятствіе, вернулись. Даже во времена Евгенія [2]) къ нему пришелъ оттуда одинъ человѣкъ и говорилъ относительно ихъ большого расположенія къ христіанамъ. И я долго разговаривалъ съ нимъ о многихъ предметахъ, объ ихъ огромныхъ царскихъ дворцахъ, о замѣчательной длинѣ и ширинѣ ихъ рѣкъ, такъ что на одной рѣкѣ стоитъ до 200 городовъ, съ мраморными мостами, очень длинными широкими и украшенными колоннами. Страну эту латинянамъ стоитъ поискать, не только потому, что оттуда можно добыть великія сокровища, золото, серебро и всякаго рода драгоцѣнные камни и пряности, но и ради ея ученыхъ людей, философовъ и искусныхъ астрологовъ, а также ради того, чтобы узнать, какимъ образомъ управляется столь могущественная и блестящая страна, и какъ они ведутъ свои войны. Таковъ мой отвѣтъ на требованіе его королевскаго величества, насколько позволили мнѣ краткій срокъ и мои занятія. Въ будущемъ же я готовъ отвѣчать его величеству, когда онъ пожелаетъ. Флоренція, 15 іюня 1474 г.

Переводъ П. Николаева.

26.

Изъ письма Тосканелли къ Колумбу.

1474.

Я считаю вашъ проектъ плаванія отъ востока къ западу, согласно указаніямъ моей карты, еще болѣе нагляднымъ на глобусѣ, проектомъ благороднымъ и великимъ. Мнѣ пріятно видѣть, что меня хорошо поняли, и что путешествіе это сдѣлалось не только возможнымъ, но и несомнѣннымъ, и что оно принесетъ вамъ честь, неоцѣнимыя выгоды и вы-

---

[1]) Рѣчь идетъ, очевидно, о посольствѣ Кублай-Хана (1259—1294) къ папѣ.

[2]) Папы Евгенія IV (1431—1447)

сокую славу среди всѣхъ христіанскихъ народовъ. Нельзя оцѣнить всего его значенія иначе, какъ по опыту и при наличности тѣхъ подробныхъ и точныхъ свѣдѣній, которыя я получилъ отъ замѣчательныхъ и ученыхъ людей, пріѣзжавшихъ изъ тѣхъ мѣстъ къ римскому двору, — отъ купцовъ, издавна ведущихъ торговлю съ тѣми странами, и отъ другихъ лицъ, словамъ которыхъ нельзя не вѣрить. Когда это путешествіе будетъ совершено, оно будетъ путешествіемъ въ могущественное государство, въ города и провинціи богатѣйшіе и прекрасные, изобилующіе всякаго рода вещами, высоко у насъ цѣнимыми, я разумѣю всякаго рода пряностями и драгоцѣнными камнями. Оно будетъ также выгодно для тѣхъ королей и государей, которые желаютъ имѣть сношенія и заключать союзы съ христіанами нашихъ странъ и учиться у ученыхъ людей здѣшнихъ мѣстъ [1]), какъ религіи, такъ и другимъ наукамъ. По этой причинѣ, какъ и по многимъ другимъ, о которыхъ можно было бы упомянуть, я не удивляюсь, что вы, человѣкъ великой храбрости, и вся португальская нація, всегда выставлявшая замѣчательныхъ людей для подобныхъ предпріятій, горите теперь желаніемъ совершить вышеупомянутое путешествіе [2]).

Переводъ П. Николаева.

---

[1]) То-есть въ Европѣ и въ частности—въ Италіи.

[2]) Тосканелли не пришлось дожить до осуществленія „великаго и благороднаго проекта“: онъ умеръ въ 1482 г., за десять лѣтъ до знаменитаго путешествія Колумба.

3. Открытіе Новаго свѣта.

Изъ писемъ Петра Мартира къ Христофору Колумбу.

Петръ Мартиръ (род. въ 1455 г. въ Миланской области) былъ младшимъ современникомъ Христофора Колумба. Итальянецъ родомъ, какъ и послѣдній, Мартиръ въ зрѣлыхъ лѣтахъ также поступилъ на службу Фердинанда и Изабеллы. Колумба онъ зналъ еще въ то время, когда тотъ дѣлалъ свои предложенія испанскимъ государямъ. Мартиръ присутствовалъ также при торжественномъ пріемѣ, сдѣланномъ Колумбу Фердинандомъ и Изабеллой въ Барцелонѣ, по возвращеніи его изъ перваго путешествія. Мартиръ имѣлъ обыкновеніе каждый день писать къ кому-нибудь письма, въ которыхъ онъ разсказываетъ все, что случилось въ сферѣ его наблюденія. Въ этихъ письмахъ довольно часто упоминается о Колумбѣ и описываются важнѣйшія обстоятельства его путешествій. Выдержки изъ этихъ писемъ и приводятся ниже.

27.

Изъ письма Мартира къ Борромео.

Изъ Барцелоны, 1 мая 1493 г.

Нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ сюда нѣкто, по имени Христофоръ Колумбъ, лигуріецъ родомъ, возвратившись изъ странъ западныхъ антиподовъ. Въ прошломъ году онъ не безъ труда выпросилъ у моихъ государей три корабля для открытія этихъ странъ, такъ какъ все, что онъ говорилъ о послѣднихъ, считали фантазіями. Теперь онъ возвратился и привезъ съ собой образцы многихъ драгоцѣнныхъ вещей и въ особенности золота, которое родится въ тѣхъ земляхъ.

28.

Изъ письма Мартира къ графу Тендильѣ.

Изъ Барцелоны, въ сентябрѣ 1493 г.

Послушайте новость! Помните лигурійца Колумба, которому государи наши [1]) во время пребыванія своего въ лагерѣ поручили отысканіе западныхъ антиподовъ въ другомъ полушаріи? Вы не могли забыть его, потому что сами принимали нѣкоторое участіе въ этомъ дѣлѣ, которое, безъ вашего совѣта, думаю, и не состоялось бы... Теперь онъ возвратился живъ-здоровъ и разсказываетъ чудеса о своемъ путешествіи и обо всемъ, что видѣлъ въ открытыхъ имъ странахъ. Привезъ онъ съ собой золото, хлопчатую бумагу и перецъ, еще болѣе пряный, чѣмъ кавказскій. Все это, говоритъ онъ, земля производитъ тамъ сама собою, равно какъ и дерево, дающее пурпуровую краску. Онъ разсказываетъ, что проплывъ къ западу отъ Гадеса (Кадикса) пять тысячъ миль, онъ открылъ разные острова, изъ которыхъ одинъ больше Испаніи [2]), и всѣ ихъ занялъ отъ имени нашихъ государей. По его словамъ, острова эти заселены людьми особой породы, живущими въ дикомъ состояніи, но счастливо. Питаются они плодами, растеніями и хлѣбомъ изъ растертыхъ кореньевъ. Есть у нихъ свои короли, болѣе или менѣе могущественные. Народы эти иногда воюютъ между собой. Оружіе ихъ состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ и копій съ заостренными и обожженными концами. Хотя они живутъ въ первобытномъ состояніи и ходятъ нагими, однакожъ и имъ не чужда страсть къ властвованію.

29.

Изъ письма Мартира къ кардиналу и вице-канцлеру Асканію Сфорсу.

Изъ Барцелоны, въ сентябрѣ 1493 г.

Желаніе быть вамъ пріятнымъ, свѣтлѣйшій князь, такъ велико, что я чувствую себя совершенно счастливымъ, когда

---

[1]) Фердинандъ Католикъ и Изабелла Кастильская.

[2]) Островъ Гаити, который въ дѣйствительности въ нѣсколько разъ менѣе Испаніи.

въ великомъ круговоротѣ событій встрѣчается что-нибудь достойное занять ваше вниманіе. Изъ всѣхъ чудесъ земного шара, около котораго солнце обращается въ теченіи двадцати четырехъ часовъ, до сихъ поръ мы знали, какъ вамъ извѣстно, только тѣ, которыя разбросаны на пространствѣ одного полушарія, отъ Золотого Херсонеса [1]) до Гадеса [2]) въ Испаніи. Все остальное космографы считали неизвѣстнымъ, и если иногда и упоминалось что-нибудь объ этомъ предметѣ, то всегда поверхностно и съ сомнѣніемъ. А теперь—о, благословенное предпріятіе!—теперь, подъ счастливымъ мановеніемъ нашихъ государей, разоблачается наконецъ то, что было сокрыто отъ начала вѣковъ! Вотъ какъ это случилось. Прошу вниманія свѣтлѣйшій князь! Нѣкто Христофоръ Колумбъ, лигуріецъ родомъ, былъ отправленъ моими государями на трехъ судахъ въ ту часть земли, и, проплывъ на западъ по теченію солнца болѣе пяти тысячъ миль отъ Гадеса, открылъ путь къ антиподамъ. Онъ плылъ цѣлыхъ тридцать дней сряду, ничего не видя, кромѣ неба и земли. Наконецъ, съ верху мачты большого корабля, на которомъ находился самъ Колумбъ, сторожевые матросы закричали, что видятъ землю. И дѣйствительно, это была земля. Впереди открылось нѣсколько островомъ. Корабли приставали къ шести изъ нихъ, и одинъ изъ этихъ острововъ, по увѣренію спутниковъ Колумба, можетъ быть обманутыхъ новизной представившагося имъ зрѣлища, больше Испаніи.

30.

Изъ письма Мартира къ Фернандо Талабрѣ, архіепископу Гренадскому.

Изъ Вальядолида, 1 февраля 1494 г.

Король и королева, по прибытіи Колумба въ Барцелону, послѣ достославнаго предпріятія его, пожаловали его титуломъ адмирала Моря-Океана и пригласили сѣсть въ своемъ присутствіи, изъ уваженія къ его знаменитымъ под-

[1]) Крымъ.

[2]) Кадиксъ.

вигамъ. Отличіе это, какъ вамъ извѣстно, считается у нашихъ государей знакомъ величайшей почести и милости. Теперь они опять послали его въ тѣ страны, предоставивъ ему въ командованіе флотъ изъ восемнадцати кораблей. Все предвѣщаетъ великія открытія въ западномъ полушаріи.

31.

Изъ письма Мартира къ Помпонію Лэто [1]).

Испанія царитъ, распространяетъ свое владычество, имя и славу до отдаленныхъ странъ антиподовъ. Изъ восемнадцати кораблей, отправленныхъ моими государями съ адмираломъ Колумбомъ во второе его путешествіе въ западное полушаріе [2]), возвратились теперь двѣнадцать и привезли съ собой хлопчатую бумагу, огромные куски красильнаго дерева и много другихъ драгоцѣнныхъ въ Европѣ предметовъ, которые производитъ природа этого доселѣ сокрытаго отъ насъ міра, и сверхъ всего—значительное количество золота. Говорятъ, что въ этихъ странахъ находятъ на поверхности земли куски самороднаго золота необыкновенной величины, такъ что нѣкоторые изъ нихъ вѣсятъ до 250 унцовъ, и судя по разсказамъ жителей, Испанцы надѣются найти еще болѣе крупные куски этого металла. Невозможно болѣе сомнѣваться въ существованіи Лестригоновъ и Полифемовъ, питавшихся человѣческимъ мясомъ. Плывя отъ Счастливыхъ острововъ, нынѣ называемыхъ Канарскими, въ Испаньолу [3]), Колумбъ взялъ направленіе нѣсколько южнѣе и вошелъ въ группу безчисленныхъ острововъ, населенныхъ дикими, которыхъ называютъ Каннибалами или Караибами. Эти люди, хотя и совершенно нагіе, очень воинственны и храбры въ сраженіяхъ. Они искусно владѣютъ лукомъ и булавою, имѣютъ лодки, выдолбленные изъ цѣлаго ствола, зачастую большихъ размѣровъ. Въ этихъ

---

[1]) Помпоній Лэто, римскій гуманистъ, род. въ 1425 г., ум. въ 1497 г. Изъ Алькалы-де-Генаресъ, 9 декабря 1494 г.

[2]) О посылкѣ этой экспедиціи говорится въ предыдущемъ письмѣ.

[3]) Такъ назвали испанцы островъ Гаити. Испаньола—„маленькая Испанія“.

лодкахъ они дѣлаютъ свои ужасные набѣги на сосѣдніе острова, населенные болѣе миролюбивыми племенами. Караибы нападаютъ на ихъ селенія и уводятъ мужчинъ въ плѣнъ для того, чтобы ихъ пожирать.

Переводъ Н. Бредихина.

32.

Изъ завѣщанія Колумба.

4 мая 1506 г.

Во имя пресвятой Троицы, внушившей мнѣ мысль и впослѣдствіи совершенно прояснившей ее для меня, что я могу, отплывъ изъ Испаніи на западъ и переплывъ океанъ, достигнуть Индіи, —мысль, сообщенную мною королю дону Фердинанду и королевѣ доннѣ Изабеллѣ, государямъ нашимъ, которымъ благоугодно было снабдить меня потребнымъ количествомъ людей и кораблей и возвести меня въ званіе адмирала названнаго океана на всемъ его пространствѣ, лежащемъ къ западу отъ мысленной черты, проведенной отъ одного полюса къ другому, въ ста миляхъ къ западу отъ острововъ Зеленаго Мыса и Азорскихъ, и пожаловать меня титуломъ вице-короля и губернатора всѣхъ земель и острововъ, какія я открою за этой чертой, съ правомъ передать вышеназванныя званія и титулы старшему сыну моему, а потомъ его наслѣдникамъ на вѣчныя времена, и даровать мнѣ при этомъ десятую часть со всего, что будетъ пріобрѣтено въ странахъ, которыми я буду управлять, и со всѣхъ доходовъ и прибылей, которые будутъ съ нихъ получаться, и сверхъ того восьмую часть всѣхъ земель и всего прочаго, съ окладомъ жалованья по моимъ званіямъ адмирала, вице-короля и губернатора, и со всѣми иными выгодами и преимуществами, тѣмъ званіямъ присвоенными, на основаніяхъ, подробно изложенныхъ въ договорѣ моемъ съ ихъ величествами, ими одобренномъ и утвержденномъ.

И было угодно Всемогущему Господу, чтобы я въ

1492 г. открылъ Индійскій материкъ [1]) и великое множество острововъ, въ томъ числѣ островъ Испаньолу, называемый Индѣйцами Гаити, а Мониконгосами—Чипанго. Послѣ этого я возвратился въ Кастилію къ ихъ величествамъ, которые повелѣли мнѣ, согласно моимъ представленіямъ, предпринять вторичное путешествіе [2]) для новыхъ открытій и устройства поселеній въ найденныхъ мною земляхъ. И даровалъ мнѣ Господь побѣду на островѣ Испаньолѣ, который простирается на 600 миль протяженія, и покорилъ я его, а жителей сдѣлалъ данниками. И въ 700 миляхъ отъ этого острова къ западу я открылъ много другихъ острововъ, на которыхъ живутъ людоѣды, и въ ихъ числѣ Ямайку, названную нами Сантъ-Яго, да сверхъ того 333 мили материковой земли, простирающейся въ юго-западномъ направленіи, не считая 107 миль на сѣверъ, открытыхъ мною въ первое путешествіе. Сверхъ того, мною открыто множество острововъ, что можно яснѣе видѣть изъ моихъ писемъ, записокъ и картъ.

Переводъ Н. Бредихина

---

[1]) Изъ этого мѣста завѣщанія видно, что Колумбъ такъ и умеръ, не зная, что онъ открылъ Новый Свѣтъ. Онъ, отправляясь на западъ, искалъ морского пути въ Индію, и открытыя земли считалъ за часть Индіи. Эта ошибка получила затѣмъ свое закрѣпленіе въ названіяхъ Вестъ-Индіи и индѣйцевъ.

[2]) О которомъ говорилось въ письмахъ Мартира, см. выше, № 31.

III.

РЕФОРМАЦІЯ.

1. Великіе церковные соборы XV вѣка.

Констанцскій соборъ.

1414—1418.

33.

Изъ постановленій Констанцскаго собора.

Послѣ того какъ соборъ въ Констанцѣ, благодаря избранію Одо Колонна папой подъ именемъ Мартина V, положилъ конецъ великому расколу, онъ занялся нѣкоторыми вопросами общей церковной реформы и осужденіемъ различныхъ еретическихъ сектъ. Постановленія собора были опубликованы Мартиномъ V наканунѣ роспуска собора (24 марта 1418). Всего соборъ имѣлъ съ 16 ноября 1414 г. сорокъ три засѣданія.

I. Объ изъятіяхъ.

II. О союзахъ и обществахъ.

Этими постановленіями были отмѣнены, за малыми исключеніями, всѣ изъятія, союзы и корпораціи, созданныя послѣ смерти Григорія XI.

III. О доходахъ съ вакантныхъ бенефиціевъ.

Также оставляемъ въ распоряженіи права, обычая или привилегіи плоды и доходы церквей, монастырей и бенефиціевъ, поступающіе въ то время, когда они вакантны, и запрещаемъ предоставлять ихъ намъ или Апостольской Камерѣ.

IV. О получившихъ духовный санъ путемъ симоніи.

Поставленные въ духовный санъ путемъ симоніи по этому самому должны быть устранены отъ исполненія своихъ обязанностей; всякія достигнутыя путемъ симоніи провизіи, въ силу этого права, будутъ аннулированы: дающіе и принимающіе ихъ тѣмъ самымъ подвергаются отлученію.

V. О диспенсаціяхъ.

Статья содержитъ отказъ отъ папскихъ диспенсацій.

VI. О десятинахъ и другихъ поборахъ.

Предписываемъ и повелѣваемъ, чтобы внимательнѣе соблюдались права, которыя запрещаютъ низшимъ духовнымъ властямъ налагать отъ имени папы десятины и другіе поборы на церкви и духовныхъ лицъ. Также эти поборы никоимъ образомъ не будутъ налагаться нами вообще на весь клиръ, за исключеніемъ особо важныхъ и настоятельныхъ причинъ и для пользы всей Церкви, съ согласія совѣта и письменнаго согласія братьевъ нашихъ кардиналовъ и прелатовъ, совѣтъ которыхъ состоится надлежащимъ образомъ.

VII. О жизни и нравственности духовенства.

Статья направлена противъ пышности въ средѣ духовенства.

Переводъ Н. И. Никифорова.

Базельскій соборъ.

1432—1449.

Базельскій соборъ, продолжавшійся съ перерывами цѣлыхъ восемнадцать лѣтъ, былъ послѣднимъ изъ „великихъ соборовъ“ пятнадцатаго вѣка, ставившихъ себѣ задачею коренную реформу католической церкви. На Базельскомъ соборѣ реформа эта потерпѣла окончательное крушеніе, и это сдѣлало неизбѣжнымъ тотъ расколъ въ католической церкви, который былъ вызванъ въ слѣдующемъ столѣтіи протестантской реформаціей. Попытки собора провести церковную реформу разбились о сопротивленіе папской куріи, которая сама являлась главнымъ центромъ подлежавшихъ „реформѣ“ церковныхъ злоупотребленій и нестроеній. Въ концѣ концовъ вся дѣятельность собора свелась къ борьбѣ его съ папами за верховную власть въ церкви. Однимъ изъ наиболѣе крупныхъ и яркихъ эпизодовъ этой борьбы и является низложеніе папы Евгенія IV, провозглашенное соборомъ 26 іюня 1439 г. Болѣе подробныя свѣдѣнія о Базельскомъ соборѣ можно найти въ посвященной ему въ *Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ*

вѣковъ (подъ ред. проф. П. Г. Виноградова) статьѣ проф. П. Н. Ардашева (въ четвертой части *Книги*).

34.

Постановленіе о низложеніи папы Евгенія IV. 26 іюня 1439 г.

Святѣйшій всеобщій синодъ Базельскій, во Святомъ Духѣ законно собравшійся и представляющій вселенскую Церковь, на вѣчную о томъ память.

Провидѣлъ Господь съ высоты своей святой, обратилъ Онъ взоры Свои съ неба на землю, чтобы услышать стоны Церкви, оплакивающей гибель душъ, искупленныхъ драгоцѣнною кровью Христовою, и безчисленныя бѣды, обрушившіяся на христіанскую религію. И поелику праведенъ Господь и правду возлюбилъ, то, какъ кажется, изъ-за одного человѣка, чрезъ котораго соблазнъ пришелъ всему міру, ибо онъ не только тяжко грѣшитъ, но и не желаетъ исправиться,—на весь народъ обращается гнѣвъ (Божій). И рѣшилъ (Господь) совершить судъ чрезъ посредство Церкви Своей, собравшейся во имя самого Христа, Спасителя всѣхъ, Который говоритъ: „Гдѣ соберутся двое или трое во имя Мое, тутъ Я посреди нихъ“, и Который о грѣшникѣ, не желающемъ слушаться Церкви, сказалъ: „Если и Церкви не послушаетъ, да будетъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“. Предвидя же Своимъ Божественнымъ Провидѣніемъ сопротивленія и противодѣйствія, которыя собирался воздвигнуть въ свое время папа Евгеній IV противъ преобразованія Церкви Божіей и противъ авторитета святыхъ вселенскихъ соборовъ, представляющихъ самую Церковь, и противъ блага всего христіанства; предвидя также, какіе соблазны, раздоры и расколы вызоветъ онъ въ мірѣ,—(Господь) внушилъ святому синоду Констанцскому [1]) чрезъ Духа Святого, чтобы Онъ изъяснилъ всему міру правду вѣры католической, говоря, что „всеобщій соборъ, представляющій собою вселенскую Церковь, имѣетъ власть непосредственно отъ Хри-

[1]) О Констанцскомъ соборѣ см. выше, примѣчаніе на стр. 101.

ста, и всѣ безъ исключенія обязаны ему повиноваться, какого бы званія и достоинства ни были, не исключая и папскаго, во всемъ, что касается вѣры, искорененія вышеназваннаго раскола [1]) и общей реформы Церкви Божіей во главѣ и членахъ". И далѣе, „что всякій, какого бы званія и достоинства онъ ни былъ, хотя бы даже и папскаго, если онъ обнаружитъ упорное неповиновеніе предписаніямъ, уставамъ или распоряженіямъ, или правиламъ настоящаго святого синода или-же какого-либо другого законно собравшагося вселенскаго собора, и если онъ не образумится, то подлежитъ достойной эпитиміи и должному наказанію". Этою декларацієй милостивый Господь приготовилъ путь, слѣдуя которымъ Церковь могла бы произнести справедливый приговоръ надъ вышеназваннымъ папой Евгеніемъ, совершившимъ многочисленные эксцессы, настолько общеизвѣстные, что ихъ нельзя скрыть никакими увертками, и заявившимъ себя упорнымъ ослушникомъ Церкви и наставленіямъ, правиламъ и постановленіямъ соборнымъ. Одновременно съ провозглашеніемъ этой истины, настоящій святой синодъ Базельскій, во Святомъ Духѣ законно собравшійся и представляющій вселенскую Церковь, счелъ необходимымъ подвергнуть отсѣченію того, противъ кого безсильны мѣры исправленія. Послѣ того какъ, въ великомъ долготерпѣніи, великодушіи и кротости, послѣ многократныхъ увѣщаній, соборъ ждалъ отъ названнаго Евгенія, чтобы онъ совершилъ спасительное исправленіе и покаялся въ вышеизложенныхъ эксцессахъ,—наконецъ, когда не представлялось болѣе возможнымъ откладывать далѣе принятіе мѣръ для спасенія вѣры и всего христіанства, съ помощью Духа Святого,—чтобы не взять на себя тяжелой отвѣтственности за души, которыя могутъ погибнуть изъ-за дальнѣйшаго замедленія, но чтобы незамедлительно возстановить управленіе стадомъ Господнимъ,—чтобы, послѣ того, что истина выросла изъ земли воинствующей Церкви и правда прозрѣла съ небесъ, Го-

[1]) Намекъ на вопросъ о возсоединеніи церквей (восточной и западной), который также дебатировался на Базельскомъ соборѣ.

сподь далъ милость, и земля наша произвела спасительный плодъ, и чтобы наши дни ознаменовались одновременно и торжествомъ справедливости и благами мира,—въ виду всего этого тотъ же святой синодъ, засѣдая въ качествѣ судилища, настоящимъ своимъ окончательнымъ приговоромъ, закрѣпленнымъ въ настоящихъ писаніяхъ, постановляетъ, объявляетъ и провозглашаетъ, что Гавріилъ, передъ этимъ называвшійся папой Евгеніемъ IV, былъ и есть завѣдомый и явный ослушникъ велѣніямъ и правиламъ вселенской Церкви, упорствующій въ явномъ мятежѣ, постоянный нарушитель мира и единства Церкви Божіей, завѣдомый сѣятель соблазна во вселенской Церкви, симоніакъ [1]), клятвопреступникъ, неисправимый схизматикъ, отступникъ отъ вѣры, упорный еретикъ, расточитель правъ и имуществъ Церкви, безполезный и губительный для управленія римскимъ понтификатомъ,—и что онъ заявилъ себя недостойнымъ всѣхъ титуловъ, сана, чести и достоинства. Въ виду этого, тотъ же святой Синодъ объявляетъ (Евгенія) по праву лишеннымъ папства и римскаго понтификата, и отъ таковыхъ его устраняетъ, отрѣшаетъ, низлагаетъ и извергаетъ.

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

---

[1]) Симонъ волхвъ хотѣлъ за деньги купить у апостоловъ благодать творить чудеса. Отсюда слово симонія для обозначенія церковнаго взяточничества. Симоніакъ—церковный взяточникъ, торгующій за матеріальную мзду духовными дарами.

2. Реформація въ Германіи.

Лютеръ.

1483—1517.

35.

Изъ автобіографическихъ воспоминаній Лютера.

Я—сынъ крестьянина. Мой отецъ, дѣдъ и прадѣдъ были настоящими крестьянами. Впослѣдствіи отецъ переселился въ Мансфельдъ и сдѣлался тамъ рудокопомъ.

Мой отецъ былъ бѣднымъ рудокопомъ; мать приносила постоянно на собственной спинѣ дрова, чтобы только прокормить насъ дѣтей. Они работали изо всѣхъ силъ.

Мои родители обращались со мной очень сурово, и отъ этого я сдѣлался очень робокъ. Отецъ высѣкъ меня однажды такъ больно, что я его возненавидѣлъ, сталъ отъ него убѣгать, и много времени протекло, пока я опять съ нимъ не сжился. Однажды изъ-за ничтожнаго пустяка мать высѣкла меня до крови. Суровая и строгая жизнь, которую вела моя мать, была причиной того, что я ушелъ въ монастырь и сдѣлался монахомъ. Но родители искренне полагали, что поступаютъ хорошо,—они не могли только соблюдать мѣры, съ какой надо наказывать. А наказывать надо такъ, чтобы возлѣ розги лежало яблоко.

Теперь, по милости Божіей, такъ повелось, что дѣти могутъ учиться играючи, напримѣръ, языкамъ или другимъ наукамъ, или же исторіи. Нѣтъ теперь того ада и чистилища, которые представляли собой наши школы, гдѣ насъ мучили, но гдѣ мы не могли ничему научиться, изъза вѣчныхъ побоевъ, трепета, страха и боли. Однажды я

за одно утро, до обѣда, былъ высѣченъ пятнадцать разъ подрядъ.

Я не пренебрегалъ компаніями, которыя пѣли у дверей изъ-за куска хлѣба. Я сдѣлался тоже попрошайкой и выпрашивалъ хлѣбъ по домамъ, особенно въ Эйзенахѣ, моемъ миломъ городѣ. Однако впослѣдствіи мой дорогой отецъ съ большою любовью и преданностью поддерживалъ меня въ высшей эрфуртской школѣ [1]); трудясь въ потѣ лица своего, онъ помогалъ мнѣ, когда я туда поступилъ.

Университетъ пользовался такимъ уваженіемъ и такимъ авторитетомъ, что на всѣ остальныя школы, въ сравненіи съ нимъ, смотрѣли, какъ на низшія училища для обученія грамотѣ. Но теперь эта слава прошла, и университетъ совсѣмъ вымеръ.

Такъ какъ я, начавъ въ высшей эрфуртской школѣ съ изученія наукъ и философіи, настолько изучилъ и усвоилъ ихъ, что сдѣлался магистромъ,—я могъ такъ же, по примѣру другихъ, обучать юношество, или же продолжать учиться. Но я покинулъ моихъ родителей, друзей и родственниковъ и, совсѣмъ противъ ихъ желанія, пошелъ въ монастырь и надѣлъ капюшонъ. Я былъ убѣжденъ, что въ этомъ званіи и при суровой, тяжелой работѣ, я получу большую заслугу предъ Богомъ. Однако мой обѣтъ не стоилъ ни гроша, такъ какъ я тѣмъ самымъ вышелъ изъ воли и власти родителей, данныхъ мнѣ Богомъ. Но Богъ хотѣлъ, какъ теперь вижу, чтобы я познавъ мудрость высшихъ школъ и святость монастырей изъ собственнаго, неопровержимаго опыта, т. е. по многимъ грѣхамъ и безбожнымъ дѣламъ ихъ, и чтобы безбожные люди, мои враги, впослѣдствіи не величались предо мной тѣмъ, что, молъ, онъ осуждаетъ то, чего не знаетъ.

Отецъ мой былъ недоволенъ и не хотѣлъ этого позволить. Онъ написалъ мнѣ отвѣтъ, при чемъ обращался ко мнѣ на ты (раньше онъ говорилъ мнѣ Вы, съ тѣхъ поръ

[1]) Въ университетѣ.

какъ я сдѣлался магистромъ) и отказалъ въ своемъ благоволеніи.

По-истинѣ, я былъ благочестивымъ монахомъ и такъ строго придерживался уставовъ моего ордена, что и сказать не могу. Если хоть одинъ монахъ попалъ на небо за свое монашество, то я тоже тамъ былъ бы. Это могутъ засвидѣтельствовать всѣ монастырскія общины, которыя меня знали. Такъ какъ я, еслибы это дальше продолжалось, замучилъ бы себя на смерть бдѣніемъ, молитвой, чтеніемъ и другой работой.

Въ Эрфуртѣ я, молодой богословъ, напалъ въ библіотекѣ на книгу, въ которой были перечислены и написаны рѣчи Іоанна Гуса; разбирало любопытство посмотрѣть, чему училъ этотъ ересіархъ, разъ уже его книга не сожжена и находится въ общественной библіотекѣ. Въ этихъ рѣчахъ я нашелъ по-истинѣ такъ много, что пришелъ въ ужасъ: за что сожгли этого человѣка, который такъ по-христіански и такъ убѣдительно ссылался на Писаніе?! Но такъ какъ его имя предано столь ужасному осужденію, что, какъ я полагалъ, стѣны почерпѣли бы и солнце потеряло бы свой свѣтъ, если бы кто хорошо подумалъ о Гусѣ, то я закрылъ книгу и ушелъ съ смущеннымъ сердцемъ; однако утѣшалъ себя такой мыслью: можетъ быть онъ это написалъ раньше, чѣмъ сдѣлался еретикомъ,—вѣдь я еще не зналъ тогда исторіи Констанцскаго собора.

Я читалъ въ Эрфуртскомъ монастырѣ только одну Библію; въ это время Богъ чудеснымъ образомъ, неожиданно для всѣхъ, послалъ мнѣ знаменіе, что я долженъ перейти изъ Эрфурта въ Виттенбергъ, куда я и былъ переведенъ.

Я отказался бы отъ ста тысячъ гульденовъ, чтобы только не видѣть Рима; я всегда заботился о томъ, чтобы не причинить папѣ непріятности и несправедливости, но мы передаемъ то, что видѣли.

Я желалъ бы только, чтобы каждый будущій священникъ побывалъ прежде въ Римѣ и посмотрѣлъ, что

тамъ происходитъ. Я слышалъ въ Римѣ отъ самихъ придворныхъ, что такъ дальше продолжаться не можетъ,– что съ этимъ надо покончить. Трудно сказать и невозможно повѣрить, до чего тамъ гадко. Если есть адъ, то Римъ построенъ на немъ. Римъ былъ святымъ городомъ и сдѣлался хуже всѣхъ.

Я присутствовалъ въ Римѣ на многихъ богослуженіяхъ; мнѣ становилось даже странно, когда я объ этомъ подумаю. Я чувствовалъ омерзеніе, когда они бормотали обѣдню, будто занимались шутовствомъ. Прежде чѣмъ я доходилъ до Евангелія, часто уже кончали много обѣденъ и кричали мнѣ: „прочь, прочь, кончай! Отпусти поскорѣй обратно къ Богородицѣ ея Сына!..“ Чѣмъ ближе Римъ, тѣмъ хуже христіане. Кто въ первый разъ идетъ въ Римъ, тотъ ищетъ плута, во второй разъ онъ его находитъ, въ третій—приноситъ его съ собой.

Я былъ призванъ и принужденъ сдѣлаться докторомъ (богословія) противъ своего желанія, только изъ повиновенія; но, принявъ докторскія обязанности, я поклялся и далъ обѣтъ надъ моимъ драгоцѣннѣйшимъ Священнымъ Писаніемъ вѣрно и ясно его проповѣдовать и учить ему. Изъ-за этого ученія папа сталъ мнѣ поперекъ дороги и хотѣлъ мнѣ его запретить; но оно все еще мозолитъ ему глаза, и ему будетъ еще болѣе тошно, если они не смогутъ отъ меня отбояриться. Такъ какъ я присяжный докторъ Священнаго Писанія, то я радъ, что оно даетъ мнѣ возможность выполнять свою клятву.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

Торговля индульгенціями.

1517.

Архіепископъ майнцскій Альбрехтъ былъ долженъ римской куріи значительную сумму за посвященіе въ санъ архіепископа; для уплаты этого долга онъ взялъ взаймы у Фуггеровъ. Папа Левъ X разрѣшилъ Альбрехту, для покрытія послѣдняго долга, продавать по всей Германіи въ свою пользу индульгенціи. Эта продажа производилась въ 1617 г, группою доминиканскихъ мо-

наховъ, во главѣ съ Тецелемъ, въ сопровожденіи представителей отъ торговаго дома Фуггеровъ, отбиравшихъ у монаховъ собранныя ими деньги въ уплату вышеуказаннаго долга. Эта безстыдная продажа вызвала извѣстный протестъ Лютера въ видѣ 95 тезисовъ. Приводимыя ниже положенія, которыя высказывалъ Тецель во время продажи, ярко иллюстрируютъ тотъ цинизмъ, съ которымъ совершалась эта торговля отпущеніями грѣховъ.

36.

Изъ положеній Тецеля.

1517.

Красный отпустительный крестъ съ папскимъ гербомъ, поставленный въ церкви, имѣетъ такую же силу, какъ и крестъ Христовъ.

Далѣе, если бы св. Петръ былъ теперь здѣсь, то онъ не имѣлъ бы большей благодати и власти, чѣмъ та, какую имѣетъ папа.

Далѣе, онъ (папа) не хотѣлъ бы помѣняться со св. Петромъ своимъ мѣстомъ на небѣ, такъ какъ онъ отпущеніями спасъ больше душъ, чѣмъ св. Петръ своею проповѣдью.

Далѣе, кто положитъ въ ящикъ деньги ради чьей-либо души въ чистилищѣ, то какъ только пфеннигъ упадетъ на дно и зазвенитъ, душа сейчасъ же полетитъ на небо.

Далѣе, благодать отпущенія и есть та именно благодать, которая примиряетъ человѣка съ Богомъ.

Далѣе, нѣтъ нужды въ раскаяніи, сокрушеніи или эпитиміи за грѣхи, если будетъ куплено отпущеніе или отпустительная грамота, хотя бы даже и за будущіе грѣхи.

37.

95 тезисовъ Лютера.

31 октября 1517 г.

Съ какой цѣлью Лютеръ написалъ и прибилъ 95 тезисовъ, явствуетъ уже изъ заглавія послѣднихъ; оно гласитъ:

„Диспутъ для выясненія силы отпущеній. Изъ любви къ истинѣ, и изъ стремленія вывести ее на свѣтъ Божій, будетъ

въ Виттенбергѣ обсуждаться нижеслѣдующее, подъ руководствомъ достопочтеннаго отца Мартина Лютера. Лица, не имѣющія возможности вступить съ нами въ диспутъ лично, могутъ сдѣлать это письменно. Во имя Господа нашего Іисуса Христа. Аминь".

Важнѣйшіе изъ тезисовъ гласятъ:

1. Господь нашъ и Учитель, говоря: „покайтесь", желалъ, чтобы земная жизнь вѣрующихъ въ Него была постояннымъ покаяніемъ. — 2. Подъ этимъ словомъ никакъ нельзя подразумѣвать таинство покаянія, т. е. исповѣдь и разрѣшеніе грѣховъ, производимыя священникомъ. — 5. Папа не можетъ освобождать отъ наказаній, за исключеніемъ тѣхъ, которыя налагаетъ по своему усмотрѣнію или согласно съ церковнымъ канономъ, т. е. съ папскими же постановленіями. — 10. Безсмысленно и дурно поступаютъ священники, которые переносятъ въ чистилище лежащія на нихъ эпитиміи и сохраняютъ за собой право освобождать отъ нихъ тамъ. — 11. Зло превращенія церковныхъ наказаній въ чистилищныя возникло оттого, что епископы спали. — 21. Ошибаются проповѣдники индульгенцій, говоря, что чрезъ папское отпущеніе человѣкъ освобождается отъ всякаго наказанія. — 27. Вздоръ проповѣдуютъ тѣ, которые говорятъ, что какъ только грошъ зазвенитъ въ ящикѣ, душа тотчасъ же уходитъ изъ чистилища. — 32. Будутъ осуждены навѣки, вмѣстѣ со своими учителями, тѣ, которые увѣрены, что, благодаря отпустительнымъ грамотамъ, могутъ быть спокойны за свое спасеніе. — 35. Учатъ не по-христіански тѣ, которые утверждаютъ, что желающіе освободить души изъ чистилища не нуждаются ни въ какомъ раскаяніи, ни въ сокрушеніи сердца. — 36. Всякій христіанинъ, дѣйствительно кающійся и сокрушающійся о грѣхахъ, получаетъ полное избавленіе отъ наказаній безъ всякой отпустительной грамоты. — 38. Папское же прощеніе и награду слѣдуетъ считать за ничто, такъ какъ они, какъ я уже сказалъ, суть лишь извѣщеніе о Божіемъ прощеніи. — 41. О папскомъ отпущеніи надо проповѣдовать съ осторожностью, чтобы простой человѣкъ не подумалъ ошибочно, что это отпущеніе

должно быть предпочтено всякимъ другимъ добрымъ дѣламъ любви.—43. Должно внушить христіанамъ, что тотъ, кто даетъ бѣднымъ или помогаетъ нуждающимся, лучше дѣлаетъ, чѣмъ если бы онъ покупалъ отпущеніе.—50. Должно христіанъ учить слѣдующему: еслибы папа зналъ о притѣсненіяхъ, чинимыхъ проповѣдниками индульгенцій, онъ скорѣе пожелалъ бы, чтобы соборъ св. Петра сгорѣлъ до тла, нежели онъ былъ бы выстроенъ изъ кожи, мяса и костей его паствы.—56. Сокровища церкви, изъ которыхъ папа раздаетъ отпущеніе, не поименовываются, какъ слѣдуетъ, и ихъ не знаетъ христіанская община. —62. Настоящее, истинное сокровище церкви есть все святое Евангеліе о власти и милости Божіихъ.—71. Кто говоритъ противъ дѣйствительности апостольскаго отпущенія,—да будетъ проклятъ.—72. Но кто стремится смѣло выступить противъ проповѣдниковъ отпущенія,—да будетъ благословенъ.—77. Когда говорятъ, что св. Петръ, если бы онъ былъ теперь папой, не могъ бы давать бóльшаго отпущенія, то это клевета на св. Петра и на папу.—79. Говорить, что крестъ съ папскимъ гербомъ, торжественно поставленный, имѣетъ такую же силу, что и крестъ Господень, есть богохульство.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

Лейпцигскій диспутъ.

27 іюня—14 іюля 1519 г.

Такъ какъ полемика противъ Лютера и его противъ оппонентовъ была папой запрещена, то главный оппонентъ Лютера, Іоаннъ Эккъ, вызвалъ въ мартѣ 1519 г. ученыхъ на диспутъ въ Лейпцигѣ по поводу вопросовъ, поднятыхъ Лютеромъ въ его знаменитыхъ тезисахъ, не называя послѣдняго. И Лютеръ въ первую недѣлю диспута, продолжавшагося 18 дней, отсутствовалъ. Онъ явился въ Лейпцигъ лишь нѣсколько дней спустя и 4 іюля принялъ въ немъ активное участіе. Здѣсь приводится отрывокъ изъ протоколовъ той части диспута, въ которой Экку возражалъ самъ Лютеръ.

38.

Изъ протоколовъ диспута.

О первенствѣ римской церкви.

Экк. Я прихожу, слѣдовательно, къ главному, на что онъ нападаетъ, намѣреваясь доказать, что, по божественному праву и установленію Христа, первенство принадлежитъ Римской Церкви, при чемъ Петръ, со своими преемниками, есть князь церкви, назначенный Христомъ. Въ доказательство повторяю приведенное положеніе Бернарда, пока не разъясненное; повторяю равнымъ образомъ изреченіе Кипріана и, въ-третьихъ, подтверждаю слѣдующими словами Христа, Матѳ., 16: „Ты—Петръ (что значитъ камень), и на этомъ камнѣ созижду Церковь Мою“. Обыкновенное толкованіе, относя именно къ Петру ту власть, которая призываетъ насъ къ единству, тѣмъ самымъ признаетъ его княземъ апостоловъ, и поэтому Церковь имѣетъ одного главнаго Христова викарія, въ которомъ могли-бы соединиться отдѣльные члены, если бы случайно разошлись другъ съ другомъ; при нѣсколькихъ же головахъ, объединяющая цѣпь разрывается.

Также и блаженный Августинъ въ посланіи противъ Доната изъясняетъ: „Ты—Петръ, и на этомъ *камнѣ*, т. е. на *Петрѣ*, созижду Церковь Мою“; и хотя тотъ же Августинъ въ другомъ мѣстѣ объясняетъ, что „на камнѣ“ значитъ „на Христѣ“, такъ какъ, по мнѣнію апостола, камень есть Христосъ, однако, въ книгахъ, въ которыхъ онъ пересматриваетъ свое прежнее сочиненіе, онъ не раскаивается въ первомъ толкованіи. Также и блаженный Іеронимъ, въ первой книгѣ противъ пелагіанцевъ, говоритъ: „Петръ подобенъ Платону: какъ послѣдній былъ глава философовъ, такъ и первый—глава апостоловъ, на которой прочно основана Церковь Господня, которую не свалятъ ни напоръ воды, ни буря“. Также и блаженный Амвросій въ рѣчи 47 сказалъ: „Петръ былъ камнемъ“...

Лютеръ. Переходя къ главному, онъ (Экккъ) доказывалъ,

что Петръ и есть князь по божественному праву... Возражаю: докторъ Эккъ хотѣлъ доказать на основаніи божественнаго права и тотчасъ же, забывъ объ этомъ, ссылается на свидѣтельство Отцовъ, о которыхъ большей частью мы и трактовали, и видѣли, что иногда въ разныхъ мѣстахъ они мыслятъ различно, при чемъ значительное большинство чаще мыслитъ согласно съ моими положеніями, чѣмъ съ положеніями доктора.

Въ-третьихъ, онъ основалъ свое доказательство на томъ, что Августинъ въ изреченіи: „Ты—Петръ, т. е. камень, и на этомъ камнѣ“ и пр., слова: „на камнѣ“, толковалъ: на Петрѣ, при чемъ (Августинъ) и впослѣдствіи своего толкованія не измѣнилъ. Возражаю: какое же значеніе имѣетъ это для меня? Если хочетъ спорить со мной, пусть сначала примиритъ указанныя противорѣчія. Извѣстно, что Августинъ чаще толковалъ слово камень въ смыслѣ Христосъ и если случайно, одинъ разъ, въ смыслѣ Петръ, то это говоритъ скорѣе за меня, нежели противъ меня.

Но если бы даже Августинъ и всѣ Отцы подъ камнемъ разумѣли Петра, я одинъ возстану противъ нихъ на основаніи свидѣтельства апостола (т. е. божественнаго права), который, въ 3 посл. къ Кор., пишетъ: „Никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ того, которое положено, и которое есть Іисусъ Христосъ“,—и на основаніи свидѣтельства Петра (Пет. 2), гдѣ онъ называетъ Христа камнемъ живымъ и краеугольнымъ, призывая насъ построить на немъ духовное зданіе. Если же, напротивъ, Петръ былъ основаніемъ Церкви, то послѣдняя низошла бы до положенія служанки-привратницы, которую, однако, врата адовы не смогутъ одолѣть...

Мы часто говорили о греческихъ святыхъ. Этотъ вопросъ надо затронуть потому, что онъ (Эккъ) для возбужденія ненависти, долго восклицалъ: „для всѣхъ вѣрныхъ Христу должно быть ужаснымъ, что, вопреки постановленію столь славнаго и святого Констанцскаго собора, онъ (Лютеръ) не побоялся утверждать, что нѣкоторыя изъ положеній Гуса

суть христіанскія и евангельскія, которыхъ не можетъ осудить вселенская Церковь".

Возражаю: между положеніями Гуса есть и слѣдующее: „Святая вселенская Церковь есть единое собраніе избранныхъ"; затѣмъ другое: „Вселенская святая Церковь постольку едина, поскольку едино число всѣхъ избранныхъ". Третье: „Два свойства—божественность и человѣчность—составляютъ единаго Христа". Эти положенія, я думаю, признаетъ вмѣстѣ со мною и докторъ Іоаннъ Эккъ.

Эккъ. Хотя достопочтенный отецъ заимствуетъ свои аргументы у привратницы, намѣреваясь поймать меня, на томъ основаніи, что я потребовалъ отъ него разсматривать слова Христа въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ будто бы, по буквальному смыслу, (Матѳ. 16): „На этомъ камнѣ созижду" и т. д., и дамъ тебѣ и т. д., означаетъ, что Христосъ тогда только пообѣщалъ, но не далъ,—тѣмъ не менѣе я возражаю: Такъ какъ Христосъ есть путь, истина и жизнь, то, безъ сомнѣнія, надо вѣрить, что онъ далъ Петру то, что обѣщалъ.

Но онъ (Лютеръ) возражаетъ, что Христосъ далъ это не только Петру, но и всѣмъ апостоламъ тогда же, когда сказалъ: „Примите Духа Святого: кому отпустите грѣхи", и т. д. Не захотѣлъ достопочтенный отецъ объяснить, когда (Христосъ) далъ главенство Петру, потому что всѣ доктора согласны въ томъ, что на Тайной Вечери Христосъ сдѣлалъ учениковъ священнослужителями, сказавъ: „Творите это въ Мое воспоминаніе" (Лука, 22), и потомъ, въ день воскресенія далъ власть надъ мистическимъ тѣломъ: „примите Духа Святого". Главенство же и епископскую власть надъ всею Церковью обѣщалъ Петру: „Паси овецъ Моихъ".

Лютеръ. Въ качествѣ второго свидѣтельства божественнаго права о его (Петра) власти приведены слова: „Паси овецъ Моихъ". Я радъ, услышавши, наконецъ, черезъ три дня, хоть одно свидѣтельство божественнаго права, на которое прочно опирается его (Экка) положеніе; но разсмотримъ это свидѣтельство.

Прежде всего, его повидимому можно понимать двояко:

во-первыхъ—понимая слово diligere въ смыслѣ полагаться на себя и что-либо позволять, а слово pascere—въ смыслѣ быть первымъ, управлять. Тогда смыслъ будетъ такой: „Petre, si diligis me“, значитъ: „если будешь домогаться своего и дѣлать все то, что нравится твоимъ льстецамъ“; „Pasce oves meas“, будетъ значить: „будь первымъ и господиномъ надъ всѣми“. Такого смысла нѣтъ въ моемъ ученіи.

Во-вторыхъ, „Si diligis me“ значитъ: „если ты откажешься отъ себя самого и душу свою положишь за Меня, откажешься также отъ всякихъ почестей и ничего не будешь любить, кромѣ Меня“ (какъ превосходно объяснилъ Августинъ въ томъ же мѣстѣ); „паси овецъ Моихъ“, значитъ: учи, проповѣдуй, проси, подавай добрый примѣръ; ибо здѣсь это слово по-гречески не просто значитъ управлять и пасти, но ласково и съ нѣжностью заботиться и дѣлать все, чтобы овцамъ не было никакого вреда. Этотъ смыслъ я считаю евангельскимъ.

Поэтому прошу доктора Экка, да молитъ онъ вмѣстѣ со мною Господа Іисуса Христа—внушить не только верховному первосвященнику, но и всѣмъ священникамъ, чтобы они повѣрили, что эти слова касаются ихъ; нѣтъ сомнѣнія, что весь міръ съ распростертыми руками и проливая слезы избралъ бы такого человѣка, который сталъ бы слѣдовать этимъ словамъ. Поэтому, если благородный докторъ разсмотритъ внимательно текстъ, то (увидитъ), что тамъ дается не право и не привилегія, какъ кажется, но налагается обязанность.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

Лютеръ и правящая Германія.

39.

Посланіе Лютера къ Императору и христіанскому дворянству нѣмецкой націи объ улучшеніи христіанскаго состоянія.

24 іюня 1520 г.

Всесвѣтлѣйшему, вельможнѣйшему Императорскому Величеству и Христіанскому Дворянству Нѣмецкой Націи.

Д-ра Мартина Лютера.

Да помилуетъ и да укрѣпитъ Господь Богъ Васъ, Всесвѣтлѣйшій Государь, и Васъ, милостивѣйшіе и любезные Господа! Не самонадѣянность, не дерзновенность побудили меня, единичнаго и слабаго человѣка, заговорить съ Вами. Нужда и притѣсненія, тяжелымъ бременемъ лежащія на всемъ христіанствѣ, особливо же въ Германіи, принуждающія не меня только, но и всѣхъ людей, громко вопить, взывая о помощи, принудили меня и теперь взывать и молить, не воодушевитъ ли кого-нибудь Господь протянуть руку помощи несчастной націи. Много разъ соборы пытались вступиться, но всякій разъ кучка ловкихъ и коварныхъ людей не только мѣшала этимъ попыткамъ, но и усугубляла зло; злыя козни эти я и хочу теперь, съ Божьей помощью, ярко освѣтить, дабы всякъ узналъ ихъ, дабы они впредь не могли ни мѣшать, ни вредить.

Романисты[1]) съ великой ловкостью соорудили вокругъ себя три стѣны, коими и защищались до сихъ поръ, такъ что никто не могъ ихъ реформировать, и все христіанство пришло въ ужасное разореніе. Во-первыхъ: если имъ грозили свѣтской властью, они твердили и увѣряли, что свѣтская власть не имѣетъ надъ ними силы,—что, наоборотъ, духовная власть выше свѣтской. Во-вторыхъ: если ихъ хотѣли образумить ссылкой на Писаніе, они возражали, что никому, помимо папы, не дано толковать Писаніе. Въ-третьихъ: если

[1]) Защитники папскихъ притязаній.

имъ грозили соборомъ, они измышляли, что никто, кромѣ папы, не властенъ созвать его. Итакъ, да поможетъ намъ Господь, да дастъ Онъ намъ одну изъ тѣхъ трубъ, звуками которыхъ разрушены были стѣны Іерихона, чтобъ развѣять эти соломенныя и бумажныя стѣны.

Попытаемся пойти противъ первой стѣны.

Явно выдумано, что папа, епископы, священники, монахи—„духовнаго чина", а князья, рыцари, ремесленники, земледѣльцы—„свѣтскаго". Все это—хитрая выдумка, сплошная ложь; пусть никто не смущается этимъ, и вотъ почему: *всѣ* христіане по-истинѣ духовнаго званія, между ними нѣтъ никакой разницы, развѣ лишь по должности; ибо, какъ говоритъ и ап. Павелъ (къ Коринѳ. I, 12, 12 и слѣд.), мы всѣ—члены одного тѣла, но у каждаго члена свое отличное дѣло, которымъ онъ служитъ всѣмъ остальнымъ; у всѣхъ у насъ единое крещеніе, единое Евангеліе, единая вѣра—всѣ мы и одинаково равные христіане, ибо крещеніе, Евангеліе, вѣра—вотъ что дѣлаетъ насъ „духовными", вотъ что дѣлаетъ насъ христіанами. Всѣ мы крещеніемъ посвящаемся въ священство, какъ говоритъ ап Петръ (1, 2, 9): „Вы—родъ избранный, царственное священство"; какъ указываетъ и Откровеніе (5, 10): „И содѣлалъ васъ царями и священниками Богу нашему". Итакъ, (между мірянами и попами, князьями и епископами, или, какъ они называютъ, между „духовными" и „свѣтскими" въ дѣйствительности есть лишь различіе по должности и дѣлу, а не по званію: *всѣ* они духовнаго званія, всѣ они истинные священники, епископы, папы, но неодинаковое дѣло у всѣхъ, какъ и между священниками и монахами не всѣ дѣлаютъ одно и то же.) Посему я и утверждаю: разъ свѣтская власть установлена Господомъ карать злыхъ и охранять благихъ, то она свободно исполняетъ свое назначеніе во всемъ христіанствѣ, не взирая на лица, все равно обратится ли она противъ папы, епископовъ, поповъ, монаховъ, монахинь или еще кого-либо. Пусть свѣтская власть исполнитъ дѣло свое совершенно свободно, нелицемѣрно; кто виноватъ, тотъ и расплачивайся;

всѣ же доводы церковнаго права лишь дерзкія римскія измышленія.

Ибо такъ проповѣдуетъ ап. Павелъ всѣмъ христіанамъ (Римл. 13, 1, 4): „Всякая душа (думается, и папская тоже!) да будетъ покорна властямъ; ибо начальникъ не напрасно носитъ мечъ: онъ—Божій слуга". Такъ говоритъ и ап. Петръ (I, 2, 13): „Будьте покорны всякому человѣческому начальству ради Господа".

Третья стѣна рушится сама собой, разъ падутъ первыя двѣ. Ибо всякій разъ, когда папа дѣйствуетъ вопреки Писанію, мы обязаны защитить Писаніе, карать [1]) и принудить папу.

Переводъ Д. Н. Егорова.

40.

Письмо Лютера къ Спалатину

послѣ отлученія отъ церкви.

11 октября 1520 г.

Папская булла объ отлученіи Лютера отъ католической церкви была въ сентябрѣ 1520 г. привезена на его родину его горячимъ противникомъ, Іоанномъ Эккомъ, который лично хлопоталъ о ней въ Римѣ. Приводимое здѣсь письмо написано было Лютеромъ къ Спалатину подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ отъ папской буллы. Георгъ Спалатинъ, одинъ изъ наиболѣе довѣренныхъ совѣтниковъ курфюрста Фридриха Мудраго, подданнымъ котораго былъ Лютеръ, былъ связанъ съ послѣднимъ самой тѣсной дружбой и велъ съ нимъ оживленную переписку.

Виттенбергъ. 11 октября 1520 г.

Здравствуйте! Наконецъ прибыла сюда эта римская булла. Ее привезъ Эккъ. Наши пишутъ о ней болѣе подробно курфюрсту [2]). Я ее презираю и готовлюсь выступить противъ этой безбожной, лживой и отъ перваго слова до послѣдняго Экковской буллы [3]). Въ ней, какъ вы видите,

---

[1]) Въ смыслѣ „поучать"

[2]) Фридриху Мудрому.

[3]) Эккъ, дѣйствительно, принималъ участіе въ составленіи текста буллы.

самъ Христосъ осужденъ, и осужденъ безъ всякой мотивировки. Меня же не къ допросу привлекаютъ, а приглашаютъ къ отреченію. Замѣтьте, до какой степени они безумны въ своей ярости, въ своемъ ослѣпленіи, въ своемъ недомысліи: не видятъ, не размышляютъ. Я буду, впрочемъ, вести себя по отношенію къ буллѣ такъ, какъ если бы она была выдумана и подложна, и не буду упоминать имени папы, хотя и вѣрно, что она дѣйствительно оттуда прибыла. Ахъ, если бы Карлъ [1]) былъ мужественнымъ человѣкомъ и вступилъ въ битву съ приспѣшниками сатаны! За себя я не боюсь. Пусть будетъ, что угодно Богу. И того не знаю, что предпринимаетъ въ этомъ дѣлѣ князь [2]); самое лучшее въ его положеніи было бы держать себя такъ, какъ будто ему ничего неизвѣстно. Вѣдь въ Лейпцигѣ, какъ и всюду, къ буллѣ и Экку относятся съ презрѣніемъ. Вотъ почему я безпокоюсь, чтобы своей озабоченностью и безпокойствомъ мы не придали престижа буллѣ, которая иначе сама собой сойдетъ на нѣтъ и успокоится. Посылаю вамъ экземпляръ буллы, чтобы вы могли взглянуть на римское чудище.

Что до меня, то я радъ отъ всего сердца, что приходится страдать за столь хорошее дѣло мнѣ, недостойному столь святого страданія. Теперь я гораздо свободнѣе, такъ какъ убѣдился, что папа—антихристъ, и папскій престолъ—сѣдалище сатаны.

. . . .

Мартинъ Лютеръ, Августинецъ [3]).

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

---

[1]) Императоръ Карлъ V.

[2]) Курфюрстъ Фридрихъ Мудрый.

[3]) Любопытно, что, Лютеръ все еще продолжаетъ нѣкоторое время, даже послѣ папской буллы объ отлученіи отъ церкви, подписываться *Августинецъ* (т. е. монахъ Августинскаго ордена).

41.

Рѣчь Лютера

на Вормсскомъ Сеймѣ.

18 апрѣля 1521 г.

На сеймѣ, созванномъ въ 1521 г. императоромъ Карломъ V въ Вормсѣ, кромѣ обсужденія дѣлъ внѣшней политики, надо было рѣшить вопросъ о религіозныхъ смутахъ, начавшихся въ Германіи послѣ выступленія Лютера съ тезисами противъ индульгенцій. Лютеръ, приглашенный на этотъ сеймъ, явился, съ рискомъ для своей жизни, и въ отвѣтъ на предложеніе отречься отъ своихъ мнѣній, произнесъ 18 апрѣля приводимую ниже рѣчь, въ которой онъ заявилъ, что не можетъ отречься отъ своихъ мнѣній, если его не убѣдятъ доводами разсудка или ссылками на Св. Писаніе. Кромѣ высказаннаго здѣсь новаго тогда еще принципа, принципа свободы совѣсти, Лютеръ обнаружилъ въ своей рѣчи большой патріотизмъ, выразивъ рѣшительный протестъ противъ тираннiи римскихъ папъ, тяготѣвшей надъ Германіей.

Пресвѣтлѣйшій, могущественнѣйшій Императоръ! Милостивѣйшіе курфюрсты и князья и милостивые господа! По истеченіи срока для размышленія, назначеннаго мнѣ вчера вечеромъ, я, повинуясь данному мнѣ приказанію, явился и, во имя милосердія Божія, прошу Ваше Императорское Величество и васъ, милостивые господа, выслушать благосклонно (на что я надѣюсь) эти слова справедливости и истины. И если я, по своему невѣжеству, буду кого-либо величать не такъ, какъ это соотвѣтствуетъ его прирожденному званію, или же какимъ-нибудь образомъ нарушу придворные порядки, то прошу мнѣ это милостиво простить, какъ человѣку, который не воспитывался при княжескомъ дворѣ, но съ юныхъ лѣтъ выросъ въ монастырскихъ стѣнахъ и сжился съ ними,—какъ человѣку, который можетъ о себѣ сказать лишь то, что онъ до сихъ поръ писалъ и училъ съ большой простотой сердца, и что ничего другого не искалъ на землѣ, кромѣ славы Божіей и правильнаго наставленія вѣрующихъ во Христа.

Всемилостивѣйшій Императоръ, милостивѣйшіе курфюрсты и князья и милостивые господа! Изъ двухъ вопросовъ, предложенныхъ мнѣ вчера Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и вашими милостями, именно, признаю ли я своими перечисленныя книжки, вышедшія въ свѣтъ отъ моего имени, и буду ли я упорствовать въ ихъ защитѣ, или же отрекусь отъ нихъ,—на первый я далъ ясный отвѣть, который еще разъ подтверждаю и вѣчно буду подтверждать, а именно, что эти книги, изданныя отъ моего имени,—мои. Если же вдругъ случилось бы, что мои недоброжелатели, путемъ ли поддѣлки или какого-нибудь безчестнаго ухищренія, что-либо въ нихъ измѣнили или же выбросили, то я ничего другого въ нихъ не защищаю, кромѣ того, что принадлежитъ мнѣ, написано только мной, и исключаю всякое со стороны всѣхъ другихъ добавленіе, объясненіе и толкованіе.

Что же касается моего отвѣта на второй вопросъ, то я покорнѣйше прошу Ваше Величество и ваши милости обратить серьезное вниманіе на то, что мои книги не всѣ одного рода. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ я излагаю блага вѣры и нравственности настолько въ духѣ Евангелія и такъ просто, что даже мои противники должны признать ихъ полезными и вполнѣ достойными того, чтобы христіане ихъ читали. Даже булла (въ иныхъ мѣстахъ яростная и безпощадная) признаетъ таковыми нѣкоторыя изъ моихъ книгъ, осуждая впрочемъ и ихъ, вопреки всякой логикѣ. Если бы я сталъ опровергать эти книги, то не началъ бы я одинъ изъ всѣхъ людей осуждать истину, которую одинаково признаютъ и друзья и недруги, не пошелъ бы одинъ я противъ общаго и единодушнаго мнѣнія.

Другого рода мои книги—это тѣ, которыя направлены противъ папства и папскихъ дѣйствій и предпріятій, равно какъ и противъ тѣхъ людей, которые своимъ вреднѣйшимъ ученіемъ и примѣрами портятъ и разрушаютъ какъ душу, такъ и тѣло. Этого нельзя ни опровергнуть ни скрыть, такъ какъ опытъ всѣхъ людей и сѣтованія всѣхъ вопи-

танныхъ въ духѣ человѣчности показываютъ, что, благодаря папскому закону и ученію этихъ людей, совѣсть вѣрующихъ во Христа самымъ отвратительнымъ образомъ подверглась плѣну, мученіямъ и пыткамъ; кромѣ того, матеріальныя средства прежде столь славной нѣмецкой націи, благодаря невѣроятной тиранніи, растрачены и разграблены и теперь еще растрачиваются безъ конца...

Если бы я отрекся отъ этихъ книгъ, то тѣмъ самымъ я лишь усилилъ бы вышеуказанную тиранію, а папской, въ высокой степени нехристіанской, дѣятельности открылъ бы не только окна, но и двери, и тираннія свирѣпствовала бы и вредила съ большимъ просторомъ и свободой, чѣмъ она осмѣливалась до сихъ поръ. Черезъ опубликованіе же моего отреченія, царство ихъ безстыднѣйшаго и достойнаго всяческаго наказанія злодѣйства станетъ для бѣднаго, несчастнаго народа нестерпимымъ и, тѣмъ не менѣе, утвердится и окрѣпнетъ, особенно если скажутъ, что это (отреченіе) произошло благодаря настоянію Вашего Императорскаго Величества и всей римской имперіи. Боже Мой, какимъ бы я былъ постыднымъ покровителемъ злодѣйства и тиранніи!

Третьяго рода книги—это тѣ, которыя я написалъ противъ нѣкоторыхъ особенныхъ, необыкновенныхъ людей, именно—противъ тѣхъ, которые осмѣлились защищать римскую тиранію и отвергать то служеніе Богу, которое я проповѣдовалъ. На нихъ я, признаюсь, нападалъ болѣе горячо, чѣмъ это приличествуетъ званію христіанина. Но я вѣдь не выдаю себя за святого. Кромѣ того, я вступаю въ споръ не изъ-за жизни своей, но изъ-за ученія Христа. Я не могу отречься отъ этихъ книгъ также и потому, что въ результатѣ моего отреченія ихъ тиранническая, яростная и бѣшеная толпа, благодаря моей защитѣ и покровительству, стала бы править и господствовать много коварнѣе, чѣмъ они до сихъ поръ правили и господствовали,—стали бы безжалостно обращаться съ Божьимъ народомъ.

Такъ какъ Ваше Императорское Величество хотите

прямого отвѣта, то я смиренно отвѣчу слѣдующимъ образомъ: пусть убѣдятъ меня путемъ доказательствъ изъ Писанія или же путемъ ясныхъ доводовъ (такъ какъ я не вѣрю ни папѣ ни соборамъ, ибо ясно, что послѣдніе много разъ ошибались и говорили противъ самихъ себя); меня убѣдило Писаніе, мѣста изъ котораго я часто привожу, и я связанъ въ своей совѣсти словомъ Божіимъ; поэтому я ни отъ чего не могу, да и не хочу отречься, потому что говорить противъ совѣсти тягостно, нечестиво и опасно. Богъ да поможетъ мнѣ. Аминь.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

42.

Вормсскій эдиктъ.

26 мая 1521 г.

Вслѣдствіе отказа Лютера отречься отъ осужденныхъ папой мнѣній, папскій нунцій Алеандеръ настаивалъ на объявленіи надъ нимъ имперской опалы, то-есть объявленія его внѣ покровительства законовъ. Въ виду того, что среди членовъ сейма было много лицъ, настроенныхъ благопріятно по отношенію къ Лютеру, вопросъ объ опалѣ надъ нимъ былъ отложенъ до конца сейма, а затѣмъ былъ поставленъ послѣ того, какъ большинство сочувствовавшихъ Лютеру членовъ сейма разъѣхались по домамъ. Эдиктъ, принятый 25 мая и подписанный императоромъ 26 мая, былъ оффиціально помѣченъ заднимъ числомъ, именно 8 мая. Текстъ эдикта приводится здѣсь съ сокращеніями.

Въ виду того, что Лютеръ со всѣмъ упорствомъ и лживостью настаиваетъ на своихъ явно еретическихъ мнѣніяхъ, и черезъ то всѣми, имѣющими страхъ Божій и разумъ, считается безумнымъ или одержимымъ злымъ духомъ,—мы, согласно съ нашей охранной грамотой, въ двадцать пятый день недавно прошедшаго апрѣля мѣсяца, приказали ему тотчасъ же убраться съ нашихъ глазъ и послали къ нему глашатая объявить, что онъ, съ этого 25 дня апрѣля, въ теченіе слѣдующихъ ближайшихъ двадцати дней, будетъ имѣть отъ насъ свободный и безопасный пропускъ, каковой,

по истеченіи указанныхъ двадцати дней, долженъ кончиться; дольше же терпѣть его нельзя; надо будетъ послѣ этого, наконецъ, взяться за надлежащія средства противъ этой тяжелой язвы, о чемъ идетъ дальше рѣчь.

Во-первыхъ, мы хотимъ, чтобы никто изъ васъ, безъ всякаго исключенія (именно: никто изъ князей, чиновъ и подданныхъ), по истеченіи упомянутыхъ двадцати дней, которые окончатся въ четырнадцатый день настоящаго мая мѣсяца, не принималъ вышеупомянутаго Лютера на жительство, не давалъ ему ни ѣсть, ни пить, не укрывалъ его, не оказывалъ ему, словами ли, дѣломъ ли, тайно или явно, помощи и содѣйствія. Но, гдѣ бы онъ ни появился, вы, если узнаете объ этомъ, арестуйте его и отошлите подъ стражей къ намъ, или же велите это сдѣлать, или, по крайней мѣрѣ (если не удастся его схватить), немедленно насъ извѣстите. И вы за такое святое дѣло, равно какъ за ваши труды и расходы, получите достаточное вознагражденіе. Также противъ его родственниковъ, приверженцевъ, покровителей, сообщниковъ, почитателей и послѣдователей и ихъ движимаго и недвижимаго имущества, вы должны, на основаніи святого закона и въ силу нашей и всего государства опалы, мудро поступать,—именно бить ихъ и хватать, брать себѣ ихъ имущество, обращать въ свою пользу и безпрепятственно оставлять за собой, если бы даже, при помощи искуснаго обмана, они показывали, что покинули этотъ путь и добиваются папскаго отпущенія.

Далѣе, мы повелѣваемъ всѣмъ и также вамъ въ особенности, подъ страхомъ назначеннаго за это наказанія, чтобы никто изъ васъ вышеназванныхъ сочиненій Лютера, нашимъ святымъ отцомъ папой, какъ сказано выше, осужденныхъ, и всякихъ другихъ сочиненій, изданныхъ до сихъ поръ, по-латыни ли, или по-нѣмецки, или на какомъ-либо иномъ языкѣ, не покупалъ, не продавалъ, не читалъ, не держалъ у себя, не переписывалъ, не печаталъ, не отдавалъ въ печать, какъ сочиненій злыхъ и подозрительныхъ и исходящихъ отъ явнаго и упорнаго еретика; (повелѣваемъ

также, чтобы никто не подчинялся его ученію, не поддерживалъ его, не распространялъ и не защищалъ.

И чтобы все это было исполнено, чтобы оказано было довѣріе (этой грамотѣ), мы къ ней приложили нашу императорскую печать. Дана въ нашемъ и священной римской имперіи городѣ Вормсѣ, въ восьмой день мѣсяца мая, въ лѣто по Рождествѣ Христовѣ 1521, нашего же царствованія въ римскомъ государствѣ второе, а во всѣхъ прочихъ шестое.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

43.

Протестація двадцати имперскихъ чиновъ.

19 апрѣля 1529 г.

Когда на имперскомъ сеймѣ въ Шпейерѣ, въ 1529 г., католическимъ большинствомъ было принято постановленіе, запрещавшее дальнѣйшее распространеніе лютеранской реформаціи, то лютеранское меньшинство отказалось подчиниться этому постановленію, ссылаясь на то, что религіозные вопросы, какъ дѣло личнаго убѣжденія и личной совѣсти, не могутъ быть рѣшаемы большинствомъ голосовъ. Въ этомъ смыслѣ, 19 апрѣля, была вручена императору письменная *Протестація*, подписанная шестью князьями (Іоанномъ Саксонскимъ, Георгомъ Бранденбургскимъ, Эрнстомъ Брауншвейскимъ, Францискомъ Люнебургскимъ, Филиппомъ Гессенскимъ, Вольфгангомъ Ангальтскимъ) и представителями четырнадцати имперскихъ городовъ (Страсбурга, Нюрнберга, Ульма, Констанца, Линдау, Меммингена, Кемптена, Нердлингена, Гейльбронна, Рейтлингена, Isни, Санъ-Галлена, Вейсенбурга, Виндсгейма). Отъ этой *Протестаціи* и пошло названіе *протестантовъ*—для послѣдователей лютеранской реформаціи, а затѣмъ и другихъ аналогичныхъ теченій въ католической церкви.

Божіею милостію Іоаннъ, герцогъ Саксонскій, объявляемъ во всеобщее свѣдѣніе: послѣ того какъ Римское Императорское Величество, нашъ всемилостивѣйшій господинъ, недавно созвалъ общій рейхстагъ и повелѣлъ курфюрстамъ, князьямъ и чинамъ явиться въ Шпейеръ, въ недавно про-

шедшее 2-е въ великомъ посту воскресеніе, мы, руководясь должнымъ Его Императорскому Величеству подданническимъ повиновеніемъ, явились туда собственной персоной, съ намѣреніемъ обсудить вмѣстѣ съ другими курфюрстами, князьями и чинами, вопросы, перечисленные въ вышеупомянутой императорской созывной грамотѣ и оказать помощь своимъ мнѣніемъ и совѣтомъ.

Затѣмъ мы, по многимъ вѣскимъ и очень важнымъ причинамъ—ибо наша совѣсть и долгъ требуютъ, чтобы мы были вѣрны Богу, нашему Творцу—на нынѣшнемъ рейхстагѣ, вмѣстѣ съ нашими друзьями (именно: съ высокородными князьями: господиномъ Георгомъ, маркграфомъ Бранденбургскимъ и т. д., господиномъ Эрнстомъ и господиномъ Францискомъ, братьями, герцогами Брауншвейгскимъ и Люнебурскимъ, господиномъ Филиппомъ, ландграфомъ Гессенскимъ и т. д., княземъ Вольфгангомъ Ангальтскимъ, нашими любезными дядей, кузенами, кумомъ и зятемъ), объявляемъ, что съ вышеозначеннымъ принятымъ постановленіемъ не имѣли ничего общаго и согласиться съ нимъ не хотимъ и не можемъ...

Вслѣдствіе чего мы противъ этого совершеннаго и принятого измѣненія предыдущаго шпейерскаго постановленія и противъ связанныхъ съ этимъ тягостныхъ пунктовъ публично протестовали вмѣстѣ со всѣми нашими друзьями. Къ этому протесту присоединились послы изъ нѣкоторыхъ сосѣднихъ свободныхъ имперскихъ городовъ. Слова этого заявленнаго нами протеста, который мы потребовали присоединить въ письменномъ изложеніи къ императорскимъ актамъ, суть, между прочимъ, слѣдующія. Именно:

Мы нашли, что Ваша милость и вы [1]) рѣшили упорствовать въ своемъ намѣреніи и никакъ не хотите устранить упомянутыхъ важныхъ причинъ и избавить насъ отъ затрудненій (о которыхъ мы вездѣ будемъ твердить и напоминать, потому что это намъ повелѣваетъ совѣсть, а также потому, что такое Вашей милости и ваше рѣшеніе никоимъ образомъ

[1]) Король Фердинандъ и чины принадлежащіе къ большинству сейма.

(пока не будетъ собора) не можетъ служить къ поддержанію мира и единства, вслѣдствіе указаннаго царящаго раздора; кромѣ того, вы ничего не хотите сдѣлать, чтобы мы могли присоединиться къ вашему постановленію. Поэтому мы заявляемъ, что (въ виду много разъ упомянутыхъ затрудненій), большая и непреодолимая нужда заставляетъ насъ открыто протестовать противъ рѣшенія, на которое указано Вашей милости и вамъ, какъ на ничтожное и безсильное, благодаря упомянутому послѣднему постановленію, для насъ же, для нашихъ, да и для всякаго — недѣйствительное, что мы въ настоящее время и дѣлаемъ. (Мы объявляемъ также), что, по приведеннымъ причинамъ, не можемъ и не хотимъ къ нему присоединяться, но считаемъ это Вашей милости и ваше рѣшеніе не дѣйствительнымъ, и что мы протестовали противъ Вашей милости и васъ, и хотимъ въ дѣлахъ религіи пока такъ держать себя, жить и управлять, какъ позволяетъ это намъ отвѣтственность передъ всемогущимъ Богомъ и Римскимъ Императорскимъ Величествомъ, нашимъ всемилостивѣйшимъ господиномъ.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

44.

Аугсбургское исповѣданіе.

25 іюня 1530 г.

Карлъ V, задавшись цѣлью такъ или иначе одержать верхъ надъ протестантами, сдѣлалъ въ 1530 году на сеймѣ въ Аугсбургѣ послѣднюю попытку подчинить ихъ себѣ мирнымъ путемъ. Въ надеждѣ на уступки въ области религіознаго ученія со стороны протестантовъ, Карлъ приказалъ имъ письменно изложить и прочесть предъ императоромъ и чинами сейма свое исповѣданіе вѣры. 25-го іюня саксонскій канцлеръ прочелъ въ присутствіи императора документъ давно уже вырабатывавшійся и окончательно редактированный Меланхтономъ. Этотъ документъ и получилъ всеобщую извѣстность подъ именемъ *Аугсбургскаго исповѣданія*. Со стороны католиковъ было прочтено смягченное потомъ императоромъ опроверженіе, присоединиться къ

которому тщетно приказывалъ онъ протестантамъ. Аугсбургское исповѣданіе имѣло для послѣдователей Лютера то значеніе, что оно способствовало ихъ религіозному объединенію, окончательно формулировавъ ихъ вѣроученіе. Здѣсь приводятся наиболѣе существенныя части *Аугсбургскаго исповѣданія*.

О покаяніи мы учимъ, что тѣмъ, которые согрѣшили послѣ крещенія, всякій разъ, когда они каются и добиваются отпущенія грѣховъ, церковь не должна отказывать въ этомъ; но истинное покаяніе есть ничто иное, какъ раскаяніе и сокрушеніе или ужасъ передъ грѣхами и въ то же время вѣра въ Евангеліе и въ прощеніе,—именно въ то, что грѣхи прощаются, и черезъ Христа пріобрѣтается милость,—при чемъ эта вѣра приноситъ сердцу опять утѣшеніе и дѣлаетъ его довольнымъ.

Поэтому... тѣ отвергаются, которые учатъ, что прощеніе грѣховъ достигается не вѣрой, а нашими добрыми дѣлами...

О свободной волѣ мы учимъ, что человѣкъ имѣетъ ее въ нѣкоторой степени, (достаточной) для того, чтобы вести честную внѣшнюю жизнь и выбирать между вещами, какъ подсказываетъ разумъ. Но безъ Божьей милости, помощи и дѣйствія Святого Духа человѣкъ не можетъ сдѣлаться угоднымъ Богу, питать отъ чистаго сердца страхъ Божій и вѣрить, или изгонять изъ сердца дурныя наклонности; все это получается лишь отъ Святого Духа, который дается по Слову Божію. Ибо ап. Павелъ говоритъ (I Кор., II.): „естественный человѣкъ ничего не воспринимаетъ отъ Духа Божьяго".

И вмѣстѣ съ тѣмъ легко обнаружить, что въ этомъ ученіи нѣтъ никакого новшества, какъ показываютъ ясныя слова св. Августина о свободной волѣ, выписанныя здѣсь изъ третьей книги *Hypognosticon'а* о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ.

Нашимъ несправедливо приписываютъ, что они отвергаютъ добрыя дѣла. Дѣйствительно, сочиненія о десяти заповѣдяхъ и другія доказываютъ, что они совершали полезныя бе-

сѣды и увѣщанія объ истинномъ христіанскомъ званіи и добрыхъ дѣлахъ, о чемъ до сихъ поръ мало учили. Но наши во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ высказывались противъ ребяческихъ, ненужныхъ дѣлъ. Эти безполезныя дѣла вызываютъ осужденіе съ нашей стороны не въ большей степени, чѣмъ въ прежнее время. Кромѣ того, наши научились говорить о вѣрѣ, о которой раньше они ничего не проповѣдовали; при этомъ они учатъ, что мы оправдываемся предъ Богомъ не только добрыми дѣлами, но требуютъ еще вѣру въ Христа и говорятъ: вѣра и дѣла оправдываютъ насъ предъ Богомъ. Такія рѣчи приносятъ больше утѣшенія, чѣмъ ученіе полагаться только на добрыя дѣла.

Это ученіе о вѣрѣ открыто и ясно приводится во многихъ мѣстахъ у ап. Павла... И что здѣсь не дается какого-либо новаго толкованія, можно доказать изъ св. Августина, который усердно трактуетъ объ этомъ предметѣ и учитъ, что мы пріобрѣтаемъ милость и оправданіе предъ Богомъ чрезъ вѣру во Христа, а не добрыми дѣлами, какъ показываетъ вся его книга *De Spiritu et Littera*.

. . . .

Далѣе мы учимъ, что добрыя дѣла должны совершаться, но не потому, что мы разсчитываемъ заслужить ими милость, но ради Бога и во славу Божію. Одной лишь вѣрой во всѣ времена пріобрѣталась милость и прощеніе грѣховъ. И (только) потому, что черезъ вѣру дается Духъ Святой, сердце настраивается дѣлать добрыя дѣла.

Ибо прежде, когда были безъ Святого Духа, было плохо; къ тому же многое дѣлалось силою дьявола, который бѣдную человѣческую природу вовлекаетъ во всякіе грѣхи, какъ это мы видимъ изъ примѣра философовъ, стремившихся жить честно и безупречно, но не исполнившихъ этого и впавшихъ въ большіе грѣхи. То же происходитъ и съ человѣкомъ, пребывающимъ внѣ истинной вѣры, безъ Святого Духа, и управляющимъ собой при помощи только собственныхъ человѣческихъ силъ.

О епископской власти.—Съ давнихъ поръ много и раз-

лично писали о власти епископовъ. Нѣкоторые непристойнымъ образомъ смѣшивали другъ съ другомъ епископскую власть и свѣтскій мечъ, и отъ этого безпорядочнаго смѣшиванія происходятъ великія войны, мятежи и возстанія, а также и отъ того, что епископы въ блескѣ своей власти, данной имъ Христомъ, не только учреждаютъ новое богослуженіе, и путемъ присвоенія себѣ нѣкоторыхъ правъ и произвольнымъ отпущеніемъ обременяютъ (людскую) совѣсть, но и отваживаются сажать на тронъ и смѣщать по своему произволу императоровъ и королей. Въ этой дерзости уже съ давнихъ поръ изобличаютъ ихъ ученые и богобоязненные христіане. Поэтому наши принуждены успокоить людскую совѣсть и указать на различіе духовной и свѣтской власти, меча и управленія.

Духовная власть имѣетъ своимъ назначеніемъ проповѣдовать Евангеліе и совершать таинства; она не должна брать на себя чуждыя ей обязанности, сажать на тронъ и смѣщать королей, не должна уничтожать или приводить въ разстройство свѣтскіе законы и повиновеніе властямъ, а также дѣлать свѣтской власти предписанія въ свѣтскихъ дѣлахъ. Ибо Христосъ сказалъ: „царство Мое не отъ міра сего“.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

45.

Аугсбургскій религіозный миръ.

25 сентября 1555 г.

Въ виду обширности документа, здѣсь приводятся лишь наиболѣе важныя изъ статей (частью въ сокращеніи) этого трактата.

Ст. XV. Чтобы установить миръ въ Священной Имперіи Германской Націи между Римскимъ Императорскимъ Величествомъ и курфюрстами, князьями и чинами — пусть ни его Императорское Величество, ни курфюрсты, князья и т. д. не чинятъ никакому чину Имперіи никакого насилія или зла по поводу Аугсбургскаго исповѣданія, но предоставятъ имъ въ мирѣ придерживаться своихъ религіозныхъ убѣ-

жденій, литургіи и обрядовъ, равно какъ пользоваться и своимъ состояніемъ и другими правами и привилегіями; и полный религіозный миръ долженъ быть достигнутъ только христіанскими средствами согласія или же страхомъ наказанія въ формѣ имперской опалы.

XVI. Равнымъ образомъ, имперскіе чины, придерживающіеся Аугсбургскаго исповѣданія, не будутъ мѣшать всѣмъ чинамъ и князьямъ, придерживающимся старой религіи, жить въ полномъ мирѣ и пользоваться всѣми ихъ состояніями, правами и привилегіями.

XVII. Однако всѣ не принадлежащіе къ двумъ вышеупомянутымъ вѣроисповѣданіямъ не будутъ включены въ настоящій трактатъ, но будутъ совершенно исключены изъ него.

XVIII. Такъ какъ выяснилось, что предметомъ большого спора является вопросъ о судьбѣ епископскихъ, монастырскихъ и другихъ церковныхъ бенефиціевъ тѣхъ католическихъ духовныхъ лицъ, которыя съ теченіемъ времени оставятъ старую религію, то мы, въ силу полномочій, полученныхъ отъ Римскаго Императора, постановили слѣдующее: если архіепископъ, епископъ, прелатъ или какое-либо иное духовное лицо нашей старой католической религіи откажется отъ нея, то ихъ архіепископскіе, епископскіе, прелатскіе и прочіе бенефиціи со всѣми ихъ доходами должны быть оставлены ими безъ дальнѣйшихъ возраженій или промедленій. Монастыри и тѣ, кто на то имѣетъ право по общему закону или по мѣстному обычаю, изберутъ лицо исповѣдующее старую религію, которое можетъ вступить во владѣніе и пользованіе всѣми правами и доходами бенефиція, безъ какихъ бы то ни было дальнѣйшихъ препятствій и безъ предрѣшенія какого-либо окончательнаго полюбовнаго религіознаго соглашенія.

XIX. Такъ какъ нѣкоторые изъ аббатствъ, монастырей и другихъ церковныхъ учрежденій были конфискованы и обращены въ церкви, школы и благотворительныя учрежденія, то симъ повелѣвается, чтобы подобныя учрежденія, первоначальные собственники которыхъ не владѣли ими во

время договора въ Пассау (1552), были включены въ настоящій мирный договоръ.

XX. Примѣнявшаяся до сихъ поръ церковная юрисдикція относительно Аугсбургскаго исповѣданія, догмы, назначенія духовныхъ лицъ, церковныхъ распоряженій и службы (исключая правъ курфюрстовъ, князей, коллегій и монастырей на денежныя подати и десятины) отнынѣ прекратится, и послѣдователямъ Аугсбургскаго исповѣданія будетъ предоставлено свободно и безпрепятственно отправлять богослуженіе и обряды и назначать духовныхъ лицъ, какъ то установлено въ нижеслѣдующей отдѣльной статьѣ, впредь до окончательнаго религіознаго соглашенія.

XXIII. Никакой имперскій чинъ не долженъ пытаться убѣждать подданныхъ другихъ чиновъ оставить свою религію или защищать ихъ противъ ихъ собственныхъ властей. Тѣ, кто имѣетъ отъ старыхъ временъ права патроната, не включены въ настоящую статью.

XXIV. Въ случаѣ если наши подданные, принадлежащіе къ старой религіи или же къ Аугсбургскому исповѣданію, вознамѣрятся со своими женами и дѣтьми оставить свои дома, чтобы поселиться въ другомъ мѣстѣ, никто не долженъ препятствовать имъ продавать свое имущество послѣ уплаты ими надлежащихъ мѣстныхъ податей, или же наносить оскорбленіе ихъ чести.

Переводъ Н. И. Никифорова.

---

3. Политическія и соціальныя отношенія въ Германіи въ эпоху реформаціи.

46.

Императоръ Максимильянъ I

въ характеристикѣ современника.

1493—1519.

Приводимая ниже характеристика Максимильяна I принадлежитъ его духовнику и тайному совѣтнику Іосифу Грюнбеку, написавшему *Исторію Максимильяна I.*

Императоръ еще съ юности много предавался всякаго рода охотѣ на звѣрей и на птицъ. Какъ только онъ приходилъ въ дурное расположеніе духа или чувствовалъ себя нездоровымъ, онъ садился на коня и проводилъ на охотѣ цѣлый день, часто безъ ѣды и питья. Онъ не боялся взбираться, въ погонѣ за сернами, на неприступныя скалы. Съ юности у него была сильная страсть къ поединку на коняхъ, и онъ пріобрѣлъ такой навыкъ въ этомъ состязаніи, что никто не могъ съ нимъ сравняться ни изъ земляковъ, ни изъ чужестранцевъ.

Не меньше усердія проявлялъ онъ къ зрѣлищамъ— иностранный обычай, который онъ заимствовалъ у французовъ и нидерландцевъ, и который онъ привилъ въ Верхней Германіи.

Онъ не только заставлялъ изображать подвиги древнихъ въ танцахъ, примѣрныхъ сраженіяхъ и играхъ въ древнихъ одеждахъ и съ древними украшеніями и оружіемъ, но придумывалъ и устраивалъ, въ видѣ всенароднаго зрѣлища,

новыя, до сихъ поръ еще невиданныя и неслыханныя игры, при чемъ часто—съ большими денежными затратами.

Далѣе, онъ не забывалъ и научныхъ занятій. Поскольку ему позволяли государственныя дѣла, онъ что-нибудь писалъ или диктовалъ своимъ писцамъ. Съ особеннымъ усердіемъ онъ занимался географіей и исторіей. Какой у него былъ умъ, о томъ свидѣтельствуютъ изданныя имъ сочиненія, записанныя мною съ его словъ, часто въ присутствіи многихъ князей, его камердинеровъ и секретарей. Эти памятники его ума хранятся у меня и теперь, особенно его воспоминанія о своихъ подвигахъ; затѣмъ—книжка о свойствахъ животныхъ съ практическими замѣчаніями о разныхъ предметахъ, далѣе—небольшое сочиненіе о пословицахъ и разныя другія сочиненія.

Никто не можетъ сказать, что онъ проявлялъ когда-либо надменность въ словахъ или въ поступкахъ. Онъ не скупился на ласковыя слова ни для кого, даже для людей самаго низкаго положенія. Милостиво принималъ ихъ прошенія и жалобы на притѣсненія со стороны другихъ. Въ теченіе дня онъ два или три раза занимался выслушиваніемъ частныхъ дѣлъ; если кого-нибудь охватывала робость, то онъ ободрялъ его и заставлялъ изложить его дѣло. Если просители бросались предъ нимъ на колѣни, то онъ никогда, за рѣдкими исключеніями, не позволялъ имъ говорить въ такомъ унизительномъ положеніи; онъ собственноручно поднималъ ихъ и выслушивалъ ихъ просьбы.

Въ придумываніи разнаго рода вещей и новыхъ изобрѣтеній онъ былъ настолько остроуменъ и настойчивъ, что превосходилъ всѣхъ выдающихся спеціалистовъ. Прежде всего онъ изобрѣлъ способъ разбирать военныя машины на небольшія части и такимъ образомъ, безъ большого труда, усилій и бѣготни туда и сюда людей и животныхъ, устанавливать ихъ на телѣги и легко перевозить, куда угодно. Во время своихъ походовъ въ Верхней Германіи онъ употреблялъ придуманныя имъ желѣзныя пули; вообще, имъ изобрѣтено все, что теперь въ военномъ дѣлѣ является рѣд-

кимъ, новымъ и страшнымъ. Также у него были замѣчательныя способности къ всевозможнымъ мастерствамъ, причемъ онъ работу выполнялъ съ величайшимъ искусствомъ. Такъ, онъ выковывалъ изъ желѣза стрѣлы съ такой легкостью какъ если бы онъ этимъ дѣломъ занимался съ юности.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

47.

Императоръ Карлъ V

въ характеристикѣ современника.

1519—1555.

Изъ автобіографіи Варѳоломея Застрова.

29-го августа 1547 года я пріѣхалъ въ Аугсбургъ и остановился въ простой гостиницѣ на винной ярмаркѣ.

Въ концѣ іюля пріѣхалъ Его Императорское Величество со всей своей свитой. Ландграфа онъ оставилъ съ однимъ испанцемъ въ Донаувертѣ, плѣннаго же курфюрста онъ привезъ съ собой въ Аугсбургъ и помѣстилъ его въ домѣ Вельзеровъ, расположенномъ недалеко отъ винныхъ ярмарочныхъ складовъ и отдѣлявшемся двумя домами отъ императорскаго дворца и небольшимъ переулкомъ отъ моей гостиницы. Черезъ сосѣдніе дома императоръ велѣлъ проложить мостъ и провести его надъ переулкомъ, чтобы можно было переходить изъ императорской квартиры въ квартиру курфюрста.

У курфюрста былъ собственный поваръ; онъ держалъ также при себѣ собственнаго канцлера фонъ-Минквица и собственную прислугу, такъ что испанцамъ не зачѣмъ было входить въ его комнаты и спальню. Впрочемъ, герцогъ Альба и другія знатныя особы при императорскомъ дворѣ входили къ нему; они развлекали его дружескимъ разговоромъ и разными шутками.

Его Императорское Величество, какъ только прибылъ въ Аугсбургъ, велѣлъ воздвигнуть посреди города, возлѣ ратуши, къ великому ужасу (жителей), висѣлицу и рядомъ

еще полувисѣлицу, у которой сѣкли розгами; какъ разъ противъ послѣдней поставлены были подмостки вышиной приблизительно въ ростъ средняго человѣка, на которыхъ колесовали, обезглавливали, удавливали.

Этотъ сеймъ былъ не только собраніемъ вооруженныхъ людей, но состоялъ изъ знатныхъ лицъ и отличался блескомъ. Господа, бывшіе на сеймѣ, великолѣпно пировали, почти каждый день танцовали иностранные и нѣмецкіе танцы, такъ какъ въ мѣстопребываніи сейма было много женщинъ изъ королевской семьи и княжескихъ семействъ, съ большимъ числомъ придворныхъ, княжескихъ и графскихъ фрейлинъ изъ знатнаго рыцарскаго сословія.

Особенно у короля Фердинанда рѣдко не было гостей; ихъ роскошно угощали, забавляли ихъ разнаго рода пышными танцами. У него былъ не только великолѣпный, стройный оркестръ, но и хоръ. Наряду съ другими забавами, за его спиной находился болтливый шутъ, котораго онъ не стѣснялъ и постоянно обращался къ нему съ шутливымъ разговоромъ. У него обыкновенно сидѣли за столомъ обоего пола лица королевскаго, курфюршескаго и княжескаго званія, съ которыми онъ безпрестанно поддерживалъ веселую бесѣду, ибо у него ротъ никогда не закрывался.

Напротивъ, его господинъ братъ, римскій императоръ, несмотря на то, что въ городѣ были его сестра съ дочерью и братъ съ дочерью, герцогиней баварской, всѣ курфюрсты и много князей, — не участвовалъ въ банкетахъ и самъ ихъ не давалъ.

Послѣ того какъ всѣ они, дождавшись конца богослуженія, провожали его изъ церкви въ его покои, гдѣ онъ садился за столъ, онъ подавалъ имъ по-очереди руку и отпускалъ ихъ, садясь за столъ одинъ; онъ совсѣмъ не разговаривалъ. Только разъ, когда онъ, придя въ свои покои изъ церкви, оглянулся и не нашелъ Карлевица, онъ сказалъ герцогу Морицу: „Гдѣ нашъ Карлевицъ“, и когда тотъ отвѣтилъ: „Милостивѣйшій государь, онъ что-то нездоровъ“, онъ воскликнулъ, обращаясь къ своему медику Везали: „Пой-

дите къ Карлевицу! онъ нездоровъ; посмотрите, нельзя ли ему помочь!"..

Я видѣлъ его на нѣмецкихъ имперскихъ сеймахъ много разъ за кушаньемъ. Но брата своего, короля Фердинанда, бывавшаго съ нимъ на сеймѣ, онъ не сажалъ съ собою за столъ. Когда молодые князья и графы приносили кушанья, каждый разъ четыре перемѣны, по шести блюдъ въ каждой, и ставили передъ нимъ на столъ, снимая съ нихъ по-очереди крышки, то надъ тѣми блюдами, которыхъ онъ не хотѣлъ, онъ отрицательно качалъ головой, надъ тѣми же, которыя онъ хотѣлъ ѣсть, дѣлалъ утвердительный знакъ и придвигалъ ихъ къ себѣ. Великолѣпные паштеты, дичь и другія изысканныя блюда онъ обыкновенно велѣлъ уносить, а оставлялъ жаренаго поросенка, телячью голову и т. п. Онъ не позволялъ ничего разрѣзывать, да и самъ мало пользовался ножомъ; онъ сразу разрѣзывалъ хлѣбъ на много маленькихъ кусочковъ, каждый такой величины, какую онъ обыкновенно клалъ въ ротъ, а также —кушанье, которое онъ хотѣлъ съѣсть. Тамъ, гдѣ (кушанье) ему казалось особенно вкуснымъ, онъ отрѣзывалъ его ножомъ, затѣмъ разрывалъ пальцами, потомъ придвигалъ себѣ блюдо къ подбородку и ѣлъ такъ непринужденно, хотя чисто и опрятно, что замѣтно было удовольствіе, которое онъ отъ этого испытывалъ. Если онъ хотѣлъ пить (онъ пилъ за обѣдомъ лишь три раза), то онъ дѣлалъ знакъ своимъ докторамъ медицины, стоящимъ у стола; они шли къ буфету, гдѣ находились двѣ серебряныхъ бутылки и хрустальный стаканъ, въ которомъ помѣщались цѣлыхъ полтора (стакана обыкновенныхъ), и наливали полный стаканъ изъ обѣихъ бутылокъ. Все это онъ выпивалъ до капли, переводя духъ два-три раза, прежде чѣмъ отрывалъ (стаканъ) ото рта.

За столомъ онъ не говорилъ ничего, хотя сзади него стояли шуты, которые всячески острили; но онъ не обращалъ на нихъ никакого вниманія; впрочемъ, если они говорили что-либо особенно забавное, его ротъ искривлялся легкой улыбкой. Онъ нисколько не препятствовалъ тому, чтобы въ ком-

натѣ присутствовали стоя лица, которыя хотѣли видѣть, какъ ѣстъ императоръ.

У него была превосходная пѣвческая капелла, а также оркестръ, которые можно было слышать въ церкви, въ его же собственныхъ покояхъ ихъ звуки не раздавались.

Обѣдъ длился менѣе часа; когда все убиралось, то стулья и столы складывались и уносились изъ комнаты, такъ что оставалось лишь четыре стѣны, обитыхъ дорогими обоями. Послѣ произнесенія въ его присутствіи благодарственной молитвы, ему подавали зубочистку, которой онъ чистилъ зубы, и становился въ углу комнаты у окна. Туда могъ всякій подходить, передавать письменныя прошенія или же излагать ихъ устно; въ послѣднемъ случаѣ онъ указывалъ, гдѣ можно получить рѣшеніе на просьбу.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

48.

Въ домѣ Фуггеровъ въ Аугсбургѣ

по свидѣтельству современника.

Въ XV—XVI в. в. въ Германіи мы встрѣчаемъ отдѣльныхъ горожанъ, или, вѣрнѣе, отдѣльныя фамиліи, въ рукахъ которыхъ сосредоточиваются огромные капиталы; эти фамиліи образуютъ собой цѣлые торговые дома, напр., Фуггеры, Вельзеры, Гохштетеры, главы которыхъ играли не малую роль въ исторіи реформаціи. Первое мѣсто среди этихъ торговыхъ домовъ занимали аугсбургскіе Фуггеры, капиталъ которыхъ въ 1546 г. составлялъ, по свидѣтельству современниковъ, не менѣе 63 милл. гульденовъ, что по тому времени являлось колоссальнымъ состояніемъ, гораздо болѣе, чѣмъ „княжескимъ". Многіе князья и сами императоры были должниками Фуггеровъ. Во время избранія Карла V сотни тысячъ гульденовъ были взяты въ займы у Фуггеровъ для подкуповъ избирателей.

Предлагаемый отрывокъ взятъ изъ „*Достопримѣчательностей* Ганса фонъ-Швейнихена. Гансъ фонъ-Швейнихенъ сопровождалъ герцога Генриха XI Лигницкаго во время его путешествій.

Господинъ Марксъ Фуггеръ пригласилъ однажды въ гости его княжескую милость вмѣстѣ съ однимъ господиномъ изъ Шёнберга, прежде жившаго также въ квартирѣ его княжеской милости. Не скоро я дождусь подобнаго банкета,—самъ римскій императоръ не могъ бы лучше угостить; притомъ великолѣпіе было чрезвычайное.

Обѣдъ былъ приготовленъ въ залѣ, въ украшеніяхъ котораго прежде всего бросалось въ глаза золото. Полъ былъ изъ мрамора и такой скользкій, что по нему приходилось идти какъ по льду. Черезъ весь залъ тянулся столъ съ напитками, уставленный золочеными сосудами и большими прекрасными венеціанскими стаканами, стоящими, какъ говорятъ, гораздо больше тонны золота. Я ждалъ его княжескую милость у стола. Въ это время господинъ Фуггеръ передалъ черезъ меня его княжеской милости привѣтственный бокалъ, представлявшій изъ себя корабль, художественно исполненный изъ прекраснѣйшаго венеціанскаго хрусталя. Когда я взялъ этотъ бокалъ изъ буфета и пошелъ черезъ залъ, то, будучи въ новыхъ башмакахъ, поскользнулся и упалъ на спину посреди зала, опрокинувъ вино себѣ на шею; а такъ какъ я былъ въ новомъ платьѣ изъ красной дамасской ткани, то это было для меня большимъ убыткомъ. Прекрасный же корабль разбился въ дребезги. Въ этотъ моментъ всѣ много смѣялись, однако, впослѣдствіи я узналъ, что господинъ Фуггеръ говорилъ, будто онъ заплатилъ за этотъ корабль 100 гульденовъ. Но это вѣдь вышло не по моей винѣ, такъ какъ я ничего не ѣлъ и не пилъ. Впослѣдствіи же, будучи даже подъ хмѣлькомъ, я стоялъ крѣпче и ни разу не упалъ, даже во время танцевъ. Поэтому я счелъ, что Богъ не хочетъ, чтобы я наряжался: вѣдь я, надѣвши новое платье, вообразилъ, что я красивѣе всѣхъ; надъ этимъ господа и всѣ мы смѣялись.

Господинъ Фуггеръ повелъ его княжескую милость по всему дому,—настолько огромному зданію, что римскій императоръ во время имперскаго сейма помѣщался тамъ со всѣмъ дворомъ. Между прочимъ, г. Фуггеръ привелъ его княжескую

милость въ одну башенку; тамъ онъ показалъ его милости сокровища, состоящія изъ цѣпей, регалій, благородныхъ камней, также рѣдкихъ монетъ и кусковъ золота величиной съ голову,—сокровища, стоящія, по его словамъ, свыше милліона золотыхъ. Затѣмъ онъ открылъ ящикъ, до верху наполненный только дукатами и кронами. Онъ сказалъ, что ихъ тамъ на двѣсти тысячъ гульденовъ, которые онъ передалъ посредствомъ векселя испанскому королю. Послѣ этого онъ повелъ его княжескую милость въ другую такую же башенку, до половины наполненную исключительно хорошими талерами; онъ говоритъ, что тамъ уложено приблизительно на 27 тысячъ талеровъ. Такимъ образомъ, онъ оказалъ его княжеской милости большой почетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ свое богатство и силу. На другой день онъ прислалъ ко мнѣ своего гофмейстера съ просьбой представить его моему государю. Вмѣстѣ съ нимъ онъ посылалъ въ подарокъ его княжеской милости 200 кронъ и красивый кубокъ въ 80 талеровъ, а также коня, покрытаго черной бархатной попоной; все это его княжеская милость съ большой благодарностью принялъ въ знакъ дружбы.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

19.

Экономическое состояніе Германіи въ серединѣ XV в.

по свидѣтельству современника.

Приводимое ниже свидѣтельство принадлежитъ итальянскому гуманисту Энею Сильвію Пикколомини (род. въ 1405 г., умеръ въ 1464 г.), подъ конецъ жизни занявшему папскій престолъ подъ именемъ Пія II (1458—1464). Онъ много путешествовалъ, исколесилъ всю Германію и подолгу жилъ тамъ. Его наблюденія поэтому представляютъ значительный интересъ; тѣмъ не менѣе было бы рискованно безусловно полагаться на его свидѣтельство, явнымъ образомъ впадающее въ оптимистическій гиперболизмъ, мѣстами бьющій въ глаза своимъ очевиднымъ противорѣчіемъ съ дѣйствительностью, напримѣръ, тамъ, гдѣ онъ называетъ Аугсбургъ са-

мымъ богатымъ городомъ въ мірѣ. Достаточно назвать хотя бы Венецію, которая, несомнѣнно, превосходила Аугсбургъ своимъ богатствомъ.

Мы говоримъ прямо: никогда Германія не была богаче, блестящѣе, чѣмъ въ настоящее время. Нѣмецкая нація, по величію и силѣ, стоитъ впереди всѣхъ другихъ, и можно дѣйствительно сказать, что нѣтъ народа, которому бы Богъ оказалъ столько милостей, какъ нѣмецкому. Повсюду видимъ мы въ Германіи обработанныя поля, засѣянныя хлѣбомъ нивы, виноградники, сады и огороды по селамъ и предмѣстьямъ; всюду красивыя зданія, изящныя виллы, замки на возвышенностяхъ, окруженные стѣнами города. Если мы пройдемъ по наиболѣе замѣчательнымъ изъ этихъ городовъ, то мы воочію увидимъ богатство этого народа, красоты этой страны. Гдѣ найдется въ Европѣ городъ великолѣпнѣе Кельна съ его чудными церквами, ратушами, башнями, крытыми свинцомъ зданіями, съ его богатыми жителями, его великолѣпной рѣкой [1]) и окружающими его плодородными нивами? Пойдемъ дальше—въ людные Гентъ и Брюгге [2]), эти складочныя мѣста товаровъ для всего запада; пойдемъ, далѣе, въ очаровательные города Брабанта: Брюссель, Мехельнъ, Лёвенъ [3]). Возвращаясь обратно по теченію Рейна, мы увидимъ Майнцъ, старинный городъ, обильно украшенный великолѣпными общественными зданіями и домами гражданъ, славящійся своимъ соборомъ и своими церквами. Во всемъ городѣ нельзя замѣтить никакого недостатка, кромѣ тѣсноты улицъ. Далѣе—Вормсъ, хотя и небольшой, но очень красивый городъ. Всѣмъ понравится также очень людный и красиво расположенный Шпейеръ. Страсбургъ, съ его многочисленными каналами вторая Венеція, по здоровьѣ и пріятнѣе, потому что въ венеціанскихъ каналахъ соленая и зловонная вода, въ страсбургскихъ же— рѣчная и чистая.

[1]) Рейномъ.
[2]) Нынѣ въ Бельгіи.
[3]) Тоже.

Кромѣ изумительнаго по своей архитектурѣ собора, тамъ есть много замѣчательныхъ церквей и монастырей. Многіе изъ домовъ духовенства и гражданъ такъ красивы, что ни одинъ король не постыдился бы жить въ нихъ. Въ Базелѣ церкви и частные дома покрыты разноцвѣтною—глазированною черепицей; эти крыши, при яркомъ солнцѣ, представляютъ восхитительное зрѣлище. Чистые, окруженные садами, фонтанами и дворами, дома гражданъ оштукатурены снаружи бѣлою известью и расписаны. Бернъ [1]) такъ могущественъ, что безъ особыхъ усилій можетъ выставить 20,000 вооруженныхъ. Аугсбургъ превосходитъ по своему богатству всѣ города въ мірѣ [2]). Блестящъ и Мюнхенъ. Въ Австріи Вѣна—самый красивый городъ, съ истинно-королевскими дворцами и съ такими церквами, которымъ могла бы изумиться Италія. Къ сожалѣнію, намъ не хватаетъ достаточно таланта, чтобы описать впечатлѣніе, производимое церковью Св. Стефана. Послы изъ Босніи, долго смотрѣвшіе на ея колокольню въ изумленіи, подъ конецъ воскликнули: „Эта башня стоитъ дороже цѣлой Босніи!“

50.

Дворянство, бюргерство и крестьянство въ Германіи въ эпоху реформаціи

по свидѣтельству современника.

1534.

Нѣмецкій историкъ Себастьянъ Франкъ напечаталъ въ 1534 г. историческое сочиненіе подъ заглавіемъ *Weltbuch—Всемірная книга*, въ которой онъ перечисляетъ „названія всѣхъ народовъ“, описываетъ ихъ „внѣшность, бытъ, характеръ, религію, вѣрованія, обряды, законы, войско, полицію, нравы, обычаи, войны, ремесла и т. д.“ Здѣсь приводится отрывокъ изъ этой любопытной книги.

[1]) Нынѣ столица Швейцарскаго союза.

[2]) Явная гипербола.

Дворянство, которое по Божьему повелѣнію должно быть благородно, должно быть устрашеніемъ и бичемъ злыхъ, защитой и прибѣжищемъ добрыхъ, охранителемъ вдовъ и сиротъ, поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Тѣ, которые должны быть собаками охраняющими овчарню, являются, напротивъ, сами волками и хватаютъ все, что только могутъ, такъ что беречь и сторожить надо было бы именно отъ этихъ пастуховъ и сторожей, благородство которыхъ исключительно происходитъ отъ ихъ прежняго блеска. Раньше ихъ благородство находило основаніе въ добродѣтели, теперь они доказываютъ его лишь гордостью, роскошью, богатствомъ, знатнымъ происхожденіемъ и тираніей. И какъ ихъ каждый боится и ненавидитъ, такъ и они должны бояться и ненавидѣть. Ихъ друзья—только блюдолизы и лицемѣры; въ дѣйствительности всѣ ихъ слуги и подданные—рабы.

Послѣднее крестьянское возстаніе ясно показываетъ, какую симпатію и дружбу питаютъ подданные къ своимъ господамъ, надъ которыми они чинили насилія. Старые дворяне благодѣяніями привлекали къ себѣ сердца своихъ подданныхъ, и послѣдніе были стѣной, за которой ихъ власть была прочной. Они считали себя богатыми постольку, поскольку богаты были ихъ подданные, при чемъ хорошимъ управленіемъ, добрымъ примѣромъ и справедливыми законами они способствовали тому, что подданные имѣли возможность давать имъ все больше и больше. Теперь же у нихъ все вырываютъ силою, при томъ все сразу, силой принуждаютъ къ преданности и платежамъ, что долго не можетъ продолжаться, ибо природа ненавидитъ насиліе: преданность должна быть выказываема свободно, волю и сердце нельзя принуждать. Въ общемъ, каждому врождена отъ свободнаго Бога любовь къ свободѣ. Но на это мало обращаютъ вниманія и неблагородные и благородные, и требуютъ сегодня одно, завтра другое; а по какому праву, они объ этомъ не думаютъ.

Они только и дѣлаютъ, что охотятся, пьютъ, кутятъ,

играютъ; превосходно живутъ, получая въ изобиліи ренты, чинши и подати. Но на какомъ основаніи они ихъ берутъ, и что они должны за это дѣлать, вообще о своихъ обязанностяхъ врядъ ли изъ нихъ кто думаетъ. Вѣдь привилегія сваливать всю тяжесть податей на шею горожанъ и требовать ограниченія себя единственнымъ пфеннигомъ, дана имъ не для причиненія ущерба подданнымъ, но потому, что они обязаны производить улучшенія тамъ, гдѣ этого требуетъ нужда, подобно тому, какъ поденщику дается плата за то, что онъ работаетъ въ теченіе дня. Также и имъ для того именно даны привилегіи, чтобы они защищали отъ обидъ вдовъ и сиротъ, помогали бѣднымъ добиваться управы противъ насилія и принимали къ сердцу нужды всѣхъ людей, какъ свои собственныя, какъ это подобаетъ отцамъ отечества. Но такъ какъ они этого не дѣлаютъ, то (ихъ привилегіи)—лишь безполезная тираннія и насильственный поборъ, подобно тому, какъ если бы поденщикъ требовалъ у меня поденную плату, даже отнималъ бы ее насильно, а своей работы такъ и не начиналъ, даже не прикасался бы къ ней. На шерсть поглядываютъ, а о благополучіи овецъ не заботится никто.

Дворянство нѣмецкой націи считаетъ себя за то хорошимъ, что оно охотится, ничего не дѣлаетъ или же проводитъ время въ ѣздѣ верхомъ и въ соколиной охотѣ. Дворяне очень стыдятся быть обыкновенными горожанами и подчиняться, наряду съ послѣдними, городскому праву. Дворяне удаляются отъ общества горожанъ, держатся обособленно, бываютъ только среди равныхъ себѣ и на равныхъ себѣ женятся.

Ихъ жилища представляютъ собой крѣпкіе замки на горахъ, въ лѣсахъ и т. д. Они заводятъ роскошь въ своемъ домѣ, держа при немъ многочисленную челядь, лошадей, собакъ и всячески его украшая; у нихъ особенная щегольская походка, и съ ними постоянно цѣлый хвостъ родственниковъ. Свои гербы они вѣшаютъ въ церквахъ, на стѣнахъ и въ алтарѣ. Многіе пріобрѣтаютъ свое благородство не такъ, какъ въ старину, путемъ добродѣтели и подвиговъ

храбрости, но по наслѣдству. Бѣдность считаютъ для себя позорной и охотно бросаются во всякаго рода опасности, чтобы добыть себѣ почетъ и состояніе, необходимое, по ихъ мнѣнію, для ихъ званія; многіе идутъ на войну вслѣдъ за князьями и господами. Попадается имъ добыча, и они возвращаются домой обогатившись, —и вотъ они уже считаютъ себя по истинѣ благородными. Дворяне рѣдко ходятъ пѣшкомъ черезъ поля, потому что считаютъ это для своего званія позорнымъ. Если подвергнутся какой-либо обидѣ, или нападенію, то они рѣдко защищаются законнымъ путемъ, а заводятъ ни съ того ни сего междоусобія, объявляютъ письменно о своей враждѣ, воюютъ и мстятъ огнемъ и разбоемъ.

Третье сословіе, это—бюргеры, или городскіе жители; одни изъ нихъ, въ имперскихъ городахъ, подчинены императору, другіе —князьямъ, третьи, въ Швейцаріи и вольныхъ городахъ, независимы. Ихъ ремесла разнообразны и стоятъ на большей степени совершенства, чѣмъ у какого бы то ни было народа на землѣ. Бывши нѣкогда варварами, народомъ неуклюжимъ, невѣжественнымъ, дикимъ, необузданнымъ, воинственнымъ, они стали теперь мудрыми и искусными, предпріимчивыми и способными во всякомъ дѣлѣ.

Далѣе, въ могущественныхъ и свободныхъ имперскихъ городахъ населеніе имѣется двухъ категорій: простые горожане и родовитые, стремящіеся быть въ нѣкоторомъ родѣ знатью и живущіе на дворянскій маперъ со своихъ рентъ и чиншей. Они не терпятъ въ своей средѣ простого горожанина, хотя бы онъ равенъ былъ имъ по богатству, и, подобно дворянамъ, не заключаютъ неравныхъ браковъ; кто не хочетъ быть исключеннымъ изъ ихъ среды и презираемымъ, то женится на равной себѣ. Каждая изъ категорій имѣетъ даже свое право, и одна подчинена другой. Эти люди живутъ между собою дружно. Тамъ они сходятся, говорятъ, обсуждаютъ дѣла, приглашаютъ одинъ другого. Одежда каждый день новая. Еще недавно носили, съ незапамятныхъ временъ, остроконечные башмаки съ длинными нос-

ками, узкую, короткую одежду. Теперь же все, наоборотъ, широко, велико, широкіе башмаки. Женская одежда теперь дорогая, впрочемъ приличная и мало заслуживаетъ порицанія, за исключеніемъ бьющей въ глаза роскоши.

Что касается богослуженія и заказыванія обѣденъ, то это благочестивый и даже суевѣрный народъ: большое значеніе они придаютъ богослуженію и часто еще до зари гонятъ дѣвушекъ и работниковъ къ ранней обѣднѣ. Въ дѣлѣ милостыни они сострадательны и щедры, кормятъ многихъ нищенствующихъ монаховъ и другихъ лицъ изъ духовенства, которыхъ у нихъ масса, —врядъ ли будетъ столько у какого-нибудь другого народа. Равнымъ образомъ не мало (у нихъ) монастырскихъ церквей съ большимъ числомъ каноников, епископовъ, прелатовъ, аббатовъ, пробстовъ, декановъ и т. д., а также госпиталей; по городамъ еще много бродятъ бѣдныхъ учениковъ и церковниковъ, которыхъ они готовятъ въ священники; и хотя они къ нимъ не очень благосклонны, все-же каждый охотно имѣлъ бы въ числѣ членовъ семьи священника, полагая, что этимъ освящается весь родъ.

Въ Германіи очень много нищихъ и вообще бѣднаго люда, больше по невоздержности, чѣмъ естественнымъ путемъ впавшаго въ бѣдность и расшатавшаго здоровье,—дошедшаго до нищеты больше благодаря бездѣлью, постоянному обжорству и разгулу, нежели вслѣдствіе недостатка земли и вздорожанія съѣстныхъ припасовъ. Ибо если этотъ народъ что-нибудь имѣетъ, то проматываетъ, прославляя св. Мартина, потомъ живетъ изо дня въ день на авось, безъ всякихъ заботъ о томъ, что ихъ пищевые запасы таютъ съ каждымъ днемъ, и едва хватитъ ихъ на недѣлю, не говоря уже о томъ, что они должны страдать потомъ цѣлый годъ. Работаетъ всего лишь половина; если же не считать ихъ господъ, праздныхъ горожанъ, купцовъ, дворянъ, князей, школьниковъ, поповъ, всякаго рода монаховъ, дѣтей, больныхъ, нищихъ, всѣхъ женщинъ,—то работающихъ не наберется и третьей части (всего населенія).

Трудящійся въ потѣ лица народъ: крестьяне, угольщики, пастухи и т. д., это четвертое сословіе. Ихъ дома, жизнь, одежда, пища и т. д. хорошо извѣстны. Это очень трудолюбивый народъ, которымъ каждый всячески помыкаетъ,—чрезмѣрно обремененный барщинами, чиншами, податями, налогами, пошлинами, но отъ того не ставшій скромнѣе—далеко не простосердечный, лукавый и необузданный. Ихъ занятія, нравы, молитвы, хозяйство знакомы каждому, однако не вездѣ одинаковы; какъ и всюду, что городъ, то норовъ.

Переводъ В. И. Евстафьева.

51.

Германское рыцарство въ XVI в.

Изъ автобіографіи Гёца фонъ-Берлихингена.

1480—1562.

Гёцъ фонъ-Берлихингенъ, по прозванію „Желѣзная Рука“, родился въ рыцарской семьѣ въ Вюртембергѣ (въ 1480 г.). Онъ является типичнымъ представителемъ нѣмецкаго рыцарства первой половины XVI в., бывшей эпохою упадка когда-то славнаго сословія. Всю свою жизнь онъ съ кѣмъ-нибудь воевалъ, то сражаясь съ своими сосѣдями за собственные интересы, то участвуя въ чужихъ войнахъ въ качествѣ союзника, то „вмѣстѣ съ друзьями и добрыми товарищами“ совершая разбойничьи набѣги, то, наконецъ, предводительствуя отрядами повстанцевъ въ „эпоху великаго крестьянскаго возстанія“ (см. ниже, стран. 152). Гёцъ фонъ-Берлихингенъ написалъ свою автобіографію, отрывокъ изъ которой и приводится ниже.

Будучи во враждѣ съ Нюрнбергомъ, я однажды узналъ, что черезъ лѣсъ, именуемый Гагеншисъ, должны проѣзжать телѣги съ товарами; въ это время я находился у своего господина и добраго товарища,—мы совѣтовались тогда другъ съ другомъ о различныхъ вещахъ. Тамъ я узналъ, что дѣло навѣрно удалось бы. Когда телѣги проѣзжали, мы напали на нихъ и захватили ихъ. Но возчики заявили, что у нихъ была охрана отъ пфальцграфа. Однако я ни разу не слы-

халъ, чтобы въ этомъ мѣстѣ или вообще пфальцграфская охрана когда-либо была выдаваема; поэтому и эти люди должны быть императорскими, а не пфальцграфскими. Тогда мой лазутчикъ разсказалъ мнѣ обо всемъ, какъ происходило дѣло. Какъ потомъ я узналъ, лазутчикъ далъ сильный нагоняй хозяину, ибо возчики его предостерегали и просили охраны. Но такъ какъ я былъ добрымъ другомъ пфальцграфа, такъ что мнѣ не хотѣлось бы ничего предпринимать противъ этихъ возчиковъ, и кромѣ того Пфальцграфъ по нѣкоторымъ причинамъ былъ особенно любъ моему сердцу, то я ихъ тогда пощадилъ, какъ вездѣ щадилъ ихъ курфюршескую милость.

Когда же я послѣ того ушелъ съ этой дороги, у меня появился другой планъ слѣдующаго рода: я узналъ, что, когда бываетъ франкфуртская ярмарка, то нюрнбержцы идутъ во Франкфуртъ пѣшкомъ (по дорогѣ) выше Вюрцбурга, а также чрезъ Габихтейль и Ленгфельдъ къ Спессарту. Были сдѣланы развѣдки, и я ихъ захватилъ пять или шесть человѣкъ; среди нихъ былъ купецъ, котораго я бралъ въ плѣнъ уже въ третій разъ, и второй—въ теченіе полугода, при чемъ одинъ разъ захватилъ его товаръ. Другіе же были простыми упаковщиками въ Нюрнбергѣ. Я сдѣлалъ видъ, что хочу имъ всѣмъ отрубить руки и головы, но это не было моимъ серьезнымъ намѣреніемъ. Они должны были стать на колѣни и положить руки на пень Тогда я наступилъ на одного ногой, а другого ударилъ по лицу; это было имъ отъ меня наказаніемъ, затѣмъ я предоставилъ имъ продолжать свой путь. Купецъ же, котораго я такъ часто захватывалъ, перекрестился и сказалъ: „Я скорѣе допустилъ бы, что упадетъ небо, чѣмъ то, что вы меня сегодня схватите, по той причинѣ, что всего еще немного дней тому назадъ (при этомъ онъ пересчиталъ ихъ), около сотни нашихъ купцовъ, бывшихъ въ Нюрнбергѣ на ярмаркѣ и толковавшихъ о васъ, имѣли точныя свѣдѣнія о томъ, что вы въ Гагенишицѣ, гдѣ думаете произвести нападеніе и захватить товары; поэтому меня въ высшей степени удивило то, что

вы такъ скоро могли прійти сюда". Но какъ я самъ удивился тому, что въ такое короткое время доходятъ свѣдѣнія до Нюрнберга о моихъ поѣздкахъ!

Я обращаю вниманіе на этотъ пунктъ для того, чтобы каждый воинъ и рыцарь могли заключить отсюда, что нюрнбержцы очень хорошо выслѣживаютъ своихъ враговъ, на что должны, очевидно, употреблять очень много стараній.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

52.

Нѣмецкіе ланцкнехты въ XVI в.

по свидѣтельству современника.

Приводимый ниже отзывъ принадлежитъ писателю-историку XVI в. Себастьяну Франку.

Во времена императора Макса появились ланцкнехты, никому не нужные люди, которые всюду безцеремонно бродятъ, ищутъ войны и бѣдствій и являются спутниками послѣднихъ.

Тѣ же подданные, которые, будучи вызваны на войну своими господами, (являются) въ силу необходимости повиноваться, и, по окончаніи ея, возвращаются къ своимъ занятіямъ, тѣ по-справедливости называются не ланцкнехтами, а солдатами, честными ратниками. Но безбожныхъ и погибшихъ людей, занятіе которыхъ — разрушать, рѣзать, грабить, убивать, жечь, играть, пить, богохульствовать, издѣваться надъ вдовами и сиротами,—которые радуются чужому несчастью, кормятся, отнимая у другихъ, какъ во время войны, такъ и безъ войны, сидятъ на шеѣ крестьянъ, которые не только каждаго обираютъ и грабятъ, но даже вредятъ другъ-другу,—о нихъ я ни подъ какимъ видомъ не могу сказать, что они не являются язвой всего свѣта.

Прежде, когда еще не было этихъ безполезныхъ людей, которые, не изъ нужды, принужденія или послушанія, а просто изъ-за презрѣнныхъ денегъ продаютъ жизнь, каждый

князь, если была причина, воевалъ только при помощи своего народа, или же просилъ другого князя или господина, которые присылали ему людей изъ своей страны. Тогда войны были проще и велись безъ большихъ издержекъ. Теперь же, когда на каждомъ шагу находятъ этихъ безполезныхъ и продажныхъ людей, и приходится имѣть дѣло со многими тысячами ихъ, теперь каждый хочетъ превзойти другого числомъ людей и силою вооруженія, и война, еще не начавшись—только закончится вооруженіе этой толпы—стоитъ уже больше, чѣмъ прежде стоила вся война.

Если бы не было этихъ людей, войны были бы гораздо менѣе значительными, князья часто должны были бы воевать съ такимъ количествомъ сотенъ, какъ теперь—тысячъ, а тѣмъ не менѣе достигали бы большихъ результатовъ. Вѣдь эти зловредные люди постоянно возбуждаютъ одного противъ другого, поэтому война затягивается и захватываетъ большее пространство; имъ было бы досадно, если-бы все было по справедливости, и наступилъ бы миръ. Этимъ разорили всю страну, такъ что ни у князей, ни у крестьянъ денегъ больше нѣтъ, и князья могутъ собраться на войну лишь съ большимъ вредомъ для своей земли.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

53.

Ланцкнехты XVI в.

по современному оффиціальному отзыву.

Наглядное изображеніе жизни ланцкнехтовъ даютъ приказы герцога Юлія Брауншвейгскаго, особенно приказъ отъ 28 марта 1584 г., изъ котораго приводится ниже характерный отрывокъ.

Мы узнали изъ достовѣрнаго источника, что нѣкоторые дерзкіе негодяи выдаютъ себя за ланцкнехтовъ, не сдѣлавъ ни одного военнаго похода, не видѣвши даже, какъ развѣваются въ полѣ военныя знамена; на самомъ же дѣлѣ

это праздношатающіеся, ученики городскихъ ремесленниковъ, которые не имѣютъ склонности работать, шляются, отнимаютъ у людей ихъ имущество, совершаютъ всякія безчинства. Съ нѣкотораго времени они бродяжничаютъ, особенно въ деревняхъ, и создаютъ нашимъ бѣднымъ подданнымъ чрезмѣрную нужду и обремененіе. Они осмѣливаются, придя ко двору и найдя его запертымъ, выламывать ворота и калитки. Когда же они входятъ во дворъ, и окажется запертымъ домъ, то они не довольствуются тѣмъ, что захватятъ (во дворѣ), сколько кто можетъ, но выламываютъ дверь, употребляютъ всѣ средства и силы, чтобы отпереть домъ, разбиваютъ ящики и сундуки,—берутъ оттуда все, что имъ понравится, даже, если нѣтъ дома хозяина,—сами вытаскиваютъ изъ дымовой трубы мясо и колбасы, излавливаютъ куръ, и вообще ничего не оставляютъ. Если же имъ не даютъ сразу всего, чего они требуютъ, то они женщинамъ, дѣвочкамъ, слугамъ, даже самому хозяину приставляютъ ружье къ груди и стрѣляютъ въ нихъ; поэтому имъ даютъ все, чего они требуютъ. Притомъ, хватая одной рукой имущество, другой они раздаютъ оплеухи въ знакъ благодарности; если же подадутъ бѣднымъ людямъ что-нибудь черезъ изгородь или ворота, они колютъ имъ руки и ноги, и въ общемъ творятъ такія безчинства, что почти ни одинъ хозяинъ, который хотѣлъ бы пойти съ слугами на работу, не можетъ оставить жену и дѣтей однихъ во дворѣ.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

Великое крестьянское возстаніе.

1524—1525.

Главною причиною великаго крестьянскаго возстанія, которому предшествовали неоднократныя частичныя вспышки въ теченіе предшествовавшихъ двухъ десятилѣтій, было ухудшеніе положенія значительной части крестьянства, частью въ силу правовыхъ, частью въ силу экономическихъ причинъ, изъ которыхъ главнѣйшею было обостреніе крѣпостного права. Возставшіе

крестьяне нашли себѣ поддержку также и со стороны городскихъ классовъ, стремившихся къ освобожденію городской хозяйственной жизни отъ различныхъ стѣсненій, а также и къ реформѣ политическаго строя германской имперіи. Стремленія крестьянъ нашли себѣ выраженіе въ такъ называемой *Программѣ двѣнадцати статей*, стремленія городскихъ классовъ—въ *Гейльбронской программѣ*. На обѣихъ „программахъ“ отразилось также вліяніе начавшейся незадолго передъ этимъ церковной реформаціи. Текстъ первой приводится здѣсь въ переводѣ цѣликомъ, текстъ второй—въ сокращеніи.

54.

Программа двѣнадцати статей.

I. Во-первыхъ, наше смиренное прошеніе и желаніе, наша общая воля и мнѣніе—имѣть впредь право и силу всею общиною выбирать себѣ священника и смѣщать его, когда онъ неподобно ведетъ себя. Этотъ выборный священникъ долженъ проповѣдовать намъ св. Евангеліе, чистое и ясное, безъ всякаго человѣческаго добавленія, ученія и закона, но только долженъ постоянно проповѣдовать намъ истинную вѣру. Ибо мы должны просить Бога о милости, чтобы Онъ образовалъ и утверждалъ въ насъ эту истинную вѣру. Вѣдь если въ насъ не будетъ насаждена Его благодать, то мы останемся всегда плотью и кровью, въ чемъ нѣтъ никакой пользы, какъ это ясно стоитъ въ Писаніи, что мы можемъ прійти къ Богу только черезъ истинную вѣру и можемъ спастись только черезъ Его милосердіе. Потому намъ такой настоятель и священникъ необходимъ и въ этомъ видѣ согласенъ съ Писаніемъ [1]).

II. Во-вторыхъ, хотя справедливая десятина установлена въ ветхомъ завѣтѣ и въ этомъ завѣтѣ исполнилась, тѣмъ не менѣе мы охотно готовы давать справедливую зерновую десятину. Но такъ какъ ее надлежитъ давать Богу

---

[1]) На этой статьѣ, какъ по существу содержанія (требованіе автономіи прихода), такъ и по формѣ (ссылки на св. Писаніе) ясно отразилось вліяніе протестанства.

и сообщать Его людямъ, то она подобаетъ священнику, какъ ясно возвѣщаетъ слово Божіе. Впредь мы желаемъ, чтобы эту десятину собиралъ церковный староста, котораго поставитъ община, и изъ собраннаго давалъ достаточное содержаніе священнику избранному всею общиною, ему и его близкимъ по приговору общины. А что останется излишка, нужно отдать бѣднымъ, что окажутся въ этой деревнѣ, по обстоятельствамъ дѣла и по приговору общины. Что останется сверхъ того, нужно беречь. Когда приходится нести конную службу по нуждѣ страны, то нужно расходовать изъ этого остатка, чтобы не налагать на бѣднаго человѣка никакой подати. А если бы оказалось, что одна или нѣсколько деревень сами по какой-нибудь нуждѣ продали десятину, то могущій показать, какъ онъ получилъ десятину отъ цѣлой деревни, не долженъ лишиться ея безъ вознагражденія. Напротивъ, мы хотимъ подобающимъ образомъ войти съ нимъ въ соглашеніе по обстоятельствамъ дѣла, чтобы выкупить у него десятину въ подобающій срокъ. Но если кто ни у какой деревни не купилъ десятины и его предки сами себѣ ее присвоили, то мы не хотимъ и не должны впредь давать ничего, но, какъ сказано выше, должны содержать своего выборнаго священника, а потомъ выкупить или раздавать нуждающимся, какъ учитъ св. Писаніе, будутъ-ли то клирики или міряне. Малой десятины мы не хотимъ давать вовсе, потому что Господь Богъ создалъ скотъ для человѣка свободнымъ. И ее мы считаемъ неподобающею, придуманною людьми десятиною и потому не хотимъ больше давать ее [1]).

III. Въ-третьихъ, до сихъ поръ было въ обычаѣ, что насъ считали вашими собственными людьми, надъ чѣмъ надо сжалиться, принимая во вниманіе, что Христосъ пролитіемъ своей драгоцѣнной крови освободилъ и искупилъ

---

[1]) Основная или *большая* десятина взималась съ зерновыхъ злаковъ, *малая*, позднѣе введенная, со скота (десятая или нѣсколько меньшая часть приплода).

насъ всѣхъ, какъ пастуха, такъ и самаго высокаго, не исключая никого. Потому соотвѣтствуетъ Писанію, чтобы мы были и хотѣли быть свободными. Не то чтобы мы хотѣли быть безусловно свободными, не желали имѣть никакой власти. Этому насъ Богъ не учитъ. Мы должны жить по заповѣдямъ, а не по свободному плотскому своеволію, мы обязаны любить Бога и познавать Его, какъ своего Господа, въ своихъ ближнихъ. И всего того мы очень хотимъ, что намъ Богъ на прощанье заповѣдалъ на Тайной Вечери. Потому мы должны жить по Его заповѣди. Не указываетъ ли намъ этотъ завѣтъ, чтобы мы были послушны власти, и не только власти, но чтобы мы смирялись передъ всѣми и чтобы соотвѣтственно во всѣхъ подобающихъ и христіанскихъ дѣлахъ съ готовностью оказывали повиновеніе своимъ выборнымъ и поставленнымъ отъ Бога властямъ. Мы также не сомнѣваемся, что вы, какъ истинные и подлинные христіане, съ готовностью отпустите насъ изъ крѣпости или же докажете намъ по Евангелію, что мы должны быть крѣпостными [1]).

IV. Въ-четвертыхъ, до сихъ поръ было въ обычаѣ, что никакой бѣдный человѣкъ не былъ въ правѣ ловить дичь, птицу или рыбу въ текучей водѣ. Это кажется намъ совсѣмъ неподобающимъ и не братскимъ, а своекорыстнымъ и несоотвѣтственнымъ слову Божію. Также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ власть хочетъ имѣть дичь намъ во зло и въ большой вредъ. А мы должны сносить, чтобы неразумные звѣри безполезно пожирали наше достояніе,—все, чему Богъ предоставилъ расти на пользу человѣку, и сверхъ того молчать, что есть противъ Бога и противъ ближняго. Когда Господь Богъ сотворилъ человѣка, Онъ далъ ему власть

[1]) Статья, направленная противъ личнаго крѣпостного права. На мотивировкѣ тоже ясно отразилось вліяніе „евангелической“ проповѣди. Въ началѣ статьи выраженіе „насъ считали вашими людьми“ можетъ быть объяснено редакціоннымъ недосмотромъ. Вѣроятно, одинъ изъ проектовъ, легшихъ въ основу „программы 12 статей“, былъ составленъ въ формѣ обращенія къ сеньорамъ (помѣщикамъ); внеся эту статью въ „программу“, забыли исправить ея форму (обращеніе).

надъ всѣми звѣрями, надъ птицею въ воздухѣ и надъ рыбою въ водѣ. Потому наше желаніе въ томъ, что если кто имѣетъ воду, относительно которой онъ можетъ доказать достаточными письменными документами, что воду купили безъ умысла, то мы не желаемъ брать ее у него силою, но тутъ, во имя братской любви, нужно бы войти въ христіанское соображеніе. Но кто не можетъ представить достаточнаго доказательства, тотъ долженъ подобающимъ образомъ предоставить пользованіе общинѣ.

V. Въ-пятыхъ, отягощены мы и съ лѣсомъ. Ибо наши господа присвоили исключительно себѣ всѣ лѣса. И когда бѣдный человѣкъ въ чемъ-нибудь нуждается, то долженъ покупать за двойныя деньги. Вотъ наше мнѣніе: лѣса, освоенные, но не купленные мірянами или клириками, должны снова попасть въ руки цѣлой общины и подобающимъ образомъ оставаться свободными, чтобы каждый по нуждѣ могъ брать себѣ безвозмездно въ домъ для топлива, а также когда понадобится плотничать, однако съ вѣдома выбранныхъ на то общиною людей. А если не окажется лѣса, кромѣ купленнаго честнымъ образомъ, то слѣдуетъ войти съ собственникомъ въ братское и христіанское соглашеніе. Если же имѣніе съ самаго начала находилось у нихъ самихъ въ собственности и потомъ было продано, то нужно войти въ соглашеніе по обстоятельствамъ дѣла, во имя братской любви и св. Писанія.

VI. Въ-шестыхъ, мы терпимъ большое отягощеніе отъ службъ [1]), которыя ростутъ со дня на день. Мы желаемъ, чтобы намъ въ этомъ оказали подобающее вниманіе и не отягощали насъ такъ сильно, но обращались съ нами милостиво, какъ служили наши родители, однако по смыслу слова Божьяго.

VII. Въ-седьмыхъ, впредь мы не хотимъ позволять господину отягощать насъ дальше, но какъ господинъ подобающимъ образомъ сдаетъ крестьянину землю, такъ послѣдній и долженъ владѣть ею, на основаніи соглашенія

---

[1]) Барщина, безплатная работа на помѣщика.

господина съ крестьянами. Господинъ не долженъ принуждать его дальше, желать отъ него иныхъ даровыхъ службъ, такъ чтобы крестьянинъ могъ спокойно и безъ отягощеній пользоваться такимъ имѣніемъ. Однако, если господину потребуется служба, то крестьянинъ долженъ болѣе другихъ быть для него въ готовности и послушаніи, но въ такой часъ и въ такое время, отъ котораго крестьянину не было бы ущерба, и работать на господина за подобающую денежную плату.

VIII. Въ-восьмыхъ, мы, многіе изъ тѣхъ, у кого есть имѣнія, отягощены тѣмъ, что эти самыя имѣнія не могутъ выносить чинша [1]), и что на такой землѣ крестьяне теряютъ и губятъ свое собственное достояніе. Пусть господа велятъ осмотрѣть эти самыя имѣнія почтеннымъ людямъ и установятъ чиншъ по справедливости, такъ чтобы крестьянинъ не дѣлалъ своей работы даромъ, ибо каждый работникъ достоинъ своей платы.

IX. Въ-девятыхъ, мы отягощены большими штрафами, поскольку постоянно вводятъ новыя постановленія и наказываютъ насъ не смотря по дѣлу, а иногда изъ большой зависти, иногда изъ большой милости. Наше мнѣніе въ томъ, чтобы насъ наказывали старымъ записаннымъ наказаніемъ, по которому разбирается дѣло, а не по произволу.

X. Въ-десятыхъ, мы отягощены тѣмъ, что нѣкоторые присвоили себѣ принадлежащіе общинѣ луга и пашни. Эти земли мы хотимъ снова взять въ свои собственныя руки. Ибо нужно, чтобы это было куплено честно. Если же это куплено нечестно, то нужно войти въ братское соглашеніе, по обстоятельствамъ дѣла.

XI. Въ одинадцатыхъ, обычай, называемый посмертнымъ поборомъ [2]), мы хотимъ отмѣнить совершенно. Мы никогда не потерпимъ и не позволимъ, чтобы противъ Божьей чести и правды у вдовъ и сиротъ отнимали ихъ достояніе такъ

---

[1]) Ежегодный платежъ за землю помѣщику.

[2]) Помѣщикъ имѣлъ право взять себѣ извѣстную часть имущества крѣпостного послѣ его смерти.

постыдно, какъ это происходило во многихъ мѣстахъ и во многихъ видахъ. И тѣ, которые должны были защищать и охранять насъ, обдирали и общипали насъ. И еслибы они имѣли немного больше свободы, они отняли бы все. Этого Богъ больше не потерпитъ, это должно быть устранено совершенно. Никто впредь не долженъ (въ этомъ случаѣ) давать ничего, ни много, ни мало.

XII. Въ-двѣнадцатыхъ, вотъ наше рѣшеніе и окончательное мнѣніе. Если здѣсь поставлены одна статья или больше статей, несогласныхъ со словомъ Божьимъ, чего мы не думаемъ, и намъ укажутъ ихъ несоотвѣтствіе слову Божьему, то мы отступимся отъ нихъ, если намъ объяснятъ это на основаніи Писанія. Если даже намъ теперь признаютъ нѣкоторыя статьи, а послѣ окажется, что онѣ были неправильны, то пусть онѣ сейчасъ же станутъ мертвы и устранены, пусть не имѣютъ больше силы. Точно такъ же, если въ Писаніи окажутся достовѣрно еще статьи, которыя идутъ противъ Бога и отягощаютъ ближняго, то мы твердо хотимъ воздержаться отъ нихъ и будемъ пользоваться христіанскимъ ученіемъ. Потому мы просимъ Господа Бога, который можетъ намъ дать это, а больше никто. Миръ Христовъ да будетъ со всѣми нами.

Переводъ А. Н. Савина.

55.

Гейльбронская программа.

I. Чтобы всѣ посвященные, какъ Богъ повелѣлъ и заповѣдалъ имъ въ 28 гл. Матѳея, были реформированы и получали содержаніе согласно съ подобающею нуждою, не взирая на ихъ рожденіе и происхожденіе, высокій или низкій чинъ и корень [1]).

II. Должны быть реформированы всѣ свѣтскіе князья,

---

[1]) Въ смыслѣ родословномъ. Высшія духовныя должности фактически сдѣлались почти исключительнымъ, зачастую наслѣдственнымъ, достояніемъ вліятельныхъ дворянскихъ фамилій. „Всѣ посвященные“, т. е. духовенство.

графы, господа, рыцари и рядовые дворяне [1]), чтобы бѣдный человѣкъ не былъ отягощенъ ими такъ сильно свыше христіанской свободы.

III. Въ священной имперіи всѣ города, коммуны и общины, не исключая никого, должны быть реформированы и утверждены по Божескому и естественному праву, согласно съ христіанской свободой.

IV. Никакихъ докторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, нельзя допускать ни засѣдать, ни говорить, ни давать совѣты, ни дѣйствовать въ какомъ бы то ни было княжескомъ совѣтѣ и въ какомъ бы то ни было судѣ, но ихъ нужно устранить совершенно, такъ чтобы они отъ человѣческихъ законовъ обратились къ Божественному Писанію и въ качествѣ лицъ искусныхъ были призваны проповѣдовать; ибо отъ ихъ увертокъ разоряется много народа [2]).

V. Хорошо бы было, чтобы никакой посвященный, будь онъ высокаго или низкаго чина, не принимался въ совѣтъ имперіи или другого свѣтскаго князя, господина или коммуны, ибо это запрещено, какъ ясно видно въ Писаніи.

VI. Хорошо было бы, чтобы въ имперіи было устранено все свѣтское право, которое употреблялось до сихъ поръ и утверждено было *Божественное и естественное право*, какъ замѣчено выше и ниже, чтобы бѣдный имѣлъ столько же доступа къ праву, сколько самый главный или самый богатый.

Пусть императорскій каммергерихтъ въ священной имперіи нѣмецкаго народа состоитъ изъ 16 храбрыхъ, безупречной славы людей—именно: 2 отъ князей, 2 отъ гра-

---

[1]) Князья, графы, господа (Herren), рыцари, рядовые дворяне—это въ нисходящемъ порядкѣ разныя степени дворянства.

[2]) Подъ „докторами“ въ этой статьѣ разумѣются „доктора права“, т. е. римскаго права, которые, въ качествѣ судей и совѣтниковъ князей, работали надъ водвореніемъ римскихъ правовыхъ нормъ на мѣсто нормъ обычнаго права, а это сводилось для крестьянъ къ разрушенію стариннаго общиннаго самоуправленія, расхищенію общинныхъ земель помѣщиками (на что указываютъ ст. 5 и 10 „Программы 12 статей“) и обостренію крѣпостного права.

фовъ и господъ, 2 отъ рыцарства, 3 отъ имперскихъ городовъ, 3 отъ княжескихъ городовъ, 4 отъ всѣхъ коммунъ въ имперіи. Они должны будутъ выбрать себѣ (въ предсѣдатели) имперскаго каммеррихтера изъ графовъ или господъ. И изъ числа этихъ 16 лицъ истецъ и отвѣтчикъ должны выбирать себѣ ходатая и совѣтника по своему дѣлу. Взятыя въ каммергерихтъ лица до этого должны по крайней мѣрѣ 9 лѣтъ засѣдать и дѣйствовать въ судѣ.

Подъ каммергерихтомъ должно почитать за благо установить въ имперіи 4 гофгерихта, изъ которыхъ каждый долженъ состоять также изъ 16 лицъ—именно: отъ князей, графовъ и господъ 3, отъ рыцарей и оруженосцевъ 3, отъ имперскихъ городовъ 3, отъ княжескихъ городовъ 3, ото всѣхъ коммунъ и общинъ въ имперіи 4. Они также должны всѣ вмѣстѣ выбрать одного господина въ свои гофрихтеры. Изъ этихъ 16 стороны указаннымъ выше образомъ должны брать себѣ ходатая и совѣтника. Такія лица должны быть почтенны и до этого засѣдать въ совѣтѣ и судѣ.

Также подъ 4 гофгерихтами должны быть 16 ландгерихтовъ. Каждые 4 должны быть подчинены одному гофгерихту, и каждый долженъ состоять изъ 16 лицъ—именно: 4 отъ князей, графовъ и господъ, 4 отъ рыцарей и слугъ, 4 отъ всѣхъ городовъ и 4 отъ всѣхъ коммунъ. Каждый ландгерихтъ долженъ поставить и избрать себѣ въ рихтеры человѣка рыцарскаго званія. Они должны поступать указаннымъ выше образомъ.

Также подъ 16 ландгерихтами должны быть 64 фрейгерихта. Каждые 4 должны быть подчинены одному ландгерихту, и каждый долженъ состоять изъ 16 лицъ—именно: 4 отъ имперскихъ городовъ, 4 отъ дворянства, 4 отъ княжескихъ городовъ и 4 отъ всѣхъ коммунъ. Каждый фрейгерихтъ долженъ выбрать одного изъ дворянъ во фрейрихтеры и поступать указаннымъ выше образомъ, однако безъ ущерба для городского суда и деревенскихъ общинъ.

Также отъ городскихъ и деревенскихъ судовъ можно аппелировать къ ближайшему фрейгерихту, но по дѣламъ

не ниже 10 гульденовъ, за исключеніемъ дѣлъ о чести или наслѣдствѣ.

Также отъ фрейгерихта можно аппелировать къ ближайшему ландгерихту, однако по дѣламъ не ниже 100 гульденовъ.

Также отъ ландгерихта можно аппелировать къ ближайшему гофгерихту, однако по дѣламъ не ниже 1.000 гульденовъ.

Также отъ гофгерихта можно аппелировать къ каммергерихту, однако по дѣламъ ни ниже 10.000 гульденовъ.

VII. Хорошо было бы, чтобы, за исключеніемъ необходимаго, устранены были всѣ имѣвшія доселѣ мѣсто пошлины, проводныя деньги, пошлины со съѣстныхъ припасовъ и другія подати и отягощенія, чтобы своекорыстіе не отягощало общей пользы.

VIII. Всѣ дороги въ нѣмецкомъ народѣ должны содержаться свободно и безъ принужденія, безъ насилій и проводныхъ поборовъ, безъ всякаго исключенія, ибо князья и господа держатъ ихъ на правахъ лена отъ римской имперіи. А если въ области какого-нибудь князя или господина кто-нибудь потерпитъ ущербъ или у него будетъ отнято его имущество, то пусть этотъ самый князь или господинъ вполнѣ ему за это заплатитъ и возмѣститъ убытокъ.

Также должна быть отмѣнена всякая пошлина съ вина, пива и меда, кромѣ того, что отчасти будетъ оставлено по основательной причинѣ.

IX. Должны быть устранены подмоги и другія податныя новшества, за исключеніемъ того, что римскому императору должна быть оставлена его подать, которая взимается разъ въ 10 лѣтъ, какъ подтвердилъ Богъ въ 22 гл. Матѳея.

X. Вся золотая и серебряная монета должна быть переплавлена и приведена къ одному зерну и вѣсу, однако безъ ущерба для вольностей и правъ каждаго. И чтобы всякое горное дѣло было сдѣлано свободнымъ, будетъ ли то золото, серебро, ртуть, мѣдь, свинецъ или что другое, ничего не исключая.

XI. Нужно обратить вниманіе на большія потери бѣдныхъ при покупкахъ и продажахъ. Въ имперіи должна быть введена одна мѣра, одинъ локоть, одинъ возъ, одинаковый вѣсъ, одна длина для сукна, бумазей и всѣхъ другихъ товаровъ.

XII. Чтобы компаніи, какъ Фуггеры, Гёхштетеры, Вельзеры и т. п., были отмѣнены, ибо отъ ихъ произвола богатые и бѣдные терпятъ отягощеніе во всѣхъ товарахъ.

Въ заключеніе, чтобы были устранены всякіе союзы князей, господъ и городовъ, и чтобы соблюдался только императорскій миръ, безъ всякихъ проводныхъ поборовъ и отягощеній, и всякія записи, установленныя по этому поводу, должны быть устранены и никогда не должны устанавливаться впредь, подъ угрозою потери всѣхъ вольностей, леновъ и регалій.

Переводъ А. Н. Савина.

56.

Крестьянское возстаніе и Лютеръ.

Изъ памфлета Лютера „Противъ разбойныхъ и грабительскихъ шаекъ крестьянъ“.

1525.

Лютеръ, какъ принципіальный противникъ всякихъ насильственныхъ мѣръ, въ особенности если онѣ шли снизу, и какъ убѣжденный сторонникъ существующаго политическаго и общественнаго порядка, отнесся къ возставшимъ крестьянамъ съ безусловнымъ отрицаніемъ. Первоначально онъ обратился къ нимъ съ словомъ увѣщанія, но когда напечатанное имъ *Увѣщаніе къ миру* было оставлено возставшими безъ всякаго вниманія, онъ разразился гнѣвнымъ памфлетомъ „противъ разбойныхъ и грабительскихъ шаекъ крестьянъ“. Здѣсь приводятся отрывки изъ этого памфлета.

Три рода ужасныхъ грѣховъ противъ Бога и людей навлекаютъ на себя эти крестьяне, поэтому они заслужили много разъ смерть, и тѣлесную и душевную.

Во-первыхъ, они клялись своимъ господамъ въ вѣрно-

-сти и преданности, быть покорными и послушными, какъ повелѣваетъ Богъ, говоря: „дайте кесарево кесарю"; и (Римл. 13,1) „каждый да повинуется власти". Но так какъ они своевольно и дерзко нарушаютъ это повиновеніе, къ тому же возстаютъ противъ своихъ господъ, то они навлекли казнь на тѣло и душу, поступая какъ невѣрные, клятвопреступные, лживые, непокорные негодяи и злодѣи. Поэтому и св. Павелъ (Римл. 13,2) высказываетъ о нихъ такое сужденіе: „противящійся власти навлекаетъ на себя кару". Это изреченіе осуществится, наконецъ, рано или поздно, на крестьянахъ, ибо Богъ цѣнитъ преданность и вѣрность.

Во-вторыхъ, такъ какъ они поднимаютъ мятежъ, дерзко расхищаютъ и грабятъ монастыри и замки, которые имъ не принадлежатъ, то уже за это одно они дважды повинны смерти тѣлесной и душевной, какъ общественные придорожные грабители и убійцы. Всякій мятежникъ, котораго въ этомъ могутъ уличить, находится уже въ опалѣ Божіей и императорской, такъ что всякій, кто раньше другихъ сможетъ такого человѣка удавить, сдѣлаетъ справедливо и хорошо. Ибо по отношенію къ общественному мятежнику каждый является высшимъ судьей и палачемъ, подобно тому, какъ при пожарѣ всякій, кто прежде всѣхъ тушитъ, наилучшій человѣкъ. Ибо мятежъ—не простое убійство, но подобенъ большому пожару, который воспламеняетъ и опустошаетъ страну, потому что мятежъ наполняетъ страну убійствомъ, кровопролитіемъ, создаетъ вдовъ и сиротъ и приводитъ все въ разстройство, какъ величайшее бѣдствіе. Поэтому всякій, кто можетъ, долженъ ихъ (крестьянъ) бить, душить, колоть, тайно или явно, и помнить, что не можетъ быть ничего ядовитѣе, вреднѣе, ничего болѣе дьявольскаго, чѣмъ мятежникъ. Его надо убивать, какъ бѣшеную собаку; если ты его не убьешь, то онъ убьетъ тебя и вмѣстѣ съ тобою цѣлую страну.

Въ-третьихъ, подлежатъ смерти за то, что такіе ужасные, великіе грѣхи прикрываютъ Евангеліемъ, называютъ себя братьями во Христѣ, принимаютъ присягу и (выраже-

ніе) преданности и принуждають людей вмѣстѣ съ ними поддерживать эти ужасы. За то, что они величайшіе богохульники и поносители святого имени Божія и за то, что чтять дьявола и служать ему подъ видомъ Евангелія, они десять разъ заслуживають смерть тѣлесную и душевную, ибо я не слыхалъ о болѣе отвратительномъ грѣхѣ. Обрати вниманіе на то, что дьяволъ предчувствуетъ близость страшнаго суда, такъ какъ онъ берется прямо за неслыханное дѣло. Онъ будто-бы хочетъ сказать: это—послѣднее, потому должно быть наихудшимъ, надо взболтать осадокъ и выломить дно. Да воспрепятствуетъ ему Богъ! Посмотри, какой могущественный князь—дьяволъ, какъ онъ держитъ въ своихъ рукахъ міръ, и какъ все можетъ перемѣшать, если онъ въ состояніи въ такое короткое время обольстить, соблазнить, ослѣпить, ожесточить, взбунтовать столько тысячъ крестьянъ и сдѣлать съ ними все, что замыслитъ его неистовствующая ярость.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

---

4. Контръ-реформація.

Учрежденіе Іезуитскаго ордена.

57.

Папская булла Regimini militantis.

27 сентября 1540 г.

Павелъ епископъ, рабъ рабовъ Божіихъ. На вѣчную о томъ память. Будучи поставлены изволеніемъ Господа, хотя и незаслуженно, во главѣ управленія воинствующей церковью и въ силу пастырскаго долга неусыпно заботясь о спасеніи душъ, мы всѣхъ вѣрныхъ, которые направляютъ къ тому свои желанія, поддерживаемъ благодатью апостольскаго благоволенія и, кромѣ того, располагаемъ другими милостями свыше; соотвѣтственно сему, взвѣсивъ качество временъ и мѣстъ, съ помощью Божіей находимъ полезнымъ привести въ исполненіе.

I. Такъ какъ недавно мы узнали, что любезные сыновья наши—Игнатій Лойола, Петръ Фаберъ, Яковъ Лайнецъ, Клавдій Іайусъ, Пасхазій Броэтъ, Францискъ Ксавье, Альфонсъ Сальмеронъ, Симонъ Родригесъ, Іоаннъ Кодури и Николай де Бобадилла, священники, магистры словесныхъ наукъ, получившіе степени въ Парижскомъ университетѣ, и многіе годы занимавшіеся богословскими науками, по вдохновенію Св. Духа, какъ благочестиво вѣрятъ, уже давно собрались вмѣстѣ изъ разныхъ странъ міра и, составивъ общество, и отказавшись отъ прелестей міра сего, посвятили свою жизнь на вѣчное служеніе Господу нашему Іисусу Христу, намъ и преемникамъ нашимъ Римскимъ первосвященникамъ, и уже много лѣтъ какъ похваль-

но трудились въ винограднике Господнемъ, публично проповѣдуя слово Божіе съ достаточной въ предыдущемъ свободой, увѣщая частнымъ образомъ вѣрныхъ къ доброй и благочестивой жизни, побуждая къ благочестивымъ размышленіямъ, заботясь о странникахъ, уча дѣтей и необразованныхъ людей тому, что необходимо для наставленія человѣка въ христіанствѣ, и весьма похвально исполняя во всѣхъ земляхъ, гдѣ они странствовали, обязанности милосердія и обязанности относящіяся къ спасенію душъ.

II. Когда они, связанные узами любви, явились въ сей богоспасаемый городъ и, добиваясь утвержденія и сохраненія ихъ единенія во Христѣ, выработали относительно того, что, какъ они узнали на практикѣ, ведетъ къ предположенной ими цѣли, нѣкоторыя правила, согласныя съ евангельскими наставленіями и каноническими установленіями отцовъ, было сдѣлано такъ, чтобы образъ жизни этихъ братьевъ, какъ онъ формулированъ въ названномъ уставѣ, не только восхвалялся многими хорошими и ревностными въ Богѣ людьми, но также чтобы со стороны нѣкоторыхъ онъ встрѣтилъ такое одобреніе, чтобы они сами возжелали ему слѣдовать.

XIV. Такъ какъ въ вышесказанномъ [1]) не встрѣчается ничего, что не было бы благочестиво и свято, мы, чтобы тѣ же братья, которые относительно этого смиреннѣйше умоляли насъ, тѣмъ скорѣе могли начать предположенную ими благочестивую жизнь и знали, что они удостоены высшей милости апостольскаго престола, мы апостольской властью все вышесказанное (чтобы они видѣли, что это одобрено нами) и отдѣльныя статьи, какъ полезныя для духовнаго преуспѣянія этихъ братьевъ и остального христіанскаго стада, въ настоящемъ порядкѣ, въ твердой увѣренности одобряемъ, утверждаемъ, благословляемъ и укрѣпляемъ вѣчнымъ утвержденіемъ, а самихъ братьевъ принимаемъ подъ наше и святого апостольскаго престола покровительство, при чемъ допускаемъ, чтобы они свободно издавали свои частные

---

[1]) Въ предшествующихъ статьяхъ излагается уставъ Общества Іисуса.

уставы, какіе они сочтутъ соотвѣтствующими цѣли этого рода общества, славѣ Господа нашего Іисуса Христа и благу ближняго, и чтобы эти уставы, будучи разрѣшены, имѣли силу.

Переводъ Н. И. Никифорова.

58.

Изъ устава Общества Іисуса.

Да будетъ извѣстно всѣмъ членамъ нашего общества и да напишутъ они это неизгладимыми буквами не только на дверяхъ своихъ обителей, но и въ сердцахъ своихъ на всю жизнь: все наше общество, и слѣдовательно всѣ и каждый, кто въ него вступаетъ, обязывается вѣрой-правдой повиноваться нашему святому отцу—папѣ и всѣмъ преемникамъ его, и только подъ этимъ условіемъ имѣютъ право трудиться для Бога. Хотя Евангеліе учитъ, и потому Церковь признаетъ догматомъ, что всѣ вѣрующіе во Христа обязаны повиновеніемъ и покорностью папѣ римскому, какъ видимому главѣ Церкви и намѣстнику Іисуса Христа, тѣмъ не менѣе, для того, чтобы показать великое смиреніе нашего общества вообще и полное самоотреченіе каждаго члена его въ частности,—чтобы всенародно засвидѣтельствовать рѣшительный отказъ нашъ отъ собственной воли,– мы обязываемся принять особый обѣтъ послушанія. Обѣтъ этотъ долженъ состоять въ томъ, что мы обѣщаемъ всегда, немедленно и беззавѣтно повиноваться всему, что прикажутъ намъ нынѣшній и будущіе папы, насколько это послужитъ для блага душъ и для распространенія религіи, какія бы порученія они намъ ни давали, хотя бы они послали насъ къ туркамъ или къ другимъ невѣрнымъ. Поэтому всѣ, кто намѣренъ вступить въ наше общество, должны, прежде чѣмъ принять на себя такое бремя, хорошо взвѣсить и подумать, обладаютъ ли они для этого достаточною душевною силою, чтобы съ Божьей помощью взобраться на такую высоту; они должны подумать, одарилъ ли ихъ на это дѣло Духъ Свя-

той такою степенью благодати, чтобы они могли надѣяться, при Его помощи, не пасть подъ великимъ бременемъ такого призванія. Но разъ твердо рѣшившись быть воинами Христовыми, они должны денно и нощно не снимать меча и каждый часъ быть готовыми выполнять свои обязанности.

Всѣ и каждый должны дать обѣтъ безусловно повиноваться генералу во всемъ, что касается устава ордена; генералъ же обязывается давать лишь такія приказанія, которыя, по его мнѣнію, клонятся къ достиженію цѣли общества. Словомъ, для пользы ордена и въ видахъ постояннаго упражненія въ смиреніи, члены общества должны всегда и во всемъ повиноваться генералу, согласно правиламъ общества, и чтить въ немъ представителя Христова.

Переводъ Я. Г. Гуревича.

Тридентскій соборъ.

1545—1563.

Папа Павелъ III въ своей буллѣ, созывавшей соборъ, намѣтилъ три предмета для обсужденія на соборѣ: 1) устраненіе религіознаго несогласія въ Церкви путемъ формулировки догмы и доктрины; 2) реформу злоупотребленій въ Церкви; 3) крестовый походъ. Открытіе собора состоялось въ декабрѣ 1545 г. Съ февраля 1546 г. по мартъ 1547 г. были установлены различные важные пункты догмы, но затѣмъ большинство членовъ собора, противъ воли императора, были, подъ предлогомъ эпидеміи, переведены въ Болонью и до смерти Павла III въ ноябрѣ 1540 г. засѣданій собора не было. При Юліи III соборъ началъ свою дѣятельность лишь съ мая 1551 г. и продолжалъ засѣдать по 28 апрѣля 1552 г., послѣ чего вновь былъ отсроченъ. Послѣднія засѣданія состоялись при Піѣ IV съ 18 января 1562 г. по 4 декабря 1563 г. Тридентскій Соборъ, вмѣстѣ съ созданіемъ ордена Іезуитовъ, явился важнѣйшимъ факторомъ контръ-реформаціоннаго движенія. Постановленіями собора догма католической церкви была опредѣлена разъ навсегда, а вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно было установлено главенство папы надъ соборомъ. Ниже приводятся лишь наиболѣе существенные пункты изъ многочисленныхъ постановленій собора.

59.

Постановленіе о каноническихъ книгахъ.

Святой вселенскій Тридентскій соборъ, законно собранный въ Духѣ Святомъ, подъ предсѣдательствомъ трехъ легатовъ апостольскаго престола, имѣя постоянно въ виду, чтобы по исправленіи ошибокъ сохранялась въ Церкви чистота Евангелія, которое, послѣ того какъ оно было обѣщано пророками въ Священномъ Писаніи, Господь нашъ Іисусъ Христосъ Сынъ Божій сначала Самъ объявилъ устно, а затѣмъ чрезъ Своихъ апостоловъ заповѣдалъ проповѣдовать всякому созданію, какъ источникъ всякой спасительной истины и нравственнаго наставленія; находя, что эта истина и наставленіе содержатся въ священныхъ книгахъ и неписаномъ преданіи, которое, будучи принято апостолами изъ устъ Самого Христа, или же отъ самихъ апостоловъ, говорившихъ по внушенію Духа Святого, дошло до насъ, какъ бы записаннымъ; слѣдуя примѣрамъ православныхъ отцовъ, соборъ съ одинаковымъ благоговѣніемъ и уваженіемъ принимаетъ и почитаетъ всѣ книги, какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта, такъ какъ авторомъ тѣхъ и другихъ является одинъ Богъ, а также преданія, относящіяся какъ къ вѣрѣ, такъ и къ нравственности, какъ устно принятыя отъ Христа, такъ и внушенныя отъ Духа Святого и непрерывно сохранявшіяся въ католической Церкви. Соборъ настоящимъ декретомъ постановилъ составить списокъ священныхъ книгъ, чтобы ни у кого не могло возникнуть сомнѣнія относительно того, какія книги приняты самимъ соборомъ.

Таковы нижеслѣдующія книги Ветхаго Завѣта: Пятикнижіе Моисеево (Бытія, Исходъ, Левитъ, Числъ, Второзаконія), Іосіи, Судей, Руѳъ, четыре книги Царствъ, двѣ книги Паралипоменонъ, первая книга Ездры и вторая, называемая Нееміи, Товія, Юдифь, Эсѳирь, Іовъ, Псалмы Давида (150 псалмовъ), Притчи, Экклезіастъ, Пѣснь Пѣсней, Премудрости, Экклезіастикъ, Исаіи, Іереміи и Варуха, Езекіиля, Даніила; 12 младшихъ пророковъ: Осіи, Іоиля, Амоса, Авдѣя, Іоны,

Михея, Наума, Аввакума, Софоніи, Аггея, Захаріи, Малахіи; первая и вторая книги Маккавеевъ. Новаго Завѣта: четыре Евангелія (Матѳея, Марка, Луки и Іоанна), Дѣянія Апостоловъ, написанныя евангелистомъ Лукой; четырнадцать посланій апостола Павла къ Римлянамъ, два къ Коринѳянамъ, къ Галатамъ, къ Эфесянамъ, къ Филиппянамъ, къ Колоссянамъ, два къ Ѳессалонянамъ, два къ Тимоѳею, къ Титу, къ Филимону, къ евреямъ; два посланія апостола Петра, три апостола Іоанна, одно апостола Іакова, одно апостола Іуды и Апокалипсисъ апостола Іоанна. Если же кто-либо не будетъ считать святыми и каноническими эти книги въ цѣломъ и во всѣхъ ихъ частяхъ, какъ обычно онѣ читаются въ католической церкви и имѣются въ древнемъ латинскомъ изданіи Вульгаты, и если вполнѣ сознательно будетъ относиться съ презрѣніемъ къ вышеупомянутому преданію, да будетъ анаѳема.

60.

Постановленіе о Таинствахъ.

I. Если кто-либо скажетъ, что не всѣ Таинства Новаго Завѣта были установлены Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, или-же, что Таинствъ больше или меньше, чѣмъ семь, т. е. крещеніе, мѵропомазаніе (конфирмація), причащеніе, покаяніе, елеосвященіе, священство и бракъ, или же, что какое-либо изъ этихъ семи Таинствъ не есть истинное и дѣйствительное Таинство, —да будетъ анаѳема.

II. Если кто-либо скажетъ, что Таинства Новаго Завѣта не отличаются отъ Таинствъ Ветхаго Завѣта, а только церемоніи и внѣшніе обряды другіе,—да будетъ анаѳема.

III. Если кто-либо скажетъ, что эти семь Таинствъ настолько равны между собою, что ни въ какомъ отношеніи одно не достойнѣе другого,—да будетъ анаѳема.

IV. Если кто-либо скажетъ, что Таинства Новаго Завѣта не являются необходимыми для спасенія и излишни, и что безъ нихъ или безъ исполненія ихъ люди одной вѣрой достигаютъ отъ Бога милости оправданія, и каждому чело-

вѣку всѣ Таинства не являются необходимыми,—да будетъ анаѳема.

V. Если кто скажетъ, что эти Таинства были установлены только ради поддержанія вѣры, — да будетъ анаѳема.

VI. Если кто скажетъ, что Таинства Новаго Завѣта не содержатъ въ себѣ благодати, которую они обозначаютъ, или же, что они не сообщаютъ благодати и принимаются вѣрой въ благодать и правду только какъ внѣшніе символы и внѣшнія проявленія христіанскаго исповѣданія, которыми у людей вѣрные отличаются отъ невѣрныхъ,—да будетъ анаѳема.

VII. Если кто скажетъ, что этими Таинствами не сообщается, насколько то зависитъ отъ Бога, благодать всегда и всѣмъ, если даже они принимаются согласно обрядовому чину, но лишь иногда и лишь нѣкоторымъ, — да будетъ анаѳема.

VIII. Если кто скажетъ, что эти Таинства Новаго Завѣта сами по себѣ не сообщаютъ благодати, но что для достиженія благодати достаточно одной вѣры въ божественное обѣщаніе,—да будетъ анаѳема.

IX. Если кто скажетъ, что въ трехъ Таинствахъ—крещеніи, муропомазаніи и священствѣ—душа не получаетъ особой печати, но что характеръ души представляетъ собой нѣкій духовный и неизмѣняемый признакъ, котораго Таинства не могутъ кореннымъ образомъ преобразить,—да будетъ анаѳема.

X. Если кто скажетъ, что всѣ христіане имѣютъ власть проповѣдовать и совершать всѣ Таинства, — да будетъ анаѳема.

XI. Если кто скажетъ, что у священнослужителей, въ то время какъ они совершаютъ и сообщаютъ Таинства, не имѣется даже намѣренія совершать то, что совершаетъ Церковь,—да будетъ анаѳема.

XII. Если кто скажетъ, что священникъ, состоящій въ смертномъ грѣхѣ, хотя бы онъ выполнилъ все существен-

ное, что относится къ совершенію Таинства или требы, не совершаетъ Таинства или требы,—да будетъ анаѳема.

XIII. Если кто скажетъ, что принятые и одобренные католической Церковью обряды торжественнаго совершенія Таинствъ обращаются въ привычку или презираются, или же, что они могутъ быть опущены по желанію безъ грѣха со стороны священнослужителя, или что они могутъ быть замѣнены новыми кѣмъ-либо изъ священниковъ,—да будетъ анаѳема.

61.

Постановленіе о папскомъ авторитетѣ.

Въ заключеніе святой соборъ объявляетъ, что во всемъ и въ частности въ томъ, что на этомъ святомъ соборѣ при папахъ Павлѣ III, Юліѣ III и блаженнѣйшемъ Піѣ IV было постановлено во всѣхъ заключеніяхъ и словахъ относительно улучшенія нравовъ и церковной дисциплины, было опредѣлено, что во всемъ этомъ всегда пребываетъ и подразумѣвается ненарушимымъ авторитетъ апостольскаго престола.

Переводъ Н. И. Никифорова.

5. Францiя въ эпоху реформацiи.

Жанъ Кальвинъ.

1509—1564.

Жанъ Кальвинъ (*Jean Calvin* [1]), родоначальникъ второго, послѣ лютеранства, теченiя въ протестантствѣ, родился въ 1509 г. во Францiи, въ городкѣ Нойонѣ; умеръ въ 1564 г. въ Женевѣ, сдѣлавшейся главнымъ поприщемъ дѣятельности Кальвина и главнымъ очагомъ *кальвинизма*. Въ 1535 г. онъ опубликовалъ свой трактатъ (на латинскомъ яз.) *Наставленiе въ христiанской вѣрѣ* (*Christianae religionis Institutio*), которое нѣсколько лѣтъ спустя (въ 1541 г.) онъ напечаталъ также по-французски. Въ этомъ трактатѣ Кальвинъ далъ то, чего въ свое время не далъ Лютеръ: систематическое изложенiе протестантскаго вѣроученiя. Ниже приводятся два отрывка изъ трактата Кальвина: первый изъ нихъ (ученiе объ iерархiи) относится къ одному изъ главныхъ пунктовъ разногласiя между католичествомъ и протестантствомъ; второй (ученiе о предопредѣленiи) является однимъ изъ характерныхъ аттрибутовъ именно кальвинизма, въ отличiе отъ лютеранства.

62.

Ученiе Кальвина о церковной iерархiи.

1535.

Существуетъ четыре степени должностей, установленныхъ Господомъ нашимъ для управленiя Его церковью: во-первыхъ—пасторы, затѣмъ—доктора, далѣе—старѣйшины и въ четвертыхъ—дiаконы.

---

[1]) Настоящее имя его было *Cauvin*, а по-латыни онъ подписывался *Calvinus*; изъ этой латинской формы образовалась уже эта, сдѣлавшаяся общепринятой, но неправильная форма имени *Calvin*.

И если мы желаемъ имѣть хорошо управляемую Церковь, мы должны соблюдать этотъ порядокъ.

Что касается пасторовъ.., ихъ обязанностью является возвѣщать слово Божіе.., совершать Таинства и вмѣстѣ со старѣйшинами и приставами налагать братскія наказанія.

Чтобы ничто въ церкви не совершалось безпорядочно, никто не долженъ вступать въ эту должность безъ призванія, при чемъ слѣдуетъ принимать во вниманіе *три* вещи: во-первыхъ экзаменъ, который (состоитъ изъ двухъ частей) и является главнымъ дѣломъ; въ третьихъ, какую церемонію слѣдуетъ сохранить для возведенія ихъ въ санъ.

Экзаменъ состоитъ изъ двухъ частей. Во-первыхъ, имѣетъ ли тотъ, кто подлежитъ посвященію, хорошее и святое знаніе Писанія. Затѣмъ, способенъ ли онъ сообщать его народу. Далѣе, во избѣжаніе всякой опасности, что кандидатъ можетъ посѣять какое-либо дурное мнѣніе, будетъ умѣстнымъ, чтобы онъ заявилъ о томъ, что принимаетъ принятое Церковью ученіе. Чтобы знать, способенъ ли онъ учить, слѣдуетъ вести экзаменъ путемъ вопросовъ. Вторая часть—о жизни, именно, добрыхъ ли онъ нравовъ.

'Далѣе, кому принадлежитъ право поставлять пасторовъ?

Прежде всего пасторы избрутъ того, кого надлежитъ посвятить въ санъ. Затѣмъ его представятъ совѣту, который приметъ его, если найдетъ его достойнымъ.

Что касается способа возведенія въ санъ, то будетъ хорошо примѣнять возложеніе рукъ, съ тѣмъ, однако, чтобы это совершалось безъ суевѣрія. Когда онъ будетъ избранъ, онъ долженъ принести сеньеріи присягу, для которой будетъ писаная форма.

Какъ должно хорошо экзаменовать священниковъ, такъ же слѣдуетъ имѣть хорошій надзоръ за ними, чтобы поддерживать ихъ въ исполненіи своего долга.

Прежде всего будетъ полезно, чтобы всѣ пасторы, для сохраненія въ своей средѣ чистоты и согласія ученія, въ опредѣленный день недѣли собирались вмѣстѣ для собесѣдованія о Писаніи.

Чтобы предотвратить всѣ житейскіе соблазны, надо будетъ позаботиться о способѣ исправленія, которому всѣ бы подчинялись и который также будетъ средствомъ сохранять санъ въ почтеніи. Чтобы поддерживать эту дисциплину, пасторы каждые три мѣсяца должны будутъ имѣть спеціальное сужденіе относительно того, не заслуживаетъ ли кто изъ нихъ упрека.

(Что касается) тѣхъ лицъ второго сана, которыхъ мы назвали докторами, то собственно ихъ обязанностью является наставленіе вѣрныхъ въ святомъ ученіи.

Слѣдующій третій санъ—старѣйшины. Ихъ обязанностью является—слѣдить за жизнью каждаго, дружески увѣщевать тѣхъ, кого они замѣтятъ въ проступкахъ или въ безпорядочной жизни. Ихъ слѣдуетъ избирать такъ, чтобы они имѣлись въ каждомъ кварталѣ города и повсюду имѣли глазъ.

Четвертый санъ, именно діаконы, всегда въ древней церкви были двухъ родовъ: однимъ поручалось принимать расходовать и сохранять имущество бѣдныхъ, какъ ежедневную милостыню, такъ и предназначенныя для того имущества, другимъ—заботиться о больныхъ.

Переводъ Н. И. Никифорова.

63.

Ученіе Кальвина о предопредѣленіи.

1535.

Въ самой устрашающей неизвѣстности обнаруживается не только полезный, но и сладчайшій плодъ этого ученія. Никогда мы не будемъ опредѣленно убѣждены надлежащимъ образомъ, что наше спасеніе вытекаетъ изъ источника безкорыстнаго состраданія Божія, пока намъ не станетъ извѣстно Его вѣчное избраніе, которое въ этомъ сравненіи обнаруживаетъ милость Божію, такъ какъ Онъ не всѣмъ вообще сообщаетъ надежду на спасеніе, но даетъ однимъ то, въ чемъ отказываетъ другимъ. Всѣмъ извѣстно,

насколько незнаніе этого принципа умаляетъ славу Божію и лишаетъ истиннаго смиренія. Тѣ, кто желаетъ скрыть это, въ сущности коварно затемняютъ то, что должно быть торжественно и громогласно прославляемо, и исторгаютъ самый корень смиренія. Тѣ, которые запираютъ двери, чтобы кто-либо не рѣшился вкусить отъ этого ученія, наносятъ не меньшее оскорбленіе людямъ, чѣмъ Богу.

Съ другой стороны толкуютъ: *неужели (люди) были раньше по повелѣнію Божію предопредѣлены къ той испорченности, которая нынѣ объясняется осужденіемъ? Такимъ образомъ, если они погибаютъ въ своей испорченности, они несутъ не что иное, какъ наказаніе за тотъ грѣхъ, въ который по предопредѣленію впалъ Адамъ и съ собою погубилъ своихъ потомковъ. Неужели Онъ такъ несправедливъ, что столь жестоко издѣвался бы надъ своими созданіями?* Конечно признаю, что по волѣ Божіей всѣ сыны Адама впали въ то жалкое состояніе, которымъ нынѣ они связаны: однако, какъ я говорилъ вначалѣ, возвратить въ прежнее состояніе всегда принадлежитъ единственно опредѣленію Божественной воли, причина котораго скрыта въ Немъ Самомъ.

Переводъ Н. И. Никифорова.

64.

Король Францискъ I

въ характеристикѣ французскаго придворнаго.

1515—1547.

Приводимая здѣсь характеристика Франциска I принадлежитъ одному изъ французскихъ придворныхъ аристократовъ и въ то же время одному изъ видныхъ писателей второй половины XVI в., *Брантому. Pierre de Bourdeille, seigneur de Brantôme,* родился въ 1540 г. и, слѣдовательно, былъ современникомъ Франциска I лишь въ періодъ своего дѣтства; но, въ качествѣ придворнаго, онъ имѣлъ возможность черпать свои свѣдѣнія о Францискѣ изъ свѣжихъ воспоминаній своихъ старшихъ современниковъ, близко стоявшихъ къ королю. Въ преклонныхъ лѣтахъ

Брантомъ поселился въ своемъ имѣніи и здѣсь наполнялъ свой досугъ литературнымъ трудомъ, плодомъ котораго, между прочимъ, было и сочиненіе подъ заглавіемъ *Жизнь замѣчательныхъ людей и великихъ полководцевъ французскихъ (Vie des hommes illustres et des grands capitaines français)*, откуда взята и приводимая здѣсь характеристика Франциска I.

Кромѣ другихъ прекрасныхъ качествъ, которыми обладалъ король, онъ очень любилъ литературу и ученыхъ своего королевства, съ которыми онъ постоянно велъ важные ученые разговоры, обыкновенно давая имъ сюжеты и темы. На эти диспуты допускался всякъ, кто являлся; нельзя было только быть невѣждой или ошибаться, ибо такого скоро разоблачалъ самъ король.

Этотъ государь отличается ясностью сужденія и весьма обширной ученостью; не существуетъ вещи, науки или искусства, о которыхъ онъ не могъ бы разсуждать очень дѣльно и столь же увѣренно, какъ тѣ, что спеціально занимаются ими. Его познанія не ограничиваются только искусствомъ воевать, умѣньемъ доставлять продовольствіе войскамъ, командовать арміей, составлять планъ сраженія, устраивать ложементы, штурмовать городъ или же защищать его, управлять артиллеріей; онъ знаетъ не только все, что имѣетъ отношеніе къ морской войнѣ, но также весьма опытенъ въ охотѣ, живописи, литературѣ, языкахъ и различныхъ физическихъ упражненіяхъ, которыя приличны хорошему рыцарю. Дѣйствительно, глядя на то, какъ, несмотря на его познанія и краснорѣчіе, всѣ его военныя дѣянія принесли ему мало выгоды, говорятъ, что вся его мудрость только въ языкѣ, но не въ характерѣ. Я же думаю, что неудачи этого короля происходятъ отъ недостатка въ людяхъ, способныхъ хорошо исполнять его планы. Что касается его самого, то ему обыкновенно недостаетъ охоты принимать участіе въ исполненіи (своихъ плановъ), ни даже слѣдить за ихъ исполненіемъ. Ему кажется, что достаточно знать свою роль, т. е. отдавать приказанія и формулировать планы; заботиться объ остальномъ онъ предоставляетъ своимъ под-

чиненнымъ. Такимъ образомъ, отъ него можно было бы еще желать немного болѣе заботливости и терпѣнія, но не опытности и знаній. Его величество легко прощаетъ обиды и добросердечно примиряется съ тѣми, кого онъ обидѣлъ; онъ также любитъ дѣлать подарки, хотя нужда нѣсколько умѣрила это стремленіе къ щедрости. Тѣмъ не менѣе онъ еще расходуетъ на свое содержаніе и содержаніе двора 300,000 экю въ годъ, изъ которыхъ 70,000 назначены для королевы. Въ прежніе годы она имѣла 90,000 экю [1]).

Выше всѣхъ онъ ставилъ Кастелляпуса [2]), очень ученаго человѣка, къ которому король обращался, минуя другихъ, когда имѣлъ какой-либо трудный вопросъ. Такимъ образомъ, столъ короля являлся настоящей школой, ибо тамъ разсуждали о всякихъ матеріяхъ, столько же о войнѣ (за столомъ всегда были главные полководцы, которые умѣли очень хорошо вести съ нимъ разговоръ на эту тему и постоянно напоминать о сраженіяхъ былыхъ войнъ), сколько и о наукахъ, какъ высшихъ, такъ и низшихъ.

Его называли отцомъ и истиннымъ возстановителемъ искусствъ и наукъ; дѣйствительно, до него невѣжество имѣло нѣкоторое мѣсто во Франціи, хотя и раньше, конечно, было нѣсколько ученыхъ; но ученые эти были разсѣяны и принесли столь прекрасную жатву знанія, какъ это видно, лишь послѣ того, какъ король учредилъ коллегію ученыхъ

---

[1]) *Ecu*, въ первоначальномъ своемъ значеніи—*щитъ* (лат. *scutum*), затѣмъ—*гербъ*, и наконецъ—*монета* (золотая), на которой изображенъ былъ гербъ французскихъ королей. Въ виду непостоянства вѣса монеты, постепенно уменьшавшагося, а также въ виду съ трудомъ поддающихся учету измѣненій въ покупательной силѣ золота, перевести на современный денежный масштабъ приведенныя выше цифры представляется чрезвычайно затруднительнымъ. Для насъ, впрочемъ, вполнѣ достаточно того, что приводимыя въ текстѣ суммы являлись очень крупными въ глазахъ современника.

[2]) *Castellanus*—латинизированная по тогдашнему обычаю форма французскаго имени *Duchâtel*. Pierre Duchâtel, одинъ изъ наиболѣе любимыхъ собесѣдниковъ и чтецовъ Франциска I, занималъ послѣдовательно три епископскія каѳедры—въ Тюллѣ, Маконѣ и Орлеанѣ, и должность главнаго духовника арміи и флота.

королевскихъ профессоровъ [1]), которыхъ онъ любилъ разыскивать по всей Европѣ, какъ, напримѣръ, Туссэнъ [2]), Лефевръ д'Этапль [3]), Ватабль [4]), Постель [5]), Робертъ Этьенъ [6]) и другіе, знатоки какъ греческаго, такъ и еврейскаго и латинскаго языковъ, которыхъ онъ посылалъ на свой счетъ путешествовать по чужимъ странамъ, какъ, напримѣръ, великаго путешественника Постеля и другихъ, чтобы разыскивать неизвѣстныя намъ книги, документы и произведенія древности. Такимъ образомъ онъ создалъ и составилъ прекрасную библіотеку въ Фонтенебло, гдѣ нѣкоторое время первымъ хранителемъ и пополнителемъ, украшавшимъ ее каждый день новыми книгами, былъ Бюдэ [7]), одинъ изъ ученѣйшихъ людей христіанства.

Переводъ Н. И. Никифорова.

65.

Послѣдній придворный турниръ во Франціи по разсказу очевидца.

30 іюня 1559 г.

Турниръ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, былъ устроенъ Генрихомъ II 30 іюня 1559 г., въ числѣ прочихъ празднествъ, по

---

[1]) Имѣется въ виду учрежденная Франциском въ 1530 г. *Французская Коллегія* (*Collège de France*), продолжающая существовать, въ измѣненномъ, конечно, видѣ, и по настоящее время.

[2]) *Jacques Toussain*, въ латинизированной формѣ *Tusanus*, профессоръ греческаго языка во Французской Коллегіи, умеръ въ 1547 г.

[3]) *Jacques Lefèvre d'Etaples*, знаменитый въ свое время эллинистъ и богословъ, авторъ перваго полнаго перевода Библіи на французскій языкъ; переводъ этотъ до сихъ поръ въ ходу среди французскихъ протестантовъ. Род. въ 1455 г., ум. въ 1537 г.

[4]) Аббатъ *François Watebled*, латинизированная форма *Vatablus*, затѣмъ переиначенная во французскую форму *Vatable*. Ученый гебраистъ, профессоръ древне-еврейскаго (библейскаго) языка во Французской Коллегіи, умеръ въ 1547 г.

[5]) *Guillaume Postel*, профессоръ математики и восточныхъ языковъ во Французской Коллегіи, умеръ въ 1581 г.

[6]) Знаменитый типографъ и ученый.

[7]) *Guillaume Budé*, въ латинизированной формѣ *Budeus*, знаменитый эллинистъ и антикварій, род. въ 1467 г., ум. въ 1540 г.

случаю двухъ свадебъ: его дочери Елизаветы съ королемъ Филиппомъ II Испанскимъ и сестры Генриха II Маргариты съ герцогомъ Савойскимъ. Этотъ блестящій турниръ, окончившійся столь трагически (смертью короля Генриха II), былъ послѣднимъ турниромъ во Франціи; послѣ несчастнаго случая съ королемъ этотъ видъ придворныхъ празднествъ болѣе не возобновлялся. Приводимый здѣсь разсказъ принадлежитъ очевидцу и участнику турнира, одному изъ приближенныхъ Генриха II, маршалу *де-Віейльвиллю* (умеръ въ 1571 г.). *François de Vieilleville* написалъ обширные мемуары, опубликованные еще при жизни автора, въ 1757 г. въ пяти томахъ, и затѣмъ воспроизведенные въ нѣкоторыхъ крупныхъ собраніяхъ мемуаровъ.

Его Величество не имѣлъ времени сдѣлать вызовъ, потому что герцогъ Савойскій [1]) во мгновеніе явился передъ нимъ въ полномъ вооруженіи; король со смѣхомъ сказалъ ему, чтобы онъ хорошо сжалъ колѣни, такъ какъ онъ намѣренъ хорошо встряхнуть его, несмотря на союзъ и братство. Затѣмъ они выходятъ изъ зала, чтобы сѣсть на лошадей и вступаютъ на мѣсто поединка, гдѣ король очень красиво сдѣлалъ нападеніе и очень искусно переломилъ свое копье; герцогъ Савойскій также переломилъ свое, но онъ ухватился за сѣдельную луку, выбросилъ обломокъ и нѣсколько пошатнулся, что уменьшило похвалу его нападенію. Однако нѣкоторые приписали этотъ недостатокъ упрямству его лошади.

Затѣмъ послѣдовалъ де-Гизъ, который провелъ поединокъ очень хорошо. Но въ третьемъ турнирѣ, послѣднемъ, въ которомъ король долженъ былъ участвовать (такъ какъ вызывающіе выдерживаютъ три поединка, а нападающіе — одинъ), занялъ мѣсто графъ де-Монгомери, молодой человѣкъ большого роста и неуклюжій, бывшій лейтенантомъ сеньера де-Лоржъ, своего отца, одного изъ капитановъ гвардіи. Оба они сошлись въ поединкѣ и очень искусно переломили свои копья. Де-Вьейльвиль, которому, какъ одному изъ вызывавшихъ, надлежало послѣ короля также выступить въ трехъ

[1]) Молодой супругъ сестры короля, Маргариты.

поединкахъ, представился и хотѣлъ выйти на арену, но король просилъ его дать ему возможность еще выступить въ поединкѣ противъ молодого де-Лоржа, такъ какъ онъ желалъ получить реваншъ и говорилъ, что заставилъ его пошатнуться и будто бы выпустить ноги изъ стремянъ. Де-Вьейльвиль отвѣтилъ королю, что онъ выступалъ достаточно и съ большой честью; если же онъ чувствуетъ себя задѣтымъ, то пусть предоставитъ сдѣлать вызовъ ему; и если Монгомери держится не хорошо, то онъ обойдется съ нимъ не мягче, чѣмъ съ племянникомъ донъ-Ригóма. Его величество, несмотря на это, пожелалъ еще выступить противъ этого де-Лоржа и вызвалъ его. На это де-Вьейльвиль сказалъ королю: „Клянусь Богомъ живымъ, Ваше Величество, что вотъ уже болѣе трехъ ночей мнѣ снится, что съ вами сегодня должно случиться какое-нибудь несчастье, и что послѣднее число іюня для васъ является роковымъ; поступайте же какъ вамъ будетъ угодно“.

Де-Лоржъ также желалъ уклониться, говоря, что онъ уже выполнилъ свою очередь и что другіе участники не допустятъ, чтобы онъ воспользовался ихъ правомъ. Но Его Величество разрѣшилъ ему это, приказавъ выступить на арену поединка, чему тотъ, къ величайшему несчастью, повиновался и взялъ копье.

Нужно ли отмѣтить, прежде чѣмъ перейти къ изложенію этого печальнаго событія, что во все продолженіе турнира, какъ всегда водится, непрерывно били во всѣ барабаны и трубили во всѣ трубы изо всѣхъ силъ, до оглушенія, но какъ только оба противника вступили на арену и начался поединокъ, все смолкло, и воцарилась полная тишина, въ которой всѣми нами жутко почуялось грядущее несчастіе. Послѣ того какъ оба они храбро напали другъ на друга и съ большимъ искусствомъ и проворствомъ переломили свои копья, этотъ неловкій де-Лоржъ не бросилъ, согласно обыкновенію, обломокъ, который остается въ рукѣ послѣ того, какъ сломано копье, но продолжалъ держать его опущеннымъ и на всемъ скаку наткнулся на

голову короля, угодивъ прямо въ забрало, которое отъ удара поднялось, и пронзилъ глазъ. Это заставило его величество охватить шею своей лошади, которая съ опущенными поводьями закончила свой пробѣгъ, въ концѣ котораго находились главный и первый конюшіе, чтобы по обыкновенію остановить ее; во всѣхъ поединкахъ, въ которыхъ участвовалъ король, оба эти чина дѣлали это внѣ арены; они спустили его съ лошади и сняли съ него головной уборъ, чтобы проводить его въ его покои. Король слабымъ голосомъ говорилъ имъ, что умираетъ,—что де-Вьейльвиль, снаряжая его, хорошо предвидѣлъ это несчастье, что онъ настойчиво желалъ отклонить его отъ возобновленія поединка, и только что сдѣлалъ все, что могъ, чтобы помѣшать ему сдѣлать этотъ роковой кругъ, но что нельзя избѣжать своей судьбы...

Пять или шесть наиболѣе опытныхъ во Франціи хирурговъ приложили все свое стараніе, чтобы углубить рану и изслѣдовать область мозга, гдѣ могли находиться осколки древка. Однако это для нихъ оказалось невозможнымъ, хотя въ теченіе четырехъ дней они анатомировали четыре головы преступниковъ, которыхъ обезглавили въ Консьержери и тюрьмахъ Гранъ-Шатле; въ эти головы съ силой вонзали обломокъ копья съ той же стороны, съ какой онъ вошелъ въ голову короля, но все было напрасно.

На четвертый день онъ очнулся... велѣлъ позвать королеву, и когда та явилась вся заплаканная, велѣлъ ей, елико возможно, ускорить свадьбу своей сестры... Свадьба была справлена черезъ пять дней послѣ приказанія (короля) и походила скорѣе на похороны, чѣмъ на что-либо другое. Вмѣсто музыки и увеселеній, плачъ, рыданія, скорбь и печаль... На другой день послѣ свадьбы, справленной 10-го іюля 1559 г., король отдалъ Богу душу.

Переводъ Н. Н. Никифорова.

66.

Сенъ-Жерменскій миръ съ гугенотами.

Разговоръ королевы-регентши съ флорентійскимъ посломъ.

1570 г.

Приводимый ниже отрывокъ взятъ изъ разговора матери короля Карла IX, Екатерины Медичи, съ флорентійскимъ посломъ Петруччи. Здѣсь приводятся слова Екатерины, какъ ихъ передаетъ въ своемъ донесеніи Петруччи.

У насъ совершенно отсутствовали деньги, этотъ нервъ войны. Первые люди королевства находятся подъ властью дурныхъ страстей, такъ что приказанія короля исполняются съ медлительностью. Вотъ почему, вопреки нашему желанію, намъ нужно согласиться на миръ и сдѣлать гугенотамъ гораздо больше уступокъ, чѣмъ мы должны были бы сдѣлать. Мы надѣемся, что Богъ, который знаетъ крайность, до которой доведена корона, и что все дѣлается къ лучшему, доставитъ намъ какое-нибудь средство и, тронутый добрыми намѣреніями и добродѣтелями короля, позволитъ своему королевству мало по малу оказаться въ лучшихъ условіяхъ и своимъ вассаламъ возвратиться къ католической религіи.

Война разоряетъ страну и при томъ (во время войны) невинные терпятъ столько же, сколько и виновные. Во время войны число гугенотовъ постоянно растетъ, потому что всѣ бродяги, которые не имѣютъ другого прибѣжища, не принадлежа къ ихъ сектѣ, присоединяются къ нимъ и увеличиваютъ ихъ ряды.

Не наша воля заставила насъ дѣйствовать; необходимость принуждаетъ!

Переводъ Н. И. Никифорова.

67.

Варѳоломеевская ночь

по разсказу современника-гугенота.

24 августа 1572 г.

Приводимый здѣсь разсказъ взятъ изъ мемуаровъ современника-гугенота, *Теодора-Агриппы д'Обинье. Théodore-Agrippa d'Aubigné* является однимъ изъ выдающихся писателей XVI в. Онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ соратниковъ Генриха Наваррскаго, впослѣдствіи французскаго короля Генриха IV, основателя династіи Бурбоновъ. Среди другихъ сочиненій, написалъ мемуары подъ нѣсколько претенціознымъ заглавіемъ—*Histoire universelle*, откуда и приводится настоящій разсказъ. Послѣдній, какъ написанный лицомъ, принадлежавшимъ къ потерпѣвшей сторонѣ, разумѣется, не можетъ претендовать на объективность. Родился д'Обинье въ 1550 г., умеръ въ 1630 г.

Съ вечера герцогъ де-Гизъ, главный руководитель предпріятія, [1]) призвалъ къ себѣ нѣсколькихъ французскихъ и швейцарскихъ капитановъ и сказалъ имъ: „Вотъ насталъ часъ, когда по волѣ короля слѣдуетъ отомстить роду противному Богу; звѣрь въ тенетахъ, и нельзя допустить, чтобы онъ спасся; вотъ честь, дешевая прибыль и средство совершить безъ опасности больше, чѣмъ то могло сдѣлать столь великое количество крови, пролитой нашими“. Сказавъ это, онъ помѣщаетъ своихъ капитановъ по обѣимъ сторонамъ Лувра, [2]) приказавъ имъ не выпускать оттуда никого изъ сторонниковъ принцевъ Бурбоновъ; Коссену увеличиваютъ и обновляютъ число его людей съ тѣмъ же порученіемъ относительно дома, который онъ охранялъ; отсюда онъ посылаетъ розыскать президента Шаррона, бывшаго уже нѣсколько дней городскимъ головой. Послѣдній извѣщаетъ всѣхъ капитановъ города, что они должны быть готовы въ полночь передъ городской ратушей. Тамъ они

---

[1]) *Henri de Guise*, род. въ 1555 г., убитъ въ 1588 г. Одинъ изъ главарей католической партіи и организаторовъ Варѳоломеевской ночи.

[2]) Королевскаго дворца.

получили изъ устъ Марселя (такъ какъ онъ пользовался большимъ вліяніемъ на короля) желанное, хотя и странное, приказаніе; особенно страннымъ казалось приказаніе не щадить никого, и что всѣ города Франціи поступятъ, какъ они; было приказано, чтобы всѣ они, въ качествѣ отличительнаго знака, имѣли бѣлую повязку на лѣвой рукѣ и крестъ на шляпѣ,—чтобы они узнали часъ экзекуціи по звону большого колокола во дворцѣ и зажгли огонь въ окнахъ. Въ полночь королева, [1]) которая опасалась какой-либо перемѣны въ королѣ, входитъ въ комнату своего сына, гдѣ были герцоги де-Гизъ и де-Неверъ, Бирагъ, Таваннъ и графъ де-Ретцъ, приведенные сюда старшимъ братомъ короля. Замѣтивши въ королѣ нѣкоторое колебаніе, королева, среди другихъ разговоровъ, чтобы ободрить его, произнесла слѣдующія слова: „Не лучше ли растерзать эти гнилые члены, чѣмъ лоно Церкви, супруги Господа нашего?“ Король рѣшился и она ускоряетъ набатъ во дворцѣ, приказавъ звонить на полтора часа раньше колокола Сенъ-Жерменъ-Оссеруа [2]). Улицы уже были полны вооруженныхъ людей, на шумъ которыхъ хотѣли собраться протестанты, которыхъ король распорядился размѣстить вблизи Лувра; но, послѣ того какъ на ихъ разспросы имъ отвѣтили, что это приготовленіе къ турниру, кто-то желавшій пройти далѣе былъ раненъ гасконцемъ изъ гвардіи; такъ какъ въ это время послышался первый набатъ, и нужно было начать преслѣдованіе, то герцогъ де-Гизъ и шевалье д'Ангулемъ, которые всю ночь повсюду отдавали приказанія, берутъ съ собой герцога д'Омаль и приходятъ къ квартирѣ адмирала, который, услышавъ шумъ, вообразилъ, что происходитъ бунтъ противъ самого короля; однако онъ измѣнилъ свое мнѣніе, когда Коссенъ, которому открылъ дверь тотъ, у кого были ключи, пронзилъ его кинжаломъ на глазахъ швейцарцевъ, изъ которыхъ одинъ былъ убитъ въ то время, какъ хотѣлъ загородить дверь. Вотъ герцогъ де-Гизъ во

---

[1]) Екатерина Медичи, мать короля Карла IX.

[2]) Знаменитое аббатство въ Парижѣ.

дворѣ, и Коссенъ съ капитанами Атэномъ, Кардильякомъ, итальянцемъ Сарлабосомъ, и нѣмцемъ по имени Бемъ, добрались до крыльца. Адмиралъ [1]) стоялъ со своимъ пасторомъ Мерленомъ, хирургами и немногими слугами, которымъ онъ безъ смущенія въ лицѣ говорилъ: „Это моя смерть, которой я никогда не боялся, ибо это отъ Бога; не нужно мнѣ болѣе человѣческой помощи. Ради Бога, друзья мои, спасайтесь“. Пока они испытываютъ сломанныя двери, Бемъ входитъ въ комнату; онъ находитъ адмирала въ ночномъ платьѣ и спрашиваетъ его: „Ты адмиралъ?“ Отвѣтомъ было (по рапорту д'Атэна): „Молодой человѣкъ, уважай мою старость: пусть по крайней мѣрѣ я умру отъ руки дворянина, а не этого денщика“. Но на эти слова Бемъ пронзилъ его шпагой и, извлекши ее, разсѣкъ ему лицо надвое палашомъ. Герцогъ де-Гизъ спросилъ, сдѣлано ли дѣло и, когда Бемъ отвѣтилъ, что да, ему приказали выбросить тѣло за окно, что онъ и сдѣлалъ.

Говорятъ, что ему на лицо накинули платокъ, чтобы отереть кровь и узнать его; также говорятъ, что герцогъ передъ тѣмъ, какъ отправиться по улицамъ и повсюду ободрять къ хорошему завершенію того, что было такъ счастливо начато, далъ ему пинка въ животъ. Народъ, разбуженный звономъ дворцовыхъ часовъ, сбѣгается къ квартирѣ убитаго, и отрубаетъ всѣ части, какія можно было отрубить, особенно голову, которая дошла до Рима; они волокутъ его по улицамъ (какъ онъ самъ предсказалъ, не предполагая этого), бросаютъ его въ воду, вытаскиваютъ обратно, чтобы повѣсить за ноги на Монфоконѣ [2]) и внизу зажигаютъ огни, чтобы въ своемъ мщеніи использовать всѣ стихіи. Черезъ нѣсколько дней онъ былъ снятъ съ этой висѣлицы сторонниками Монморанси и похороненъ въ часовнѣ Шантильи... Его квартира была отдана на разграбленіе всѣмъ

---

[1]) Колиньи, который вмѣстѣ съ княземъ Конде, были главарями протестантской партіи во Франціи.

[2]) Находившееся за городомъ лобное мѣсто, гдѣ стояла огромная висѣлица, на которой вѣшали преступниковъ.

желавшимъ, за исключеніемъ бумагъ, которыя королева позаботилась конфисковать.

Переводъ Н. И. Никифорова.

Король Карлъ IX послѣ Варѳоломеевской ночи.

68.

1. Изъ мемуаровъ Агриппы д'Обинье [1]).

За королемъ стали примѣчать несвойственную ему унылость, ночныя тревоги и, чтобы развеселить его, примѣняли всякія изобрѣтенія. Писали стихи и печатали книги въ похвалу его дѣянію; отлили золотую и серебряную медали, гдѣ король былъ изображенъ сидящимъ на тронѣ и вокругъ шла надпись: *virtus in rebelles*; съ обратной стороны, вмѣсто *pietas et justitia*, было: *pietas excitavit justitiam*. На другихъ былъ изображенъ Геркулесъ, побѣждающій гидру, и надпись: *Карлъ IX, усмиритель мятежныхъ*. Генрихъ IV помнилъ три разсказа, которые я слышалъ нѣсколько разъ, когда король разсказывалъ ихъ наиболѣе приближеннымъ лицамъ; одинъ изъ этихъ разсказовъ онъ никогда не разсказывалъ въ обществѣ, именно о какомъ-то ужасѣ, который навелъ на него король Карлъ; но я хорошо слышалъ два другихъ, изъ которыхъ первый кстати будетъ привести по этому поводу, и я ссылаюсь на живыхъ свидѣтелей, что никогда онъ не разсказывалъ объ этомъ безъ того, чтобы не почувствовать и не показать намъ, что его волосы стали дыбомъ. Черезъ недѣлю послѣ избіенія, на павильонъ Лувра спустилось огромное количество вороновъ; ихъ шумъ заставилъ выйти и посмотрѣть, и набожныя дамы подѣлились съ королемъ своимъ испугомъ. Въ ту же ночь король, два часа спустя послѣ того какъ легъ въ постель, вскочилъ, разбудилъ бывшихъ въ его комнатѣ и послалъ за своимъ шуриномъ и другими, чтобы слушать раздававшійся въ воздухѣ громадный шумъ и концертъ кричащихъ, стонущихъ и воющихъ голосовъ, совершенно

---

[1]) О немъ см. выше, стр. 184.

подобныхъ тѣмъ, которые слышались въ ночи убійствъ. Они были столь явственны, что король, предполагая новое безчинство по отношенію къ сторонникамъ Монморанси, велѣлъ призвать караулъ и бѣжать въ городъ, чтобы помѣшать убійству; но, когда ему донесли, что въ городѣ спокойно и смятеніе только въ воздухѣ, онъ былъ смущенъ, главнымъ образомъ потому, что этотъ шумъ продолжался семь дней и всегда въ одинъ и тотъ же часъ.

69.

2. Изъ донесенія венеціанскаго посла Марино Кавалли.

Взглядъ короля сталъ угрюмымъ. Во время разговора и аудіенцій онъ не смотритъ прямо на того, къ кому обращается со словами; онъ опускаетъ голову, закрываетъ глаза, затѣмъ внезапно ихъ открываетъ и, какъ бы страдая отъ этого движенія, закрываетъ ихъ съ неменьшей быстротой... Онъ во что бы ни стало желаетъ усталости: онъ проводитъ верхомъ на лошади 12—14 часовъ безъ перерыва; такъ онъ, охотясь и гоняясь по лѣсамъ за однимъ и тѣмъ же оленемъ, проводитъ до двухъ—трехъ дней, останавливаясь только для ѣды и отдыхая ночью лишь на моментъ. Руки у него загрубѣлыя, шероховатыя, всѣ въ порѣзахъ и мозоляхъ.

Переводъ Н. И. Никифорова.

70.

Король Генрихъ IV.

Его письмо къ папѣ Клименту VIII по поводу своего обращенія въ католичество.

9 Августа 1593 г.

Святѣйшій отецъ! признавъ по внушенію, которое угодно было Богу дать мнѣ, что католическая, апостольская, римская Церковь есть истинная Церковь, въ которой заключается спасеніе людей, и будучи укрѣпленъ въ этой вѣрѣ разъясненіями, данными мнѣ прелатами и

докторами святого богословскаго факультета, которыхъ я собралъ для этой цѣли, по поводу пунктовъ, которые отдѣляли меня въ прошломъ, я рѣшилъ присоединиться къ этой святой Церкви, твердо рѣшивъ жить и умереть въ ней съ помощью Того, кто оказалъ мнѣ милость призвать меня къ ней. И чтобы положить начало этому доброму дѣлу, я, послѣ принятія упомянутыми прелатами, при соблюденіи формъ и церемоній, которыя они признали необходимыми и которымъ я охотно подчинился, въ воскресенье 25 іюля (1593 г.) слушалъ мессу и присоединилъ мои молитвы къ молитвамъ другихъ добрыхъ католиковъ, какъ соединенный съ Церковью, съ твердымъ намѣреніемъ пребывать въ ней всю жизнь и оказывать Вашему Святѣйшеству и Святому Престолу должное повиновеніе и уваженіе, какъ то дѣлали христіаннѣйшіе короли, мои предшественники; будучи убѣжденъ, Святѣйшій Отецъ, что Ваша Святость почувствуетъ радость отъ этого святого дѣла, которое соотвѣтствуетъ мѣсту, гдѣ Богу угодно было его совершить, я пожелалъ, въ ожиданіи пока я болѣе полнымъ образомъ засвидѣтельствую Вамъ свое почтеніе (ибо черезъ нѣсколько дней я съ этой цѣлью отправлю къ Вамъ торжественное посольство съ лицомъ высокаго званія во главѣ) дать Вамъ въ этихъ немногихъ, написанныхъ мною строкахъ, первое свидѣтельство моей сыновней преданности Вашему Святѣйшеству, усердно прося его принять это свидѣтельство благосклонно и настолько хорошо, насколько оно исходитъ отъ искренняго и полнаго любви сердца, чтобы я могъ своими поступками заслужить его святое благословеніе. Затѣмъ, Святѣйшій Отецъ, молю Бога, да угодно Ему будетъ надолго сохранить Ваше Святѣйшество въ добромъ здоровьи для добраго управленія Его святой Церковью.

Вашъ добрый и благочестивый сынъ Генрихъ.

Сенъ-Дени, 9 августа, 1593 г.

Переводъ Н. Н. Никифорова.

71.

Собраніе нотаблей въ Руанѣ.

Рѣчь Генриха IV при открытіи собранія.

4 ноября 1596 г.

Съ 1302 г., когда впервые были созваны Филиппомъ IV Красивымъ представители трехъ сословій королевства, *генеральные штаты* (какъ называлось это сословное представительство) созывались обыкновенно въ началѣ каждаго царствованія, а также въ чрезвычайныхъ важныхъ случаяхъ. Ревнивый къ своей власти, Генрихъ IV отступилъ отъ этой традиціи и ограничился за все свое царствованіе лишь созывомъ *собранія нотаблей*, то-есть *именитыхъ гражданъ*, въ Руанѣ, въ 1596 г. Такъ какъ нотабли намѣчались самимъ королемъ, то естественно, что собраніе ихъ не могло имѣть иного авторитета, кромѣ чисто совѣщательнаго. Рѣчь Генриха IV приводится здѣсь въ дословномъ переводѣ цѣликомъ.

Еслибы я претендовалъ на титулъ оратора, я бы заучилъ какую-нибудь красивую и длинную рѣчь, которую и произнесъ бы передъ вами съ изрядной важностью. Но, господа, желанія мои направлены на два другіе, болѣе славные титула: я бы желалъ называться *освободителемъ* и *возстановителемъ* нашего государства. Чтобы достигнуть этого, я вотъ и созвалъ васъ. Вамъ извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ, что, когда Богъ призвалъ меня носить эту корону, я засталъ Францію не только разоренной, но и почти что потерянной для французовъ. Милостью Божіей, молитвами и добрыми совѣтами моихъ слугъ изъ невоенныхъ, шпагой моего храбраго и благороднаго дворянства (отъ котораго я не отдѣляю и государей—это, клянусь дворянской честью—ихъ лучшій титулъ), наконецъ моими собственными трудами и усиліями, я спасъ ее отъ бѣдъ. Спасемъ же ее теперь отъ разоренія! Примите, мои дорогіе подданные, вмѣстѣ со мной участіе въ этой второй славѣ, какъ вы приняли участіе въ первой. Я созвалъ васъ не съ тѣмъ, чтобы получить отъ васъ одобреніе моей волѣ, какъ это дѣлали

мои предшественники. Собралъ я васъ съ тѣмъ, чтобы выслушать ваши совѣты, принять ихъ близко къ сердцу и имъ слѣдовать, словомъ—стать подъ вашу опеку. Подобное желаніе обыкновенно не приходитъ королямъ, старикамъ и побѣдителямъ. Но моя неудержимая любовь къ своимъ подданнымъ и безграничное желаніе прибавить оба упомянутыхъ прекрасныхъ титула къ титулу короля заставляютъ меня смотрѣть на это, какъ на бремя удобоносимое и почетное. Мой канцлеръ изложитъ вамъ болѣе обстоятельно мою волю.

Переводъ проф. Н. Н. Ардашева.

72.

Нантскій эдиктъ.

13 апрѣля 1598 г.

Вызванный религіозной реформаціей и обостренный религіозными войнами, вѣроисповѣдной вопросъ во Франціи получилъ наконецъ законодательное разрѣшеніе въ формѣ эдикта, подписаннаго королемъ Генрихомъ IV въ городѣ Нантѣ, 13 апрѣля 1598 г., и получившаго названіе *Нантскаго*. Въ виду того, что Нантскій эдиктъ предоставлялъ протестантамъ лишь частичную, а не полную религіозную свободу, послѣдніе остались имъ недовольны и настояли на добавленіи къ нему нѣсколькихъ статей, которыми они хотѣли гарантировать себя противъ возможныхъ притѣсненій со стороны католиковъ въ дальнѣйшемъ. Такъ какъ эти дополнительныя статьи, подписанныя Генрихомъ IV около мѣсяца спустя (9 мая 1598 г.), могли, въ свою очередь, возбудить неудовольствіе католиковъ, то было рѣшено сохранить ихъ въ тайнѣ и не опубликовывать. Въ виду обширности Нантскаго эдикта, здѣсь приводятся лишь наиболѣе существенныя его части.

Генрихъ, Божіею Милостью, Король Франціи и Наварры, всѣмъ присутствующимъ и имѣющимъ явиться, привѣтъ. Этимъ вѣчнымъ и неотмѣнимымъ эдиктомъ мы сказали, объявили и повелѣли слѣдующее.

Ст. I. Во-первыхъ, что воспоминаніе обо всемъ, что

произошло съ той и другой стороны съ начала марта 1585 г. до нашего коронованія и въ теченіе другихъ предшествовавшихъ смутъ, будетъ изглажено, какъ будто ничего не происходило. Ни нашимъ генеральнымъ прокурорамъ, ни инымъ лицамъ, государственнымъ и частнымъ, не будетъ позволено никогда и ни по какому поводу упоминать объ этомъ или преслѣдовать судебнымъ порядкомъ въ какихъ бы то ни было трибуналахъ и юрисдикціяхъ.

III. Повелѣваемъ, чтобы католическая, апостольская, римская религія была возстановлена во всѣхъ мѣстахъ нашего королевства и повинующихся намъ странахъ, гдѣ отправленіе ея было прервано, и да исповѣдуется она мирно и свободно безъ всякихъ смутъ и препятствій.

VI. Чтобы не дать никакого повода къ смутамъ и распрямъ среди нашихъ подданныхъ, мы позволили и позволяемъ исповѣдующимъ такъ называемую реформированную религію жить и обитать во всѣхъ городахъ и мѣстахъ нашего королевства и подчиненныхъ намъ областяхъ, безъ преслѣдованій, притѣсненій и принужденій дѣлать что-либо въ дѣлѣ религіи противное ихъ совѣсти; ихъ не будутъ по этому поводу разыскивать въ домахъ и мѣстахъ, гдѣ они пожелаютъ жить.

IX. Мы разрѣшаемъ также всѣмъ придерживающимся названной религіи продолжать исповѣдовать ее во всѣхъ городахъ и подчиненныхъ намъ мѣстахъ, гдѣ она была введена и нѣсколько разъ публично отправлялась въ 1596 и 1597 г. до конца августа, несмотря на всѣ противорѣчащія этому постановленія и судебныя рѣшенія.

XIII. Мы весьма опредѣленно запрещаемъ всѣмъ придерживающимся названной религіи проявлять ее въ службѣ, уставѣ, дисциплинѣ или въ народномъ образованіи въ нашемъ королевствѣ и подчиненныхъ намъ областяхъ, а также во всемъ, что касается религіи, за исключеніемъ мѣстъ, гдѣ это дозволено и пожаловано настоящимъ эдиктомъ.

XIV. (Запрещается) также всякое оказательство па-

званной религіи при нашемъ дворѣ и въ нашей свитѣ и, равнымъ образомъ, въ нашихъ земляхъ и провинціяхъ за Альпами, а также въ нашемъ городѣ Парижѣ и въ окружности на пять миль отъ Парижа; однако всѣ держащіеся названной религіи, проживающіе въ упомянутыхъ земляхъ и заальпійскихъ провинціяхъ, въ нашемъ городѣ Парижѣ и окружности его на пять миль, не могутъ быть ни разыскиваемы въ своихъ домахъ, ни припуждаемы дѣлать что-либо противъ совѣсти въ отношеніи ихъ религіи, въ остальномъ поступая согласно содержанію нашего настоящаго эдикта.

XVIII. Также запрещаемъ всѣмъ нашимъ подданнымъ всякаго званія и положенія отнимать силой или обманомъ, противъ воли ихъ родителей, дѣтей названной религіи, чтобы крестить или конфирмовать ихъ въ католической, апостольской и римской Церкви. Эти же запрещенія относятся и къ исповѣдующимъ такъ называемую реформированную религію, подъ страхомъ примѣрнаго наказанія.

XXI. Книги, касающіяся названной религіи, могутъ печататься и публично продаваться только въ городахъ и мѣстахъ, гдѣ допущено публичное отправленіе названной религіи.

XXII. Повелѣваемъ, чтобы не было никакого различія въ отношеніи названной религіи при пріемѣ учениковъ въ университеты, коллегіи и школы, а больныхъ и бѣдныхъ въ госпитали и учрежденія общественнаго призрѣнія.

XXV. Желаемъ и повелѣваемъ, чтобы всѣ исповѣдующіе такъ называемую реформированную религію и ихъ сторонники, какого бы званія и положенія они ни были, обязались и принуждались всѣми должными и разумными средствами, подъ страхомъ наказаній, содержащихся въ эдиктахъ по этому поводу, платить и выполнять десятины священникамъ и прочимъ духовнымъ и всѣмъ, кому онѣ принадлежатъ согласно обычаю и кутюму мѣстности [1]).

[1]) Coutume—тоже обычное право, но записанное и кодифицированное.

XXVII. Чтобы тѣмъ лучше объединить желанія нашихъ подданныхъ, согласно нашему намѣренію, и на будущее время прекратить всѣ жалобы, мы объявляемъ, что всѣ, кто исповѣдуетъ или будетъ исповѣдовать такъ называемую реформированную религію, имѣютъ право занимать и исправлять всѣ общественныя должности—королевскія, сеньеріальныя или городскія въ нашемъ королевствѣ и подвластныхъ намъ провинціяхъ, земляхъ и сеньеріяхъ, несмотря на всѣ противорѣчащія сему клятвы, и могутъ быть принимаемы и допускаемы къ нимъ безъ различія.

XXX. Чтобы юстиція отправлялась и оказывалась нашимъ подданнымъ безъ всякаго пристрастія, ненависти или благоволенія,—ибо она является однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для поддержанія мира и согласія,—мы повелѣли и повелѣваемъ, чтобы въ нашемъ парижскомъ парламентѣ была учреждена палата, составленная изъ президента и 16 совѣтниковъ парламента, которая будетъ называться палатой эдикта и будетъ вѣдать не только дѣла и процессы исповѣдующихъ такъ называемую реформированную религію, которые будутъ въ вѣдомствѣ этого парламента, но и въ вѣдомствѣ нашихъ парламентовъ Нормандіи и Бретани, согласно юрисдикціи, которая присваивается ему настоящимъ эдиктомъ, до тѣхъ поръ, пока въ каждомъ изъ послѣднихъ парламентовъ будетъ учреждена палата для отправленія юстиціи на мѣстахъ [1]).

Данъ въ Нантѣ, въ апрѣлѣ 1598 г., въ девятый годъ нашего царствованія.

(Подпись): *Генрихъ*.

(Ниже): По повелѣнію короля въ его Совѣтѣ, *Форже*.

Секретныя статьи:

II. Исповѣдующіе названную религію не могутъ быть принуждаемы ни строить и чинить церкви, часовни и священническіе дома, ни покупать облаченія, освѣщеніе, коло-

---

[1]) Парламентами во Франціи назывались высшія судебныя учрежденія. Кромѣ парижскаго, было нѣсколько парламентовъ въ провинціяхъ.

кола..., ни къ другимъ подобнымъ вещамъ, если только они не обязаны дѣлать это вслѣдствіе вкладовъ, завѣщаній и иныхъ распоряженій, сдѣланныхъ ими или ихъ предками и предшественниками.

III. Также они не будутъ принуждаемы украшать фасады своихъ домовъ въ дни праздниковъ, когда это должно дѣлать; но нужно допустить, чтобы фасады украшались мѣстными властями, безъ того, чтобы исповѣдующіе названную религію платили что-либо по этому поводу.

Дано въ Нантѣ 9 мая 1598 г., въ 9-й годъ нашего царствованія.

(Подпись): Именемъ короля, *Форже.*

Переводъ Н. И. Никифорова.

73.

Нантскій эдиктъ и тулузскій парламентъ.

Отвѣтъ Генриха IV депутаціи тулузскаго парламента по поводу Нантскаго эдикта.

3 ноября 1599 г.

Французскіе парламенты (кромѣ парижскаго было еще нѣсколько провинціальныхъ, изъ нихъ главнѣйшій и старѣйшій въ Тулузѣ) считались хранителями законовъ. Всякій вновь изданный королемъ эдиктъ посылался во всѣ парламенты, которые и заносили его текстъ въ свои реестры и затѣмъ обнародовывали. Только послѣ того, какъ эдиктъ былъ занесенъ въ парламентскіе реестры и опубликованъ, онъ входилъ въ силу. На этомъ основаніи парламенты считали своимъ правомъ и долгомъ, до внесенія всякаго новаго эдикта въ свои реестры, подвергать его *провѣркѣ* съ точки зрѣнія согласованности съ основными законами и традиціей, получившей значеніе законовъ. Въ случаѣ отрицательнаго результата такой провѣрки, парламентъ представлялъ королю свои соображенія и возраженія, такъ называемыя *remontrances*. Нантскій эдиктъ вызвалъ подобныя возраженія со стороны большинства парламентовъ, усмотрѣвшихъ въ немъ нарушеніе традиціоннаго безраздѣльно господствующаго положенія католической Церкви во Франціи. Особенно сильное неудовольствіе парламентовъ

возбуждало допущеніе протестантовъ къ государственнымъ и общественнымъ должностямъ. Выступившій съ подобными *remontrances* тулузскій парламентъ послалъ къ Генриху IV депутацію. Король принялъ ее въ особой аудіенціи и на изложенныя ею *remontrances* отвѣтилъ съ свойственной ему категоричностью и рѣзкостью. Здѣсь приводится часть королевской рѣчи.

Странно, что вы до сихъ поръ не можете отдѣлаться отъ дурныхъ повадокъ. Прекрасно вижу, что въ вашемъ чревѣ все еще сидитъ испанецъ [1]). Кто бы повѣрилъ, что люди, ставившіе на карту свою жизнь, свое имущество, состояніе и личное благополучіе ради защиты и сохраненія королевства, будутъ недостойны почетныхъ общественныхъ должностей, какъ какіе-нибудь коварные лигисты [2]), заслуживающіе преслѣдованія и изгнанія изъ предѣловъ королевства? И въ то же время тѣ, которые сдѣлали все возможное для того, чтобы погубить государство, должны разсматриваться какъ добрые французы, достойные и способные занимать должности! Нѣтъ, я не слѣпъ, я вижу ясно! Я хочу, чтобы протестанты жили мирно въ моемъ королевствѣ и допускались къ общественнымъ должностямъ—не потому что они протестанты, а постольку, поскольку они—вѣрные слуги мнѣ и французской коронѣ. Я хочу, чтобы мнѣ повиновались, и чтобы мой эдиктъ былъ обнародованъ по всему королевству. Всѣ мы опьянѣли отъ войны и пора наконецъ взяться за умъ!

Переводъ проф. П. Н. Ардашева.

---

[1]) Намекъ на католическую непримиримость и религіозную нетерпимость, которыми отличались испанцы.

[2]) Главари католической лиги, которымъ Генрихъ не могъ простить ихъ эксцессовъ противъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ.

74.

Королевская администрація и дворъ во Франціи въ началѣ XVII в.

по свидѣтельству современника.

1601.

Приводимый здѣсь текстъ составляетъ отрывокъ изъ *Мемуаровъ* герцога Сюлли, знаменитаго сотрудника и министра Генриха IV. *Герцогъ Сюлли* (*duc de Sully*), принадлежавшій по своему происхожденію къ одной изъ старинныхъ провинціальныхъ дворянскихъ фамилій, родился въ 1560 г. Въ качествѣ гугенота, онъ едва не погибъ въ знаменитую Варѳоломеевскую ночь, примкнулъ затѣмъ къ Генриху Наваррскому и сдѣлался вскорѣ однимъ изъ ближайшихъ его соратниковъ и сотрудникомъ, каковымъ остался и послѣ того, какъ Генрихъ сдѣлался французскимъ королемъ. Въ качествѣ *суперинтенданта финансовъ*, Сюлли широко развернулъ свою государственную дѣятельность въ области государственнаго и народнаго хозяйства Франціи. Урывками, при помощи своихъ секретарей, онъ велъ нѣчто въ родѣ дѣлового дневника, куда заносилъ и акты своей дѣятельности, и свои разговоры съ королемъ, и свои размышленія и соображенія по различнымъ вопросамъ государственнаго управленія и государственнаго хозяйства. Часть накопившагося такимъ образомъ матеріала была опубликована еще при жизни Сюлли, подъ заглавіемъ *Mémoires des sages et royales économies d'Estat de Henry le Grand*, (обыкновенно цитируютъ сокращенно: *Economies royales*). Сюлли умеръ въ 1641 г.

Король, успокоивъ, какъ онъ и говорилъ, благодаря своему мужеству и благоразумію, всѣ бури, которыя такъ долго волновали государство, мирно жилъ въ своемъ королевствѣ съ такой же мягкостью и простотой, какую проявляетъ добрый отецъ семейства по отношенію къ своимъ дѣтямъ и слугамъ, заботливо стараясь найти пригодныя средства, чтобы унять всякую злобу, вражду и частныя распри, оказывать каждому правосудіе безъ лицепріятія, улучшить свои доходы и облегчить положеніе народа; особенно, зная по опыту, что ничто болѣе не свидѣтельствуетъ о близкомъ

упадкѣ государства, какъ необузданная масса чиновниковъ и безцеремонность, съ которой чины юстиціи и финансовъ стремятся чрезмѣрно обогатиться на счетъ государственныхъ доходовъ и частныхъ имуществъ, онъ прежде всего произвелъ большое сокращеніе числа чиновниковъ; чтобы уничтожить обычай, принятый чиновниками финансовъ, вести незаконные процессы, онъ учредилъ королевскую камеру для разслѣдованія злоупотребленій и лихоимства, допущенныхъ казначеями, сборщиками и другими финансовыми агентами. Эта палата, вопреки вашему мнѣнію, подобно другимъ прошлаго времени, благодаря проискамъ и обилію подарковъ, сдѣланныхъ болѣе богатыми куртизанамъ и фаворитамъ, мужчинамъ и женщинамъ, которыхъ вы слишкомъ хорошо знаете, чтобы мнѣ нужно было называть ихъ по имени, завершилась сдѣлкой, благодаря которой жалкіе мелкіе воришки заплатили за крупныхъ воровъ и разбойниковъ; вы же хотѣли бы, чтобы обратились именно къ нимъ и заставили ихъ силой возвратить все сполна; вы желали бы видѣть ихъ подвергнутыми тѣлесному наказанію для того, какъ вы говорили королю, чтобы дать предостереженіе и чтобы они въ будущемъ были принуждены жить какъ добродѣтельные люди, а также, чтобы совершенно вывести и изгнать роскошь, излишество и всякаго рода чрезмѣрность въ платьяхъ, драгоцѣнныхъ камняхъ, празднествахъ, постройкахъ, позолотахъ, экипажахъ, лошадяхъ, свитѣ, свадьбахъ сыновей и дочерей; только примѣръ подобныхъ людей приводилъ къ упадку истинное и древнее дворянство, пріобрѣтенное оружіемъ (только оружіе можетъ сообщать званіе дворянина). Большинство ихъ, поддавшись искушенію подобнаго тщеславія, и чтобы удовлетворить ему, не заключаютъ болѣе браковъ между собою по причинѣ незначительности приданаго, которое они могутъ дать своимъ дѣтямъ, но заключаютъ браки съ сыновьями и дочерями судейскихъ, финансовыхъ чиновниковъ и секретарей, отцы которыхъ вышли изъ крючкотворцевъ, торговцовъ, мѣнялъ, ремесленниковъ и лавочниковъ; наконецъ такимъ образомъ можетъ вы-

родиться все истинное дворянство, такъ что больше не встрѣтится дворянъ, которые бы не являлись помѣсью и не были бы болѣе пригодны для того, чтобы давать волокитъ и праздношатающихся вмѣсто того, чтобы предаваться истинной доблести и войнѣ для доброй службы своему королю и защиты своего отечества. Всѣ эти доводы королю весьма нравились и иногда онъ давалъ убѣдить себя въ нихъ совершенно.

Но наконецъ ему такъ надоѣла назойливость королевы и другихъ дамъ, которыхъ онъ любилъ, коннетабля, господъ де-Бульонъ, де-Бельгардъ, де-Кончини, де-Роклоръ, Суврэ, Фронтенакъ, Ла-Вареннъ, Замэ, Гонди, Бонейль и другихъ лицъ, которыя окружали его и могли оказывать на него нѣкоторое вліяніе благодаря привычкѣ или же угодничеству, и которымъ не жалѣли дѣлать всякіе подарки, что король позволилъ убѣдить себя принять худшее рѣшеніе. Также были изданы нѣкоторыя запрещенія относительно ввоза иностранныхъ произведеній и ношенія и употребленія тканей и галуновъ изъ золота и серебра; древній греческій (sic!) Марсъ былъ совершенно изгнанъ изъ Франціи, благодаря благоразумію и доблести юнаго французскаго Марса, и такъ какъ его доблесть не могла пребывать въ праздности, то не было ни одного вида благородныхъ упражненій, которымъ бы онъ не предавался и своимъ примѣромъ не склонялъ бы другихъ. Такъ что при дворѣ, въ Парижѣ, въ Фонтенебло и въ Арсеналѣ можно было увидѣть только всякаго рода волокитство и компаніи, составлявшіяся, чтобы идти на всякаго рода охоту и на разныя игры, устраивать всякаго рода фехтованіе, балеты, маскарады и дамскія собранія; и все это совершалось безъ излишества въ расходахъ, которыхъ король отнюдь не одобрялъ; тѣмъ не менѣе, несмотря на прекрасныя и благородныя занятія, которыя молодой Марсъ предоставлялъ людямъ, чтобы отвлекать ихъ отъ дурныхъ мыслей и пагубныхъ замысловъ, онъ не могъ помѣшать тому, чтобы не проявились дурныя наклонности.

Переводъ Н. Н. Никифорова.

75.

Государственно-экономическія воззрѣнія Сюлли.

Приводимый здѣсь отрывокъ изъ *Мемуаровъ* герцога Сюлли даетъ достаточно опредѣленное понятіе о государственно-экономическихъ воззрѣніяхъ знаменитаго министра Генриха IV.

Для пониманія приводимаго здѣсь текста необходимо имѣть въ виду своеобразную форму мемуаровъ Сюлли. Сюлли пишетъ не отъ своего имени, а пишетъ какъ бы другое лицо, его секретарь, который обращается къ Сюлли во второмъ лицѣ, разсказывая ему, какъ своему слушателю или читателю, о дѣяніяхъ и рѣчахъ Сюлли, его разговорахъ съ королемъ и т. д. Свѣдѣнія о личности Сюлли см. выше, стр. 197.

Въ 1603 г. во Франціи произошли нѣкоторыя событія, которыя не должны быть опущены въ общей исторіи. Но въ настоящихъ мемуарахъ мы удовольствуемся напомнить вамъ [1]) о томъ, какъ король желалъ ввести въ своемъ королевствѣ посадки тутовыхъ деревьевъ, шелковую промышленность и всякаго рода иностранныя мануфактуры, которыхъ въ немъ совершенно не существовало, съ этой цѣлью цѣной большихъ издержекъ пригласить рабочихъ знающихъ эти ремесла и выстроить для нихъ большія помѣщенія, и вы сдѣлали все, что могли, чтобы помѣшать этому. Онъ же, сильно увлеченный этимъ, является однажды въ Арсеналъ и говоритъ вамъ: „Не знаю, какая фантазія пришла вамъ, какъ мнѣ говорили, противиться тому, что я желаю создать для своего личнаго удовлетворенія, украшенія и обогащенія моего королевства и для уничтоженія праздности среди моего народа“.

— Ваше Величество, отвѣчаете вы, [2]) что касается вашего удовлетворенія, то я былъ бы очень огорченъ противиться именно этому, какихъ бы средствъ это ни стоило ибо, послѣ того, что съ момента вашего рожденія и вплоть до настоящаго времени вы перенесли столько утомительныхъ трудовъ, преодолѣли столько препятствій и опасностей, теперь, когда ваше государство пребываетъ въ по-

---

[1]) Т. е. Сюлли.

[2]) Тоже.

кое и благоденствуетъ во всѣхъ частяхъ, вполнѣ разумно, чтобы и вы имѣли нѣкоторое удовольствіе и отдыхъ; если бы издержки на это оказались чрезмѣрными, я вамъ указалъ бы только, что это не очень подойдетъ къ плану, который вы мнѣ поручили предложить, какъ бы отъ меня, королю Англіи, а затѣмъ я повиновался бы безусловно; но говорить, что въ этомъ съ вашимъ удовольствіемъ соединены выгода, украшеніе и обогащеніе вашего королевства и народа,—этого я не могу понять. Если Вашему Величеству угодно будетъ терпѣливо выслушать мои соображенія, я убѣжденъ, насколько я знаю живость вашего ума и солидность вашего сужденія, что вы согласитесь съ моимъ мнѣніемъ.

— Да, я хочу, сказалъ король, я буду доволенъ выслушать ваши доводы; но я также хочу, чтобы вы затѣмъ выслушали мои, такъ какъ я убѣжденъ, что они будутъ цѣннѣе вашихъ.

— Если бы, Ваше Величество, я думалъ, что вы столь полагаетесь на мнѣніе Бурговъ и Кумановъ, какъ вы говорите, мнѣ было бы весьма затруднительно говорить съ вами о моихъ мнѣніяхъ, которыя никогда не будутъ имѣть иного основанія, кромѣ вашей воли; что же касается моихъ соображеній, то разъ Вашему Величеству угодно имѣть терпѣніе выслушать ихъ, то я прибавлю еще, что, если вы пренебрегаете ими теперь, то можетъ быть въ будущемъ вы пожалѣете о томъ, что не оказали имъ больше вниманія. Въ самомъ дѣлѣ, во-первыхъ вы, Ваше Величество, должны принять во вниманіе, что сколько имѣется различныхъ климатовъ, мѣстностей и странъ, столько же, повидимому, Богу угодно было различно надѣлить ихъ извѣстными свойствами, удобствами, продуктами, матеріалами, спеціальными и особенными искусствами и ремеслами, которые не являются общими или, по крайней мѣрѣ, того же качества для другихъ мѣстъ, чтобы путемъ промысловъ и торговли этими вещами (изъ которыхъ однѣ изобилуютъ, а въ другихъ чувствуется недостатокъ) поддерживалось общеніе и связь между націями, какъ бы ни были онѣ удалены другъ отъ друга, чему доказатель-

ствомъ служатъ большія путешествія въ восточную и западную Индіи. [1]) Во-вторыхъ, надо хорошо изслѣдовать, не имѣетъ ли это королевство [2]) климата, положенія, высоты солнца, температуры воздуха, качества почвы и природной склонности народа, которые оказались бы противоположными намѣреніямъ Вашего Величества. Въ-третьихъ, не слишкомъ ли холоднымъ, влажнымъ и позднимъ является весеннее время для того, чтобы дать возможность вылупиться и жить шелковичнымъ червямъ, а также, чтобы для ихъ корма имѣть тутовыя листья, достаточнаго количества которыхъ нельзя будетъ получить въ 4—5 лѣтъ, какъ бы прилежно ихъ ни сѣяли и сажали. Въ-четвертыхъ, не отучитъ ли вашихъ подданныхъ занятіе этого рода дѣятельностью, которая кажется скорѣе созерцательной, праздной и домосѣдной, чѣмъ активной, отъ той тяжелой и многотрудной жизни, къ которой они должны пріучаться, чтобы создавать хорошихъ солдатъ, какъ то я нѣсколько разъ слышалъ отъ Вашего Величества; именно среди такихъ людей тяжелаго труда набираются лучшіе солдаты. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что приведеніе въ хорошее состояніе столькихъ хорошихъ земель, которыми вообще Франція надѣлена болѣе, чѣмъ какое-либо другое королевство, за исключеніемъ Египта, крупный доходъ которыхъ состоитъ изъ зерна, овощей, вина, красильныхъ растеній, масла, сидра, соли, льна, конопли, шерсти, полотна, суконъ, барановъ, свиней и муловъ, является причиной ввоза во Францію всего золота и серебра и, слѣдовательно, эти занятія значатъ больше, чѣмъ всѣ шелка и мануфактуры Сициліи, Испаніи и Италіи; не достаетъ еще, чтобы заведеніе этихъ рѣдкихъ драгоцѣнныхъ тканей и товаровъ принесло выгоду нашему народу и обогатило ваше государство; но это заставило бы его впасть въ роскошь, удовольствія, праздность и расточительность, которыя всегда были главными причинами паденія королевствъ и республикъ, лишая ихъ вѣрныхъ, храбрыхъ и

---

[1]) Подъ западной Индіей разумѣется Америка

[2]) То-есть Франція.

трудолюбивыхъ солдатъ, въ которыхъ вы, Ваше Величество, нуждаетесь болѣе, чѣмъ во всѣхъ этихъ придворныхъ и городскихъ щеголяхъ, разодѣтыхъ въ золото и пурпуръ. Что же касается вывоза золота и серебра изъ вашего королевства, на что уже столько разъ ссылались тѣ, кто предлагаетъ завести производство этихъ иностранныхъ драгоцѣнныхъ тканей, то нѣтъ ничего легче избѣжать этого вывоза, не нанося никому ущерба, запретивъ всякую пышность и излишество и ограничивъ людей всякаго званія, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, во всемъ, что касается ихъ одежды, мебели, построекъ, жилищъ, садовъ, драгоцѣнныхъ камней, серебряной посуды, лошадей, экипажей, свиты, позолоты, картинъ, украшеній, свадебъ дѣтей, покупки должностей, празднествъ, банкетовъ, духовъ и прочихъ излишествъ, какъ это практиковалось во времена королей Людовика XI, Карла VIII и Людовика XII [1]), особенно по отношенію къ чиновникамъ юстиціи, полиціи, финансовъ, канцелярій и буржуа, которые въ настоящее время болѣе всѣхъ падки на роскошь; въ эпоху этихъ царствованій можно было видѣть, что канцлеры [2]), первые президенты [3]), секретари и самые высшіе финансовые чиновники имѣли весьма посредственныя жилища безъ аспидныхъ крышъ, кирпича, гипсовой лѣпки, позолоты и разрисовки, носили не дорогія шелковыя ткани, а тафту, жены же нѣкоторыхъ изъ нихъ носили шапочки изъ сукна, не имѣли ни дорогихъ ковровъ, ни шелковыхъ постелей, ни серебряной кухонной посуды, ни даже тарелокъ; устраивали своимъ дѣтямъ только скромную свадьбу, и угощали своихъ родственниковъ и друзей только тогда, когда каждый изъ нихъ приносилъ свою часть къ столу. Благодаря излишеству во всемъ этомъ, въ настоящее

---

[1]) Людовикъ XI (1461—1483), Карлъ VIII (1483—1498), Людовикъ XII (1498—1515).

[2]) Канцлеръ—глава королевской канцеляріи и хранитель государственной печати, одно изъ важнѣйшихъ по своему положенію лицъ въ государствѣ.

[3]) Такъ титуловались предсѣдатели парламентовъ и другихъ высшихъ трибуналовъ.

время тратится вдесятеро больше золота и серебра, чѣмъ вывозится въ уплату за произведенія чужихъ странъ.

Переводъ Н. Н. Никифорова.

76.

Трагическая смерть Генриха IV по разсказу современника.

14 мая 1610 г.

Приводимое ниже свидѣтельство принадлежитъ Пьеру-де-л'Этуаль. Pierre de l'Estoile, род. въ 1540 г., ум. въ 1611 г. Занимая видное положеніе въ королевской администраціи, де-л'Этуаль велъ, начиная съ 1574 г. и до самой смерти своей, дневникъ, являющійся очень цѣннымъ источникомъ для исторіи его времени. Дневникъ этотъ впервые былъ опубликованъ лишь послѣ его смерти, въ двухъ частяхъ: 1) *Journal du règne de Henri III* и 2) *Journal du règne de Henri IV*.

Въ пятницу (14 мая 1610 г.), около 4 часовъ вечера, король въ своей коляскѣ безъ охраны, имѣя при себѣ только Эпернона, Монбазона и 4—5 другихъ, проѣзжалъ мимо Св. Иннокентія въ Арсеналъ. Когда его коляска, благодаря загражденію пути дорожной повозкой и двухколесной телѣгой, была принуждена остановиться на углу улицы де-ла-Ферроньеръ, противъ нотаріуса по имени Путренъ, король былъ безжалостно убитъ коварнымъ и гнуснымъ негодяемъ, по имени Франсуа де-Равальякъ, уроженцемъ города Ангулема; онъ воспользовался даннымъ случаемъ, чтобы нанести этотъ злополучный ударъ (онъ давно уже выжидалъ, находясь въ Парижѣ только съ этой цѣлью, и Его Величество предупреждали, чтобы онъ имѣлъ охрану, но онъ не придалъ этому значенія). Въ то время какъ король внимательно слушалъ письмо, которое читалъ д'Эпернонъ, онъ набросился на него съ яростью, держа въ рукѣ ножъ, и нанесъ послѣдовательно два удара въ грудь Его Величества; послѣдній ударъ пришелся прямо въ сердце, перерѣзалъ сердечную артерію и такимъ образомъ

лишилъ этого добраго короля дыханія и жизни. Видя, что король истекаетъ кровью, д'Эпернонъ покрылъ его плащемъ; когда онъ и остальные убѣдились, что онъ мертвъ, они стали, какъ могли, успокаивать народъ, сильно смущенный и взволнованный этимъ случаемъ, крича народу, что король только легко раненъ, и чтобы они ободрились. Повернули прямо на каретный дворъ Лувра и изъ коляски, на которой бѣдный государь весь плавалъ въ крови, его извлекли мертвымъ, хотя одинъ сплетникъ этого времени нагло напечаталъ разсужденіе, въ которомъ архіепископъ д'Эмбрэнъ исповѣдуетъ и напутствуетъ въ Луврѣ короля, который, несмотря на то, что былъ вполнѣ мертвъ, поднялъ будто бы глаза и руки къ небу, свидѣтельствуя тѣмъ, что онъ умеръ истиннымъ христіаниномъ и добрымъ католикомъ. Это послужило причиной (и вполнѣ основательной) къ запрещенію что-либо публиковать или печатать относительно смерти короля; это было объявлено по городу подъ бой барабановъ.

Переводъ Н. Н. Никифорова.

77.

Казнь Равальяка

по разсказу очевидца.

27 мая 1610 г.

François Ravaillac, убійца Генриха IV, родился въ Ангулемѣ въ 1578 г. Первоначально камердинеръ и личный секретарь одного совѣтника парижскаго парламента, затѣмъ послѣдовательно —ходатай по судебнымъ дѣламъ, школьный учитель, наконецъ —монахъ ордена фейльяновъ, Равальякъ подъ конецъ впалъ въ религіозную манію, подъ вліяніемъ которой имъ овладѣла неотвязчивая мысль—убить короля, какъ бывшаго еретика и неискренняго католика, чтобы тѣмъ спасти католическую Церковь во Франціи. Мысль эту онъ привелъ въ исполненіе 14 мая 1610 г. Равальякъ не имѣлъ сообщниковъ въ своемъ преступленіи, которое было исключительно результатомъ овладѣвшей имъ религіозной маніи.

Приводимое здѣсь описаніе казни взято изъ донесенія посла флорентійской республики въ Парижѣ, Маттео Ботти, отъ 3 іюня 1610 г.

Злодѣй, убившій короля, находился во дворцѣ, куда его привели для пытки; разговаривать съ нимъ позволили многимъ и, повидимому, желали, чтобы онъ говорилъ. Де-Бомонъ, сынъ перваго президента[1]), бывшій посломъ въ Англіи, сдѣлалъ мнѣ визитъ и сказалъ, что если я желаю видѣть это чудовище, онъ доставитъ мнѣ возможность видѣть его и говорить съ нимъ. Я охотно принялъ это предложеніе. Прибывъ туда, я ничего не сказалъ ему, но сталъ разговаривать по-итальянски съ де-Бомономъ. Тогда этотъ свирѣпый звѣрь, не дожидаясь, пока къ нему обратятся, сказалъ: „Если бы всѣ французы говорили на языкѣ, на которомъ говорите вы, я не былъ бы вынужденъ сдѣлать то, что сдѣлалъ". На наши вопросы онъ отвѣтилъ, что желалъ этимъ сказать, что если бы всѣ французы были католиками, какъ итальянцы, онъ не убилъ бы короля. Я спросилъ его, взялся ли бы онъ снова за это, если бы не убилъ короля. И онъ мнѣ отвѣтилъ, что, если на то воля Божія, онъ сдѣлалъ бы это опять, при наличности тѣхъ же причинъ. Затѣмъ онъ пояснилъ, каковы эти причины: король желалъ идти противъ св. Петра и католиковъ и покровительствовать еретикамъ; по его словамъ, онъ вполнѣ выяснилъ это себѣ послѣ многократныхъ разговоровъ съ солдатами гвардіи, которые укрѣпили его въ этомъ мнѣніи. Затѣмъ онъ сталъ горячиться, говоря, что государи не могутъ требовать отъ своихъ подданныхъ ни силой, ни приказаніемъ чего бы то ни было во вредъ ихъ душѣ, напримѣръ, идти на эту войну[2]), и подкрѣпилъ свои слова изреченіемъ изъ св. Писанія. Въ общемъ, онъ разсуждалъ такимъ образомъ и смотрѣлъ такъ твердо, что не могъ бы говорить иначе, если бы совершилъ какое-нибудь славное, достойное

[1]) Парижскаго парламента.

[2]) Имѣется въ виду война изъ-за Юлихскаго герцогства, въ которой Генрихъ IV былъ соперникомъ нѣмецкихъ протестантовъ.

награды, дѣяніе. Затѣмъ онъ былъ подвергнутъ пыткѣ и продолжалъ утверждать, что никто его не подстрекалъ и не уговаривалъ. Въ пятницу его доставили на Гревскую площадь [1]) на двухколесной телѣгѣ, чтобы подвергнуть казни. Его поставили на эшафотъ, гдѣ ему сожгли руку, совершившую преступленіе; его восемь разъ терзали раскаленными щипцами, при чемъ заливали раны расплавленнымъ свинцомъ; затѣмъ его привязали къ четыремъ лошадямъ [2]), которыя полчаса рвали его на части, хотя присутствовавшіе тамъ многочисленные дворяне сѣли верхомъ на лошадей, а другіе помогали тянуть за веревки. Все это длилось добрыхъ два часа, и за это время онъ не издалъ ни единаго крика, за исключеніемъ каждаго прикосновенія раскаленныхъ щипцовъ.

Переводъ Н. И. Никифорова.

Генеральные штаты.

1614—1615.

Генеральными штатами, Etats généraux назывались во Франціи собранія представителей трехъ сословій или „чиновъ" королевства: духовенства, дворянства и „третьяго сословія" (tiers Etat). Въ первый разъ генеральные штаты были созваны въ 1302 г. королемъ Филиппомъ IV Красивымъ, искавшимъ опоры въ сословномъ представительствѣ въ своей борьбѣ съ папой Бонифаціемъ VIII. Съ тѣхъ поръ генеральные штаты созывались французскими королями всякій разъ, какъ на очередь выдвигался какой-либо важный вопросъ государственной жизни, или если требовалось ввести какой-либо новый налогъ. Депутаты сословій являлись обыкновенно съ „наказами" или инструкціями отъ своихъ избирателей. Эти наказы служили матеріаломъ для общаго наказа, который каждое сословіе составляло отдѣльно для представленія королю. Въ послѣдній разъ (до великой революціи) генеральные штаты были созваны въ 1614 г. королевой Маріей Медичи, матерью малолѣтняго Людовика XIII. Генеральные штаты, на ко-

---

[1]) Площадь передъ ратушей. Place de Grève—это названіе произошло отъ того, что площадь была усыпана гравіемъ (grève).

[2]) За руки и за ноги.

торые явились 140 депутатовъ духовенства, 132—дворянства и 192—третьяго сословія, открыли сессію въ октябрѣ 1614 г. и продолжали ее до февраля 1615 г. Эта послѣдняя сессія генеральныхъ штатовъ ознаменовалась острымъ антагонизмомъ между тремя сословіями, нашедшимъ себѣ отголосокъ, между прочимъ, и въ представленныхъ 23 февраля 1615 г. сословіями королю „наказахъ“ трехъ сословій. Два изъ этихъ наказовъ, наказы дворянства и третьяго сословія, приводятся здѣсь въ извлеченіи.

78.

Наказъ дворянства.

23 февраля 1615 г.

Его Величество, если ему угодно, не обратитъ никакого вниманія на всѣ статьи, которыя будутъ ему представлены въ наказахъ третьяго сословія, въ ущербъ юстиціи дворянъ; такъ какъ названая палата была составлена большею частью изъ чиновниковъ бальяжей, то главной ихъ цѣлью было увеличить свой авторитетъ и доходы въ ущербъ тому, чего столь достойнымъ образомъ заслужило дворянство.

Пусть Его Величество, принявъ во вниманіе разореніе бѣдныхъ земледѣльцевъ, нищета которыхъ является разореніемъ духовенства и дворянства, издастъ приказъ, чтобы на будущее время не было позволено людямъ третьяго сословія имѣть право налагать какіе-либо налоги по какому бы ни было поводу, исключая налоговъ Его Величества, безъ согласія дворянства и духовенства, проживающихъ въ томъ округѣ, въ которомъ будетъ происходить подобный сборъ податей.

Чтобы были отмѣнены и уничтожены всѣ мнимыя права и привилегіи жителей городовъ охотиться на земляхъ Его Величества и сосѣднихъ съ ихъ городомъ сеньерій, и пусть будетъ запрещено всѣмъ ротюрьерамъ и неблагороднымъ носить аркебузы и пистолеты и имѣть охотничьихъ собакъ или другихъ, у которыхъ не подрѣзаны поджилки.

Чтобы покончить съ великимъ безчинствомъ, которое въ настоящее время наблюдается въ средѣ третьяго сосло-

вія, узурпирующаго достоинство и одѣяніе благородныхъ дѣвицъ, Его Величество нижайше умоляютъ, чтобы отнынѣ было запрещено пользоваться этимъ подъ угрозой штрафа въ 100 экю.

Предписать каждому сословію носить такую одежду, чтобы по ней можно было различать положеніе лицъ, и чтобы для неблагородныхъ бархатъ и атласъ были воспрещены.

Чтобы всѣ купеческіе старшины, вице-бальи и вице-сенешалы были дворянами по происхожденію, и чтобы было приказано тѣмъ, кто не будетъ имѣть этого званія, въ теченіе трехъ мѣсяцевъ продать свою должность и, если это не будетъ сдѣлано, должность будетъ объявлена вакантной и предоставленой на соисканіе.

Чтобы большіе приказы водъ и лѣсовъ и частные приказы предоставлялись только дворянамъ по происхожденію.

Чтобы первый консулъ или майоръ въ городахъ и крѣпостяхъ избирался изъ дворянства, подъ угрозой признанія недѣйствительными выборовъ, которые могутъ быть произведены вопреки этому.

Чтобы изъ двухъ казначеевъ Франціи, которые останутся сообразно съ потребованнымъ упраздненіемъ этихъ должностей, одинъ былъ чистаго дворянскаго происхожденія и не могъ быть иного званія.

Чтобы на должности бальи и сенешала не могъ быть назначаемъ никто, кромѣ дворянъ родовыхъ и имѣющихъ гербы.

Чтобы ваши верховные трибуналы пополнялись родовыми дворянами, какъ въ старину, и чтобы, по крайней мѣрѣ, имъ была предоставлена треть должностей.

Такъ какъ напрасно было бы просить, чтобы Вашему Величеству было угодно предоставить дворянамъ преимущество при замѣщеніи должностей въ откупныхъ компаніяхъ вашего королевства, то пусть въ судебномъ и финансовомъ корпусѣ треть судей и чиновниковъ будетъ изъ дворянъ.

Переводъ Н. И. Никифорова.

79.

Наказъ третьяго сословія.

23 февраля 1615 г.

Чтобы всѣ архіепископы и епископы назначались согласно формѣ, предписанной Орлеанскимъ ордонансомъ, т. е. по списку трехъ кандидатовъ, избранныхъ епископами провинціи, каѳедральнымъ капитуломъ и двадцатью четырьмя нотаблями, половина которыхъ будетъ изъ дворянства, а другая изъ буржуазіи;

Чтобы преступленія, совершенныя духовными лицами, разсматривались въ обыкновенныхъ трибуналахъ;

Чтобы всѣ священники, подъ угрозой конфискаціи своихъ доходовъ, были обязаны ежегодно доставлять въ регистратуру трибуналовъ и дписанные на каждой страницѣ и на поляхъ реестры крещеній, свадебъ и погребеній;

Чтобы религіозныя общины не могли пріобрѣтать недвижимости, если это дѣлается не для расширенія территоріи ихъ монастырскихъ построекъ;

Чтобы іезуиты были подчинены тѣмъ же гражданскимъ и политическимъ законамъ, какъ и прочіе, основавшіеся во Франціи, ордена; чтобы они признавали себя подданными короля и могли имѣть провинціалами только прирожденныхъ французовъ, избранныхъ французскими іезуитами.

Чтобы дворяне и духовныя лица, имѣющіе жительство или домъ въ городахъ, были обязаны участвовать въ коммунальныхъ налогахъ;

Чтобы никакой дворянинъ, или кто другой, не могъ требовать никакой барщины отъ жителей своихъ доменовъ, если онъ не имѣетъ на то документа, провѣреннаго королевскими судьями;

Чтобы всѣмъ дворянамъ, или инымъ лицамъ, было запрещено принуждать кого-либо молоть хлѣбъ на ихъ мельницахъ, печь хлѣбъ въ ихъ печахъ, давить виноградъ въ ихъ прессахъ и практиковать какое-либо другое право сеньеріальной монополіи, на какое бы пользованіе и владѣніе

этимъ правомъ они ни ссылались, если они не имѣютъ признаннаго дѣйствительнымъ документа;

Чтобы всѣ свѣтскіе и духовные сеньеры были обязаны въ опредѣленный срокъ освободить своихъ крѣпостныхъ за опредѣленное королевскими судьями вознагражденіе, если только всѣ подданные короля, гдѣ бы они ни проживали, не будутъ объявлены правоспособными пріобрѣтать, владѣть и свободно передавать то, чѣмъ они владѣютъ;

Чтобы ниже парламентовъ не было болѣе двухъ степеней юрисдикціи;

Чтобы палаты налоговъ (Cours des Aides) были присоединены къ парламентамъ;

Чтобы профессіи, подчиненныя съ 1576 г. цеховому режиму, могли совершаться свободно;

Чтобы всѣ эдикты, въ силу которыхъ взимаются съ ремесленниковъ налоги, сообразно ихъ ремесламъ, были отмѣнены, и чтобы всѣ грамоты, разрѣшающія заниматься ремесломъ и пожалованныя въ видѣ придворной милости, были объявлены недѣйствительными;

Чтобы всѣ купцы и ремесленники, принадлежащіе къ профессіи, заключенной въ цеховую корпорацію, или ко всякой другой профессіи, не платили никакой пошлины за принятіе ихъ въ число хозяевъ, за открытіе лавки или за что-либо другое, относящееся къ ихъ профессіи;

Чтобы всѣ коммерческія или промышленныя монополіи, предоставленныя частнымъ лицамъ, были уничтожены;

Чтобы таможни на границахъ провинціи были уничтожены, и всѣ конторы для сбора пошлинъ были перенесены на границы.

Переводъ Н. И. Никифорова.

6. Англія и Нидерланды въ эпоху реформаціи.

—

80.

Король Генрихъ VIII и Лютеръ.

Письмо Генриха VIII къ императору Карлу V.

20 мая 1521 г.

Англійскій король Генрихъ VIII Тюдоръ (1509—1547), создавшій независимость англійской церкви по отношенію къ папѣ, провозгласивъ себя ея главой,—до 1529 г. былъ ярымъ приверженцемъ папизма. Стоя до этого времени всецѣло еще на сторонѣ старыхъ церковныхъ порядковъ, онъ сочувствовалъ и, какъ видно изъ приводимаго здѣсь (въ извлеченіи) письма, оказывалъ моральную поддержку Карлу V въ его борьбѣ съ Лютеромъ, противъ котораго онъ написалъ даже полемическое сочиненіе богословскаго характера, получивъ за него отъ папы титулъ „защитника вѣры“.

Святѣйшему и могущественнѣйшему государю Карлу V, милостью Божіей королю Римскому и пр.

Хотя мы знаемъ, что Лютерова чума, ядъ и смерть въ настоящее время настолько извѣстны всему свѣту, что врядъ ли они впредь смогутъ, при помощи какого-либо измышленія, овладѣть христіаниномъ, все-таки надо опасаться, что, если имъ будетъ позволено и дальше неистовствовать и свирѣпствовать съ вновь измышленнымъ и строго обдуманнымъ коварствомъ, а также не признавать закона и права, искажать постановленія святыхъ отцовъ, самымъ святотатственнымъ образомъ разрывать нерукотворныя ризы нашего Господа Іисуса Христа (на что

онъ, благодаря дьявольскому наущенію, отваживается),— онъ [1]) приведетъ къ гибели нѣкоторыхъ людей, тѣхъ, которые больше склонны слѣдовать за клеветой и врожденной ненавистью, чѣмъ за христіанской истиной. Поэтому мы отъ всего сердца просимъ и умоляемъ Ваше Императорское Величество вырвать съ корнемъ этотъ плевелъ, пропитанную ядомъ ересь, смѣло и славно выполнить долгъ и обязанность христіанскаго государя и помнить, что Вы не сможете ничѣмъ инымъ такъ угодить Всемогущему Богу, какъ тѣмъ, что постараетесь вырвать этотъ плевелъ изъ христіанской общины (что, мы не сомнѣваемся въ этомъ, будетъ въ скоромъ времени сдѣлано), изгнать эту зараженную и злую овцу далеко изъ предѣловъ христіанской вѣры, а также не терпѣть и не допускать, чтобы святые и столько столѣтій почитаемые обряды, обычаи и божественная служба унижались или совершенно были бы уничтожены; наоборотъ, лучше отдѣлите во-время эту нечистую и покрытую позоромъ часть тѣла отъ благороднѣйшей части: еретическія и вредныя книжки, вмѣстѣ съ Лютеромъ, если это возможно, при помощи силы, огня и меча (если онъ не раскается) совершенно изгоните, уничтожьте, вырвите съ корнемъ.

Переводъ В. Н. Евстафьева.

81.

Къ характеристикѣ королевы Елизаветы Англійской.

Изъ впечатлѣній современника-иностранца.

1564.

Марія Стюартъ, дочь и преемница короля Якова V на шотландскомъ престолѣ (род. въ 1542 г.), вышла въ 1558 г. замужъ за наслѣдника французскаго престола, ставшаго въ слѣдующемъ году королемъ Франціи подъ именемъ Франциска II (1559 1560). Овдовѣвъ въ 1560 г., она возвратилась въ Шотландію. Королевѣ Елизаветѣ хотѣлось, чтобы Марія вышла вто-

[1]) Лютеръ.

рично замужъ за одного изъ англійскихъ лордовъ. Для переговоровъ по этому дѣлу Маріей былъ посланъ въ 1564 г., въ качествѣ чрезвычайнаго посла при лондонскомъ дворѣ, Джемсъ Мельвиль. Свои впечатлѣнія отъ этого посѣщенія Мельвиль изложилъ въ своихъ *Мемуарахъ*, изъ которыхъ и приводится нижеслѣдующій отрывокъ.

Она разспрашивала меня о многомъ относящемся къ этому королевству [1]) и другимъ странамъ, гдѣ я путешествовалъ. Королева, моя государыня [2]), хорошо будучи освѣдомлена относительно природнаго нрава этой королевы [3]), дала мнѣ инструкцію иногда оставлять разговоръ о важныхъ матеріяхъ и вовлекать ее въ веселую бесѣду, чтобы, въ противномъ случаѣ, не наскучить ей. Поэтому, излагая свои наблюденія надъ нравами Германіи, Польши и Италіи, я не забылъ упомянуть о полусапожкахъ женщинъ и о томъ, какое мѣстное платье, по моему мнѣнію, болѣе всего идетъ благороднымъ женщинамъ. Королева сказала, что она имѣетъ платья разнаго рода, и послѣ этого ежедневно, въ теченіе моего пребыванія здѣсь, мѣняла наряды. Одинъ день она надѣвала англійское платье, другой—французское, слѣдующій—итальянское и т. д. Она спрашивала меня, какое изъ нихъ болѣе всего идетъ къ ней. Я отвѣтилъ, что, по моему мнѣнію, итальянское, и нашелъ, что этотъ отвѣтъ весьма понравился ей, такъ какъ ей доставляло удовольствіе красоваться своею золотистою шевелюрой съ сѣткой и шляпкой, какъ это принято въ Италіи. Ея волосы были скорѣе рыжеваты, чѣмъ золотисты и, повидимому, естественно курчавы. Она желала узнать отъ меня, какой цвѣтъ волосъ считается самымъ красивымъ, и кто изъ нихъ обѣихъ [4]) красивѣе. Я отвѣтилъ, что красота не является ихъ худшимъ недостаткомъ. Но она настойчиво добивалась, чтобы я признался, кого изъ нихъ я считаю болѣе красивой. Я сказалъ, что она самая прекрасная

[1]) Шотландіи.

[2]) Марія Стюартъ, королева Шотландская.

[3]) Елизавета, королева Англійская.

[4]) Т. е. она, Елизавета, или Марія Стюартъ.

королева Англіи, а моя—самая прекрасная королева Шотландіи. Однако она продолжала настаивать. Я отвѣтилъ, что обѣ онѣ самыя красивыя дамы въ своихъ странахъ, что Ея Величество бѣлѣе, а моя королева очень мила. Она освѣдомилась, кто изъ нихъ выше ростомъ. Я отвѣтилъ, что моя королева выше. Въ такомъ случаѣ, сказала она, она слишкомъ высока, такъ какъ я сама не слишкомъ высока и не слишкомъ мала. Затѣмъ она спросила, какого рода упражненіями она занимается. Я отвѣтилъ, что, когда я получилъ свое порученіе, королева недавно возвратилась съ охоты въ горахъ, и что, когда ей позволяютъ болѣе важныя дѣла, она употребляетъ время на историческое чтеніе; иногда она развлекается игрой на лютнѣ и виржиналѣ [1]). Она спросила, хорошо ли она играетъ. Я отвѣтилъ: „какъ подобаетъ королевѣ".

Въ тотъ же день послѣ обѣда лордъ Хönсдинъ ввелъ меня въ тихую галлерею, чтобы я могъ послушать музыку (хотя, сказалъ онъ, я бы не долженъ позволять этого), и гдѣ я могъ слышать игру королевы на виржиналѣ. Послѣ того какъ я нѣкоторое время такимъ образомъ подслушивалъ, я приподнялъ коверъ, висѣвшій передъ дверью комнаты, и, увидѣвъ, что королева сидѣла спиною къ двери, вошелъ въ комнату и стоялъ на небольшомъ разстояніи, слушая ея превосходную игру. Но она сейчасъ же перестала играть, какъ только, обернувшись, увидѣла меня. Она, казалось, была удивлена, увидѣвъ меня, и пошла по направленію ко мнѣ, дѣлая видъ, что хочетъ ударить меня рукой, и увѣряя, что она не привыкла играть передъ людьми, и играетъ только, когда бываетъ одна, чтобы разогнать меланхолію. Она спросила, какъ я вошелъ сюда. Я отвѣтилъ: „прогуливаясь съ лордомъ Хönсдинъ, мы проходили мимо дверей, и я услышалъ мелодію, столь очаровавшую меня, что былъ привлеченъ, самъ не сознавая, какимъ образомъ". Я оправдывалъ мой проступокъ простотой, принятой при французскомъ дворѣ, гдѣ допускалась подобная свобода.

---

[1]) Прототипъ нашего піанино.

При этомъ я заявилъ, что желаю самъ перенести тотъ родъ наказанія, который Ея Величеству будетъ угодно наложить на меня за столь великое преступленіе. Тогда она сѣла на подушку, а я сталъ передъ ней на колѣни, но она собственной рукой подала мнѣ подушку, чтобы я положилъ ее подъ колѣни; я сперва отказался, но она заставила меня взять ее. Затѣмъ королева, такъ какъ она была одна, позвала изъ ближайшей комнаты лэди Страффордъ и спросила меня, кто лучше играетъ, она или моя королева. Въ этомъ случаѣ я счелъ себя обязаннымъ отдать ей предпочтеніе.

Она нашла, что я говорю по-французски хорошо и спросила, могу ли я говорить по-итальянски; на этомъ языкѣ она, дѣйствительно, говорила хорошо. Я отвѣтилъ Ея Величеству, что у меня не было времени изучить языкъ въ совершенствѣ, такъ какъ я былъ въ Италіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Тогда она заговорила со мной по-нѣмецки, но владѣла этимъ языкомъ плохо; она хотѣла знать, какого рода книги доставляютъ мнѣ наибольшее удовольствіе, богословскія, историческія, или романы. Я отвѣтилъ, что очень люблю книги всякаго рода. Тутъ я воспользовался случаемъ, чтобы настойчиво попросить объ отпускѣ. Она сказала, что ея общество скорѣе наскучило мнѣ, чѣмъ ей мое. Я отвѣтилъ Ея Величеству, что, хотя я не имѣю никакого основанія скучать, но знаю, что дѣла моей государыни призываютъ меня домой. Однако, меня задержали еще на два дня, для того, какъ впослѣдствіи мнѣ сказали, чтобы я имѣлъ возможность посмотрѣть, какъ она танцуетъ. Когда танецъ былъ оконченъ, она спросила меня, кто танцуетъ лучше, она или моя королева. Я отвѣтилъ, что моя королева танцуетъ не такъ красиво и не съ такимъ темпераментомъ, какъ она. Затѣмъ она снова выразила желаніе увидѣть королеву въ какомъ-либо подходящемъ для встрѣчи мѣстѣ. Я предложилъ ей тайно перевезти ее на почтовыхъ, одѣтую пажемъ, въ Шотландію; переодѣвшись такимъ образомъ, она можетъ увидѣться съ королевой, по-

добно тому какъ Іаковъ V[1]) переодѣтый отправился во Францію со своимъ посланникомъ повидаться съ сестрой герцога Вандомскаго, которая должна была стать его женой; я сказалъ ей, что во время ея отсутствія ея комната можетъ быть обставлена такъ, какъ будто она была больна, и что никто не долженъ быть допускаемъ туда, кромѣ лэди Страффордъ и одного изъ камердинеровъ. Ей, кажется, понравился этотъ разговоръ, но она отвѣтила на это со вздохомъ:

— Увы, если бы я могла поступить такъ!

Она употребила всѣ возможныя средства, чтобы заставить меня убѣдить королеву въ сильной любви, которую она питаетъ къ ней, и въ ея безусловномъ желаніи отбросить всякую зависть и подозрѣнія, и со временемъ установить болѣе тѣсную дружбу, чѣмъ прежде. Она обѣщала, что отпускъ будетъ мнѣ скоро данъ въ Лондонѣ секретаремъ Сесилемъ; теперь же она находилась въ Hampton-Court[2]) и здѣсь дала мнѣ отвѣтъ устно, а ея секретарь письменно.

Переводъ Н. И. Никифорова.

82.

Марія Стюартъ и Джонъ Ноксъ.

Марія Стюартъ, дочь и преемница Якова V на шотландскомъ престолѣ, по смерти своего мужа, французскаго короля Францнска II въ 1560 г., возвратилась въ Шотландію. Ревностная католичка, она нашла свою страну охваченной реформаціоннымъ движеніемъ, во главѣ котораго стоялъ знаменитый проповѣдникъ кальвинизма Джонъ Ноксъ. Ноксъ получилъ высшее богословское образованіе въ Сорбоннѣ, главномъ богословскомъ очагѣ католичества, но увлекся ученіемъ Кальвина, и когда англійскій король Эдуардъ VI предложилъ ему епископскую каѳедру, то Ноксъ отказался, считая епископство несовмѣстимымъ съ своими религіозными воззрѣніями. Онъ возвратился въ Шотландію, гдѣ и сдѣлался главнымъ проповѣдникомъ кальвинизма и организаторомъ

---

[1]) Король Шотландіи (1524—1542).

[2]) Загородный дворецъ близъ Лондона.

пуританской церкви, какъ стали здѣсь называть реформированную церковь послѣдователи кальвинизма. Ноксъ написалъ обширную *Исторію церковной реформаціи въ Шотландіи*, въ которой, между прочимъ, изложилъ приводимый ниже разговоръ свой съ Маріей, происходившій въ присутствіи одного приближеннаго королевы.

... При этихъ словахъ королева оставалась въ изумленіи болѣе четверти часа; выраженіе лица ея мѣнялось, такъ что лордъ Джемсъ сталъ успокаивать ее и спросилъ:

— Что оскорбило васъ, государыня?

Наконецъ она сказала:

— Хорошо, но въ такомъ случаѣ я вижу, что мои подданные должны повиноваться вамъ, а не мнѣ, и должны дѣлать, что имъ угодно и, такимъ образомъ, я должна подчиняться имъ, а не они мнѣ.

Ноксъ отвѣтилъ:

— Сохрани Богъ, чтобы я когда-либо взялся приказывать кому-либо повиноваться мнѣ, или же предоставить подданнымъ свободу дѣлать, что имъ угодно. Моя работа состоитъ въ томъ, чтобы и государи и подданные повиновались Богу. Не думайте, государыня, что вамъ наносится обида тѣмъ, что желательно, чтобы вы подчинялись Богу, такъ какъ именно Богъ подчиняетъ народы государямъ и является причиной повиновенія, которое они должны имъ оказывать; да, Богъ требуетъ отъ королей, чтобы они были пріемными отцами по отношенію къ Его Церкви, а королевамъ повелѣваетъ быть кормилицами по отношенію къ народу. И эта покорность предъ Богомъ и Его встревоженной Церковью является наибольшимъ достоинствомъ, какого плоть можетъ достичь на землѣ, ибо она приведетъ ихъ къ вѣчной славѣ.

— Да, сказала она, но вы не та Церковь, которую я желаю поддерживать. Я буду защищать Римскую Церковь, ибо она, по моему мнѣнію, является истинной Церковью Господней... Мое внутреннее убѣжденіе не таково.

— Внутреннее сознаніе, государыня, сказалъ Ноксъ,—

нуждается въ знаніи, и я боюсь, что истиннаго знанія у васъ нѣтъ.

— Но, сказала она,—я слышала и читала и тѣхъ и другихъ [1]).

— Но, государыня, сказалъ онъ, — іудеи, распявшіе Христа, читали законъ и пророковъ и слышали ихъ, толкуя по своему. Развѣ вы слышали иное ученіе, кромѣ того, которое допущено папой и кардиналами? Вы можете быть увѣрены, что такое ученіе не скажетъ ничего во вредъ ихъ собственному положенію.

— Вы толкуете св. Писаніе, сказала она,—такъ, а они иначе; кому я должна вѣрить и кто будетъ судьей?

— Вы должны вѣрить Богу, сказалъ онъ,—Богъ ясно высказалъ Свое слово, и болѣе того, чему учитъ васъ слово Божіе, вы не должны вѣрить никому. Слово Божіе ясно; если же въ какомъ-либо мѣстѣ встрѣтится какая-либо неясность, то Святой Духъ, который никогда не впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой, излагаетъ это болѣе ясно въ другихъ мѣстахъ такъ, что не можетъ оставаться никакого сомнѣнія, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые упорно желаютъ пребывать въ невѣдѣніи.

Королева отвѣтила:

— Вы опечалены за меня; но если бы здѣсь были тѣ, кого я слышала, они бы отвѣтили вамъ.

— Государыня, сказалъ онъ,—если бы Богу было угодно, чтобы самый ученый папистъ въ Европѣ и тотъ, кому вы больше всего вѣрите, предстали съ вашей милостью на диспутъ, и чтобы вы согласились терпѣливо выслушать до конца споръ, то я, государыня, не сомнѣваюсь, что тогда вы убѣдились бы, какъ тщетна папская религія и какъ мало основаній имѣетъ она въ словѣ Божіемъ.

— Хорошо, сказала она,—вы, можетъ быть, достигнете этого раньше, чѣмъ думаете.

— Конечно, сказалъ онъ,—если я достигну этого въ моей жизни, то достигну раньше, чѣмъ думаю, такъ какъ

[1]) Т. е. и католиковъ и протестантовъ.

невѣжда папистъ не можетъ разсуждать терпѣливо, а ученый и изворотливый папистъ никогда не явится въ вашемъ присутствіи, государыня, для участія въ изслѣдованіи основъ своей религіи; они знаютъ, что они никогда не способны отстоять ее чѣмъ-либо, кромѣ огня, меча и своихъ собственныхъ законовъ.

— Такъ говорите вы, сказала королева,— однако я думаю, что такъ было до сего дня.

Онъ сказалъ:

— Какъ часто приглашали папистовъ въ этомъ и въ другихъ королевствахъ явиться на собесѣдованіе, но никогда этого нельзя было добиться, если только они не были допущены въ качествѣ судей. Поэтому, государыня, снова долженъ сказать вамъ, что они никогда не отважатся на диспутъ, гдѣ они не явятся одновременно судьями и стороной; и только тогда, когда вы дадите мнѣ увидѣть обратное, я соглашусь, что ошибался относительно этого пункта.

Въ это время королеву позвали обѣдать, такъ какъ было уже за полдень. Уходя, Джонъ Ноксъ сказалъ ей:

— Молю Бога, государыня, чтобы вы были такъ же благословенны въ государствѣ Шотландіи, если это угодно Богу, какъ нѣкогда Дебора въ царствѣ Израильскомъ.

Джонъ Ноксъ, на вопросъ нѣкоторыхъ изъ своихъ близкихъ относительно того, что онъ думаетъ о королевѣ, такъ высказалъ свое мнѣніе:

— Если у нея не надменный духъ, не хитрый умъ и не очерствѣлое сердце по отношенію къ Богу и Его заповѣдямъ, то я ошибаюсь въ своемъ сужденіи.

Переводъ Н. И. Никифорова.

83.

Утрехтская унія.

29 января 1579 г.

По почину Вильгельма Оранскаго и его брата Іоанна Нассаускаго, уполномоченными семи сѣверныхъ (протестантскихъ)

провинцій Нидерландовъ (Голландіи, Зеландіи, Фрисландіи, Цютфена, Оверисселя, Гренингена и Гельдерна), былъ заключенъ въ Утрехтѣ тѣсный союзъ для совмѣстной защиты политической и религіозной независимости. Договоръ, подписанный въ Утрехтѣ 29 января 1579 г. и извѣстный подъ именемъ Утрехтской уніи, отдѣливъ протестантскій сѣверъ Нидерландовъ отъ католическаго юга, положилъ фактическое начало Нидерландской республикѣ. Окончательное признаніе это новое государство получило, однако, лишь семьдесятъ лѣтъ спустя, по Вестфальскому миру, въ 1648 г.

Какъ то было испытано, послѣ Гентскаго соглашенія, которымъ почти всѣ Нидерландскія провинціи обязались стоять другъ за друга жизнью и имуществомъ и изгнать испанцевъ и другихъ чужестранцевъ съ ихъ сторонниками изъ этихъ провинцій, эти испанцы, во главѣ съ Донъ-Жуаномъ Австрійскимъ и другими своими вождями и полководцами, примѣняли всѣ средства и постоянно дѣлали попытки привести названныя провинціи въ цѣломъ и въ частяхъ къ подчиненію, тираническому правленію и рабству, не столько оружіемъ, сколько интригами раздѣлить эти провинціи и расчленить ихъ, привести къ нулю и разрушить союзъ, заключенный вышеупомянутымъ соглашеніемъ, для совершенной гибели и разоренія вышеупомянутыхъ земель и провинцій, такъ какъ ясно, что, упорствуя въ этихъ планахъ, они еще недавно думали склонить письмами на свою сторону извѣстные города и области и путемъ вооруженнаго нападенія овладѣли нѣкоторыми мѣстами въ Гельдернѣ. Вслѣдствіе этого жители княжества Гельдернъ и графства Цютфенъ и жители провинцій и земель Голландіи, Зеландіи, Утрехта и Фрисландіи между рѣками Эмсомъ и Бауверсомъ, сочли благоразумнымъ особенно и болѣе тѣснымъ образомъ вступить въ союзъ другъ съ другомъ не для того, чтобы отдѣлиться отъ общаго союза, заключеннаго Гентскимъ соглашеніемъ, но чтобы укрѣпить его и охранить себя отъ всякихъ затрудненій, которыя могутъ въ немъ возникнуть вслѣдствіе какихъ-либо интригъ, посягательствъ или насилія враговъ, чтобы знать, какъ и какимъ образомъ

они должны вести себя въ подобныхъ обстоятельствахъ и имѣть возможность защищаться противъ силы враговъ; хотя общій союзъ и Гентская пацификація въ то же время остаются въ силѣ, но, чтобы объявить объ отдѣленіи упомянутыхъ провинцій и отдѣльныхъ земель, уполномоченными на то депутатами этихъ провинцій были установлены и утверждены слѣдующіе пункты и статьи, и во всякомъ случаѣ они желаютъ такимъ образомъ отдѣлиться отъ Священной Римской Имперіи.

I. Названныя провинціи будутъ соединены и связаны союзомъ другъ съ другомъ и всѣ вмѣстѣ и всегда будутъ помогать другъ другу всѣми путями и способами, какъ еслибы онѣ составляли одну провинцію; никогда онѣ не будутъ имѣть права отдѣлиться, позволить отдѣлиться или уступить (въ чужое владѣніе) по завѣщанію, даренію, мѣнѣ, продажѣ, мирному договору, брачному договору или какимъ бы то ни было инымъ способомъ, — все это, однако, безъ ущерба для какой-либо отдѣльной провинціи, городовъ, фьефовъ и ихъ жителей и для ихъ спеціальныхъ и частныхъ привилегій, вольностей, льготъ, законовъ, статутовъ, добрыхъ старинныхъ кутюмовъ, обычаевъ и всѣхъ другихъ какихъ бы то ни было правъ, въ чемъ онѣ (провинціи) не только не будутъ чинить другъ другу никакого ущерба, препятствія или помѣхи, но скорѣе будутъ помогать, поддерживать и укрѣплять въ этомъ всѣми справедливыми и возможными средствами и даже, если понадобится, жизнью и имуществомъ, а также защищать какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было противъ всѣхъ и каждаго, кто пожелаетъ посягнуть на нихъ или овладѣть ими. Само собой разумѣется, что если какая-либо изъ вышеупомянутыхъ провинцій, фьефовъ или городовъ, принадлежащихъ къ союзу, имѣетъ или будетъ имѣть по отношенію къ другимъ провинціямъ какой-либо вопросъ относительно частныхъ и спеціальныхъ привилегій, вольностей, льготъ, законовъ, статутовъ, добрыхъ старыхъ кутюмовъ, обычаевъ и другихъ правъ, то такіе вопросы будутъ рѣшаться обыкновенной

юстиціей, третейскимъ судомъ или дружескимъ соглашеніемъ.

II. Также (постановлено), что упомянутыя провинціи, согласно съ заключеніемъ упомянутаго соглашенія и лиги, должны будутъ помогать другъ другу жизнью, имуществомъ и кровью противъ всякихъ насилій, какія кто-либо можетъ причинить имъ, подъ прикрытіемъ имени его величества короля (Филиппа II) или въ его пользу по причинѣ Гентскаго мирнаго договора; или же потому, что они подняли оружіе противъ Донъ-Жуана Австрійскаго; или же потому, что они приняли въ качествѣ губернатора эрцгерцога Матвѣя со всѣмъ, что было связано съ этимъ, или послѣдовало вслѣдствіе этого, или можетъ со временемъ послѣдовать; или же подъ знаменемъ и предлогомъ католической религіи, чтобы ввести и утвердить ее силою оружія; или же по поводу нѣкоторыхъ нововведеній и измѣненій, которыя были введены въ нѣкоторыхъ изъ названныхъ провинцій, городовъ или въ подвластныхъ имъ земляхъ съ 1558 г.; или по поводу настоящаго союза и конфедераціи; или по какому-либо иному поводу или причинѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда эти насилія и посягательства будутъ примѣняться и совершаться по отношенію къ отдѣльнымъ провинціямъ, штатамъ, городамъ и зависимымъ отъ нихъ землямъ, такъ и по отношенію ко всѣмъ имъ вообще.

IX. Также (постановлено), что безъ общаго единодушнаго совѣта и согласія упомянутыхъ провинцій не будетъ заключено никакое соглашеніе, никакой мирный договоръ, не будетъ начата война, не будутъ взиматься никакія подати и налоги, касающіеся всего союза; но другія дѣла, имѣющія отношеніе къ конфедераціи, или дѣла, зависящія отъ этихъ вопросовъ, будутъ регулироваться, обсуждаться и рѣшаться большинствомъ голосовъ провинцій, составляющихъ эту конфедерацію; эти голоса будутъ подаваться или собираться по способу, обычно соблюдаемому въ общемъ собраніи Штатовъ, но при условіи, что это будетъ постановлено общимъ совѣтомъ союзниковъ. Постановлено навсегда,

что если провинціи не будутъ въ состояніи столковаться другъ съ другомъ въ дѣлахъ, касающихся существованія государства, мира, войны или подати, то всякое несогласіе во мнѣніяхъ будетъ передано и предоставлено будущимъ штатгальтерамъ названныхъ провинцій, которые придутъ къ соглашенію или рѣшать дѣло по справедливости...

XII. Постановлено, что упомянутыя провинціи должны будутъ согласиться другъ съ другомъ относительно чеканки монеты, то-есть относительно обращенія денегъ, что, согласно предписаніямъ, будетъ сдѣлано сразу, и одна провинція не сможетъ измѣнить монету безъ согласія другихъ.

XIII. Въ отношеніи религіи жители Голландіи и Зеландіи будутъ держаться своего мнѣнія; остальныя провинціи союза будутъ регулироваться согласно статьямъ религіознаго мира, уже выработаннаго эрцгерцогомъ Матвѣемъ, губернаторомъ и главнымъ военачальникомъ всѣхъ этихъ земель, и его совѣтомъ съ согласія генеральныхъ штатовъ; относительно этого они вообще и въ частности установятъ всѣ правила, какія они сочтутъ содѣйствующими благу и справедливости провинцій и земель и всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, безъ какихъ бы то ни было препятствій, чтобы каждая личность была свободна въ своей религіи, и чтобы никто не терпѣлъ никакихъ несчастій по поводу своей религіи, согласно Гентскому соглашенію.

Переводъ Н. И. Никифорова.

84.

Гибель непобѣдимой Армады

по свидѣтельству современника-англичанина.

8 августа 1588 г.

Снаряженный Филиппомъ II Испанскимъ противъ Англіи въ 1588 г., невиданный по своимъ размѣрамъ, колоссальный флотъ, заранѣе названный „непобѣдимой армадой“, состоялъ изъ 130 большихъ судовъ, 30 менѣе значительныхъ, вооруженныхъ 2630

пушками и имѣлъ на борту около 30,000 человѣкъ, въ томъ числѣ 19,000 солдатъ, 8,500 матросовъ и 2,000 гребцовъ. Приводимый ниже разсказъ о гибели „непобѣдимой армады“ принадлежитъ Вильяму Кэмдену (William Cambden, род. въ Лондонѣ въ 1551 г., ум. въ 1623 г.), выдающемуся географу и историку Англіи, получившему прозвище „англійскаго Страбона и Павзанія“. Изъ всѣхъ сочиненій его наибольшую цѣну имѣетъ въ настоящее время написанная имъ обширная хроника царствованія королевы Елизаветы, подъ заглавіемъ *Лѣтопись царствованія королевы Елизаветы* (*Annals of the reign of Queen Elisabeth*), откуда и взятъ приводимый ниже отрывокъ.

27-го дня этого мѣсяца (іюля) къ ночи испанцы стали на якорь передъ Кале, предупрежденные лоцманами, что если они продвинутся дальше, то можно опасаться, что силой теченія они будутъ отнесены въ Сѣверный океанъ. По близости сталъ также на якорь лордъ адмиралъ со своими кораблями на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ нихъ; къ нему присоединили свои корабли Сеймуръ и Винтеръ. Теперь здѣсь англійскій флотъ состоялъ изъ 140 кораблей, способныхъ сражаться, плыть на парусахъ и поворачиваться, какъ угодно; однако, здѣсь было не болѣе пятнадцати кораблей, которые нѣкоторымъ образомъ выдерживали и отражали всю тяжесть сраженія. Испанцы сейчасъ же, какъ это они не разъ дѣлали раньше, настойчиво просили герцога Пармскаго, чрезъ отправленныхъ одинъ вслѣдъ за другимъ посланцовъ, прислать 40 легкихъ голландскихъ кораблей, безъ которыхъ они не могли успѣшно сражаться съ англійскими кораблями по причинѣ чрезвычайной величины и неповоротливости испанскихъ кораблей и замѣчательной подвижности англійскихъ. Они весьма настойчиво просили его выйти въ море съ арміей, которую испанскій флотъ будетъ защищать подъ своимъ крыломъ (такъ было рѣшено), пока она не высадится въ Англіи. Но онъ, не будучи готовъ, не могъ явиться на ихъ зовъ, такъ какъ его плоскодонные корабли, приспособленные для плаванья въ мелкихъ водахъ, давали течь, запасы съѣстныхъ припасовъ не были приго-

товлены и его матросы, задержанные здѣсь до этого времени противъ ихъ желанія, разбѣжались. Здѣсь находятся на стражѣ у входа въ гавани Дюнкирхена и Ньюпорта, откуда онъ долженъ былъ выйти въ море, военные корабли голландцевъ и зеландцевъ, столь сильно снабженные крупной артиллеріей и огнестрѣльнымъ оружіемъ, что онъ не могъ выйти въ море, если онъ только не хотѣлъ добровольно броситься на очевидную погибель. Однако онъ, опытный и искусный воинъ, казалось, ничего не упустилъ изъ виду, пылая желаніемъ завоевать Англію. Но предусмотрительность королевы Елизаветы предупредила и его старанія и легковѣрную надежду испанцевъ. По ея приказанію, на слѣдующій день послѣ того, какъ испанцы бросили якорь, лордъ адмиралъ приготовилъ восемь изъ своихъ худшихъ кораблей, обмазалъ ихъ воспламеняющимся составомъ, дегтемъ и смолой, наполнилъ сѣрой и другими горючими матеріалами и, подъ командой Юнга и Проуса, послалъ ихъ во мракѣ ночи по вѣтру на испанскій флотъ. Когда испанцы увидѣли приблизившіеся къ нимъ брандеры, и все море было освѣщено ихъ пламенемъ, то они предположили, что эти брандеры угрожаютъ не только пожаромъ, но также снабжены смертоносными орудіями и губительными изобрѣтеніями и, съ крикомъ испуга, подняли якоря, перерубили свои канаты и въ паническомъ ужасѣ съ большой поспѣшностью и въ безпорядкѣ вышли въ море. Среди этой суматохи большой галлеасъ сломилъ свой руль; онъ носился туда и сюда и на слѣдующій день, въ страхѣ плывя по направленію къ Кале, сѣлъ на песчаную мель, и въ то же время съ нимъ сражались съ различнымъ успѣхомъ Престонъ, Томасъ Джераръ и Гарвей; капитанъ Донъ Гуго де-Монкада былъ убитъ, а солдаты или были потоплены, или пали подъ мечемъ, и большое количество золота досталось въ добычу. Корабль и артиллерія достались губернатору Кале.

Испанцы передаютъ, что, когда приблизились брандеры, герцогъ скомандовалъ всему флоту сняться съ якоря съ тѣмъ, чтобы, когда опасность исчезнетъ, каждый корабль

возвратился на свое мѣсто. Дѣйствительно, онъ возвратился, давъ сигналъ выстрѣломъ изъ большой пушки, чтобы остальные сдѣлали то же самое; однако сигналъ былъ услышанъ только на немногихъ корабляхъ, такъ какъ они были разсѣяны повсюду и отъ страха часть ихъ понеслась въ открытый океанъ, а другіе направились къ мелямъ Фландріи.

Тѣмъ временемъ Дрэкъ и Феннеръ жарко обстрѣливали своей артиллеріей испанскій флотъ, который снова собрался противъ Гравеллинга. Къ нимъ присоединились послѣ Фентонъ, Соутвеллъ, Бистонъ, Кроссъ, Риманъ, а затѣмъ самъ лордъ адмиралъ, лордъ Томасъ Говардъ и лордъ Шеффильдъ. Герцогъ, Лева, Оквенда, Рекальде и прочіе съ большимъ трудомъ вышли изъ мелкихъ мѣстъ и выдерживали всю тяжесть битвы, такъ какъ большая часть ихъ кораблей была разстроена и прострѣлена насквозь. Галеонъ [1]) св. Матѳей, подъ командой Дона Діего Пиментелли, пришедшій на помощь Дону Франциску де-Толедо на св. Филиппѣ, также былъ взятъ, и весь испанскій флотъ въ теченіе всего дня терпѣлъ самыя ужасныя бѣдствія.

Въ послѣдній день мѣсяца рано утромъ подулъ сильный вестъ-нордъ-вестъ, и испанскій флотъ, старавшійся возвратиться въ узкій проливъ, былъ унесенъ по направленію къ Зеландіи. Англичане не преслѣдовали ихъ, потому что (какъ думаютъ испанцы) они видѣли, что они почти были обречены на гибель, такъ какъ при вестъ-нордъ-вестѣ они не могли не наткнуться на пески и банки вблизи Зеландіи. Но такъ какъ скоро вѣтеръ поворотилъ на юго-западъ, то они поплыли по вѣтру и, миновавъ банки, вечеромъ совѣщались, что дѣлать; съ общаго согласія было рѣшено возвратиться въ Испанію черезъ Сѣверный океанъ, такъ какъ они нуждались во многомъ, особенно въ тяжелой артиллеріи, корабли ихъ были испорчены и не было надежды на то, что герцогъ Пармскій сможетъ выставить свой флотъ.

---

[1]) Большое судно.

Поэтому они, выйдя въ глубокія воды, направили курсъ на сѣверъ и по временамъ вступали въ бой съ преслѣдовавшимъ ихъ англійскимъ флотомъ. Такъ какъ многіе полагали, что они возвратятся, то королева мужественно произвела смотръ своей арміи и лагерю и, когда она съ жезломъ въ рукѣ проѣзжала между рядами вооруженныхъ людей или проходила между ними то военнымъ шагомъ, то обыкновеннымъ женскомъ, то трудно повѣрить, насколько она укрѣпляла сердца своихъ капитановъ и солдатъ своимъ присутствіемъ и рѣчью.

Переводъ Н. И. Никифорова.

ДРУГІЯ ПЕЧАТНЫЯ РАБОТЫ

проф. П. Н. АРДАШЕВА,

имѣющіяся въ продажѣ въ книжныхъ магазинахъ: Суворина, Карбасникова, Оглоблина, Идзиковскаго и друг.:

Переписка Цицерона какъ источникъ для исторіи Юлія Цезаря. Москва, 1890. Цѣна 2 р.

Провинціальная администрація во Франціи въ послѣднюю пору стараго порядка. Провинціальные интенданты. Томъ I. Спб., 1900. Цѣна 2 р. 50 к.— Томъ II. Кіевъ, 1906. Цѣна 2 р. 75 к. (Удостоено Московскимъ Университетомъ преміи С. М. Соловьева и Императорской Академіей Наукъ преміи митрополита Макарія).

Абсолютная монархія на Западѣ. Спб., 1902. Цѣна 1 р.

Мѣсяцъ во французской провинціи. Изъ дневника П. Н. Ардашева. Юрьевъ, 1903. Цѣна 50 к.

О прогрессѣ въ исторической наукѣ. Вступительная лекція. Кіевъ, 1904. Цѣна 35 к.

Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 1905. Цѣна 75 к.

Разборъ книги А. Ону: „Выборы 1789 г. во Франціи и наказы третьяго сословія“. Спб., 1909. Цѣна 40 к.

Исторія Западной Европы въ новѣйшее время. Отъ конвента до нашихъ дней. (Дополненіе къ лекціямъ по всемірной исторіи проф. Петрова). Часть I. Спб., 1910. Цѣна 1 р. 40 к.—Часть II. Спб., 1910. Ц. 1 р. 60 к.

Нѣсколько словъ по поводу книги проф. Олара о Тэнѣ. Кіевъ, 1910. Цѣна 10 к.

Французскій Bailli и его римскіе и византійскіе предки. Кіевъ, 1910. Цѣна 20 к.

Національзмъ на Западѣ. Его историческое происхожденіе и главнѣйшіе моменты его развитія. Кіевъ, 1911. Цѣна 25 к.

Третій международный историческій конгрессъ въ Лондонѣ. Спб., 1913. Ц. 50 к.

Французская революція въ изложеніи римскихъ историковъ. (Ученая шутка). Одесса, 1914. Цѣна 15 к.

Конецъ Лангдокскаго интендантства. Харьковъ, 1914. Цѣна 20 к.

Les Intendants de province sous Louis XVI. Traduit du russe, sous la direction de l'auteur, par Louis Jousserandot. Paris, Félix Alcan, 1909. Prix 10 fr.

ПЕРЕВОДЫ И СОЧИНЕНІЯ

составленныя подъ редакціей **проф. П. Н. АРДАШЕВА:**

Эразмъ Роттердамскій. Похвала Глупости. Переводъ съ латинскаго. Изданіе третье, исправленное. Кіевъ, 1910. Цѣна 50 к.

Наказы третьяго сословія Аррасскаго бальяжа въ 1789 г. Сочиненіе студентовъ Императорскаго Университета св. Владиміра Н. И. Никифорова, Н. П. Руткевича и В. Н. Евстафьева, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1911. Цѣна 1 р.

Критико-библіографическій обзоръ учебной литературы по исторіи на русскомъ языкѣ съ 1890 по 1912 г. Учебники по Русской Исторіи. Составлено группой слушательницъ Историко-филологическаго отдѣленія Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1913. Цѣна 1 р.

Судъ во Франціи при старомъ порядкѣ по наказамъ третьяго сословія Сансскаго бальяжа. Сочиненіе слушательницы Высшихъ Женскихъ Курсовъ въ Кіевѣ И. К. Григорьевой, подъ ред. проф. П. Н. Ардашева. Кіевъ, 1914. Цѣна 70 к.

Цѣна 1 руб.

2007051254